

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Учебно-научный центр изучения
этнополитических и этнокультурных процессов

Ю.П. Шабает

Управление
культурным многообразием России:
опыт национальных республик

Учебное пособие

Москва
2019

УДК 351.85(075)
ББК 63.3(2)6-7я73
Ш12

Ответственный редактор

М.А. Омаров

доктор политических наук, профессор,
директор Учебно-научного центра изучения
этнополитических и этнокультурных процессов

Рецензенты

В.А. Семенов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории
Института истории и права Сыктывкарского государственного
университета им. Питирима Сорокина

А.В. Мартыненко, доктор исторических наук, профессор ВАК РФ,
профессор кафедры отечественной и зарубежной истории
и методики обучения Мордовского государственного
университета им. М.Е. Евсевьева

*Работа выполнена в рамках государственного задания
на оказание государственных услуг (выполнение работ) на 2019 г.
по организации общественно значимых мероприятий
в сфере образования, науки и молодежной политики
№ 075-00209-19-03 «Исследование социокультурных
и социально-политических аспектов межнациональных
и межрелигиозных отношений в молодежной среде»*

ISBN 978-5-7281-2571-6

© Шабаев Ю.П., 2019
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2019

Оглавление

<i>Предисловие</i>	7
<i>Глава 1.</i> О культурном многообразии современного мира и понятийном аппарате этнополитики.	11
<i>Глава 2.</i> Об истории и языковом родстве уральцев	36
<i>Глава 3.</i> Демография и политика: статистика населения и ее влияние на этнополитику	70
<i>Глава 4.</i> Этнополитика в регионах проживания уральцев	93
<i>Глава 5.</i> Формирование культурных пространств и идея культурных миров. Финно-угорский мир	119
<i>Глава 6.</i> Проблемы сохранения языка и культуры в контексте проблем регионального развития	140
<i>Заключение</i>	170

Предисловие

Современный мир – это динамично изменяющийся мир, в котором формируются глобальные рынки труда, капитала, товаров и услуг, расширяется международная кооперация и разделение труда, т. е. происходит все то, что принято называть процессами глобализации. Эти процессы имеют давнюю историю, и некоторые исследователи полагают, что начало им положила эпоха великих географических открытий. Но помимо экономической глобализации, все более усиливающейся в последние десятилетия (хотя есть и возвратные явления), исследователи все чаще говорят о культурной глобализации, суть которой сводится к формированию массовой культуры, основанной на единых (или схожих) формах культурного потребления.

Но нельзя переоценивать процессы глобализации, а особенно их глубину. Более того, если сфера экономики, финансов, торговли приобретает планетарный характер, то культурные отличия разных стран и народов все еще очень велики. Тем не менее именно процессы современной глобализации дали основания говорить о том, что институт государственного суверенитета постепенно умирает, потому что решение глобальных вопросов перекладывается на различные международные организации – ООН, ЕС, «семерку» («двадцатку») и т. д. В этой связи утверждалось, что на карте мира сначала перестанут появляться новые государства, а впоследствии начнется исчезновение существующих. Так, автор книги «Народы без государств» Монсерат Губерно полагала, что в условиях современной цивилизации многие народы отказываются от борьбы за создание собственного национального государства. Но утверждения глобалистов о том, что скоро в мире перестанут возникать новые государства и начнется эпоха глубокой интеграции, а также исчезновения многих независимых государств, оказались надуманными. Количество государств продолжало расти в конце XX и в начале XXI столетия, но помимо официально признанных возникли и существует целый ряд непризнанных государственных или псевдогосударственных образований: это и Республика Северного Кипра, признанная только Турцией, и Косово, которое многие государства не собираются признавать,

и Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, чье возникновение связано с острыми этнополитическими конфликтами на постсоветском пространстве. Сегодня в мире существует 251 государство, из которых 193 являются членами ООН.

При этом вполне возможно появление новых государств, ибо самая богатая область Испании Каталония, где производится пятая часть национального дохода страны, не оставляет попыток обрести независимость; политическое руководство Шотландии заявило, что в ближайшие два года здесь состоится новый референдум о независимости (первый состоялся осенью 2014 г., и тогда 55% шотландцев высказалась за то, чтобы остаться в составе Великобритании), центробежные тенденции имеют место и во многих других странах, включая вполне богатые и казалось бы благополучные страны. Одной из важнейших причин их возможного раскола является культурная неоднородность.

Если же говорить о мире в целом, то он очень разнообразен, и разные страны отличаются друг от друга не только и не столько уровнем развития экономики и политическими режимами, сколько этническим, расовым, религиозным составом населения. Эти различия не могут быть преодолены за счет процессов глобализации, ибо они складывались тысячелетиями. Современная геополитика обращает внимание не только на категории пространства и силы государств, но и на культурно-историческую обусловленность характера международных отношений, а потому в числе ее основных парадигм находится цивилизационная парадигма, предложенная директором Института стратегических исследований Гарвардского университета (США) Сэмюэлем Хантингтоном. Он выдвинул и обосновал гипотезу, согласно которой мировые конфликты неизбежны в силу культурной неоднородности мира и принципиальных различий между цивилизациями, которые сегодня существуют на планете¹. По его мнению, сегодня можно выделить семь или восемь цивилизаций, среди которых западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская. Он полагал, что цивилизационные различия более консервативны и менее способны к изменениям, чем политические

¹ *Мухаев Р.Т.* Геополитика: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Регионоведение», «Политология», «Международные отношения». 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 207–210.

и экономические, и потому многие конфликты на планете носят именно цивилизационный характер. При всей спорности многих положений концепции столкновения цивилизаций, следует согласиться с тем, что культурные различия могут превращаться в политический ресурс и становиться движущей силой политики и причиной политических конфликтов. Примеров тому достаточно. С позиций концепции Хантингтона можно отчасти объяснить и «арабскую весну» 2010–2011 гг., и миграционный кризис в Европе в 2015–2016 гг., и нарастающее противостояние между Китаем и США (и их атлантическими союзниками). Конфликты, в основе которых не только экономические противоречия, но и культурные, этнические, религиозные различия, возникают снова и снова. Именно поэтому на рубеже XX и XXI вв. обрела статус самостоятельной научной дисциплины этнополитология, в фокусе внимания которой находятся культурные различия между народами, оцениваемые как политический ресурс.

Глава 1

О культурном многообразии современного мира и понятийном аппарате этнополитики

О понятии «этнос»

Все народы мира, которые рассматриваются не как политические сообщества, т. е. нации, являются носителями определенных культурных традиций, и как носители культур они обычно именуется этническими группами, или этническими сообществами, но в СССР их обычно называли этносами, и была предпринята попытка создать некую теорию этноса, разработкой которой занимался академик Ю.В. Бромлей.

В советские годы в качестве ключевого понятия отечественной этнографии (науки об этнических обществах и их культурах) являлся термин *этнос*, ибо этносы выступали, по замечанию Ю. Бромлея, «в качестве основных объектов этнографии»². В отличие от советских этнографов, на Западе культурные и социальные антропологи занимались изучением культур, а не этносов, хотя, конечно, у каждой культуры есть свои носители, т. е. социальные сообщества. Западные антропологи для определения комплекса чувств, основанных на принадлежности к культурной общности, использовали чаще всего термин *этничность*, который впервые употребил в 1953 г. американский социолог Дэвид Рисман, но в Oxford English Dictionary он появился лишь в 1972 г. и использовался для подчеркивания культурной солидарности и отличия членов данной группы от других групп.

Тем не менее в России термин *этнос* оказался очень живуч – он и сегодня широко используется представителями многих гуманитарных и социальных наук в нашей стране.

Этнос – это, по мнению советских исследователей, общность людей, которая имеет свое самоназвание (в этнографии оно обозначается термином *этноним*), сложившаяся на основе общности территории, языка, культурных традиций и этнического самосознания. Но все названные «признаки» этноса являются

² Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. С. 10.

условными, ибо далеко не каждый народ имеет «свою» территорию или расселен компактно, и часто его группы проживают на одной территории с другими этническими группами. Например, цыгане не имеют этнической территории и почти два тысячелетия ее не имели евреи. Общность языка очень условна, ибо многие народы Африки не имеют своего языка, а почти все валлийцы, шотландцы, ирландцы говорят на английском (также как большинство бретонцев, корсиканцев – на французском). Диалекты, на которых говорят разные группы карел, саамов, хантов настолько отличны друг от друга, что их многие лингвисты считают отдельными языками. Если же говорить об общности самосознания, то наличие такой общности вызывает серьезные сомнения, равно как и общность культурных традиций, поскольку почти в каждом этническом сообществе наличествуют локальные группы, традиции которых имеют свои особенности. Неслучайно советские этнографы придумали иерархию этнических групп, на вершине которой находится этнос, затем следует субэтнос, а далее – этнографическая группа. Правда, некоторые исследователи пытались ввести в научный оборот и категорию *суперэтнос*, который использовался для характеристики многомиллионных народов, расселенных на обширных территориях (например, русских) или о сообществах, в состав которых могут входить многие родственные по языку и культуре группы.

Но от названных иерархий сегодня уже почти полностью отказались, используя нейтральное понятие *этническая группа* применительно к любым типам культурных сообществ, а чаще используя вышеназванное понятие *этничность*.

Но тем не менее, как уже сказано, традиционное восприятие этнических сообществ как неких коллективных тел, обладающих общим самосознанием и являющихся некими однородными социальными образованиями, каждый член которого навечно связан с ним узами кровного родства (а потому не может изменить свою идентичность), весьма распространено, и особенно в среде активистов различных этнонациональных организаций. Поэтому в ряде изданий фигурирует точка зрения, согласно которой культуры и их носители рассматриваются с натурфилософских позиций. Иными словами, человеческие сообщества рассматриваются примерно так же, как редкие виды растений и животных, которых надо охранять, а в случае угрозы их исчезновения исчезающие языки и народы следует вносить в «красные книги», подобные тем, что содержат перечень исчезающих видов

растений и животных³. Да и сами описания этнических культур, если судить по многочисленным справочникам и атласам, посвященных описанию народов России, представляют собой своеобразные «этнографические гербарии», поскольку в них очень подробно описываются народная одежда, традиционные жилища, пища и столовый этикет, обычаи, которые сохраняются лишь в памяти старшего поколения, но никак не связаны с современным бытом и характером нынешнего культурного потребления. А поскольку народы – это социальные сообщества, которые постоянно развиваются и изменяются, вступают в контакты с другими сообществами, заимствуют их культурный опыт и традиции, меняют свое мировоззрение и уклад жизни, постольку ни язык, ни культура различных этнических групп не могут оставаться неизменными, а сами они в условиях глобализации и культурной унификации могут исчезать или интегрироваться в другие сообщества. Собственно, так происходило всегда в истории цивилизации, ибо сегодня мы только по историческим источникам можем говорить о культуре финикийцев, карфагенян, хеттов, галлов, варягов, ибо эти и многие другие культурные сообщества сошли с исторической сцены, слившись с другими группами, а некоторые народы поменяли имя, места расселения, хозяйственную специализацию, язык, на котором они общаются, и многое другое. Поэтому перемены в культурном облике народов неизбежны, включая и исчезновение отдельных культурных групп, ибо это есть естественный ход исторической эволюции народов и культур.

Подход к пониманию этнических культур в СССР определялся идеологией марксизма-ленинизма, суть которой состояла в понимании исторического развития как последовательной смены общественно-экономических формаций и восхождении человеческих сообществ от низших форм социальной организации – к высшим. Сама смена формаций объяснялась изменением форм собственности на средства производства.

Исходя из стадийного понимания исторического процесса, советские этнографы попытались создать иерархию форм эт-

³ *Kolga M., Tonurist I., Vaba L., Viikberg J.* The Red Book of the Peoples of the Russian Empire. Tallinn: NGO Red Book, 2001; *Moseley Ch.* (ed.). Atlas of the World's Languages in Danger. Paris: UNESCO, 2010; Красная книга языков народов России: Энцикл. словарь-справочник / Ин-т яз. народов России, Акад. естеств. наук Рос. Федерации. М.: Academia, 1994.

нических сообществ. По их мнению, исторически первой формой этнической организации было *племя*, и эта форма доминировала в доклассовых и отчасти раннеклассовых обществах. В рабовладельческих и феодальных обществах формой объединения культурных сообществ считалась *народность*, а для эпохи капитализма – *нация*. При этой высшей форме развития наций называлась социалистическая нация. Триада *племя-народность-нация* прочно укоренилась как в общественных науках, так и в массовом сознании, поэтому неслучайно и ныне многие обыватели, политики, журналисты расценивают эти понятия как синонимы. И это неслучайно, а опять же связано с последствиями «ленинской национальной политики».

«Важнейшее значение для политического и культурного развития страны имел отказ от идеи гражданства и республиканских идеалов равенства путем политизации и актуализации категории “национальность” и придания ей смысла, отличного от того, который принят в республиканской традиции и в мировой политической практике. Впервые этот термин в России появился в 1926 г., когда проводилась первая всесоюзная перепись населения. В первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. опрашиваемым задавался только вопрос о языках, но этническая принадлежность никак не фиксировалась. При проведении переписи 1926 г. переписчики столкнулись с серьезными сложностями, поскольку население многих мест, а особенно районов со смешанным населением, никогда прежде не считало себя представителями отдельной культурной общности, термин «национальность» для людей был непонятен, ибо они привыкли соотносить себя с местным сообществом, религиозной общиной, а не с какой-то этнической группой»⁴. Позднее этническую принадлежность человека стали указывать в паспортах, где после персональных данных о гражданине пятым пунктом значилась категория «национальность». В большинстве стран мира под национальностью понимают принадлежность человека к нации-государству, т. е. его гражданство. В советской традиции *национальность* стала синонимом *этнической принадлежности* и сегодня нередко понимается именно таким образом.

⁴ Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учеб. для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 366–367.

Впрочем, надо заметить, что в советские годы именно народы, давшие названия республикам в составе СССР (союзным и автономным), рассматривались как *социалистические нации*.

Однако современные исследователи полагают, что племя вообще нельзя считать формой организации этнических сообществ, ибо племя было формой социальной организации территориальных групп, имевшее, прежде всего, характер военного союза. Особенно очевидно это на примере организации кочевых сообществ, где в составе племен могли быть родовые группы, говорящие на разных диалектах и даже языках, придерживающиеся разных традиций и даже исповедующих разные верования. Понятие же народность, с помощью которого обозначались культурные сообщества в раннеклассовой (рабовладельческой) и феодальной формациях, вообще очень неопределенно.

О понятии *нация*

Что касается понятия *нация*, то под нацией понимается в первую очередь гражданское и политическое сообщество, т. е. территориальное объединение, сформировавшие собственную государственность. Идея гражданской нации обрела содержание в эпоху Великой французской революции 1789 г., когда лозунг «Да здравствует нация» означал, что революционеры добивались того, чтобы в основу общественного устройства была положена идея гражданина как основы государства, в котором и гражданин и государство – равнозначные партнеры, несущие равную ответственность друг перед другом. При этом все граждане формируют единое сообщество, в котором никакие расовые, этнические, сословные, конфессиональные различия не принимаются во внимание, ибо у каждого гражданина равные права с остальными, и все они принадлежат к единому сообществу и имеют одно общее имя – *политоним*. Поэтому всех граждан Франции называют французами, граждан Великобритании при этом называют британцами (но не англичанами, валлийцами, шотландцами, ирландцами), в Финляндии – финляндцами (но не финнами), в Австрии – австрийцами (но не немцами). Следует заметить, что в эпоху революции 1789 г. половина жителей Франции не говорила на французском языке и не принадлежала к французам как носителям этнических традиций. Это были бретонцы, баски, корсиканцы, эльзасцы и т. д. Но поскольку все они были

членами единой французской нации, постольку единственным языком обучения во французской школе в 1880 г. был объявлен французский язык, хотя для многих сотен тысяч граждан Франции он не был родным.

Нация – это союз равноправных граждан, объединенных гражданской солидарностью и политическим единством, а выбор языка, религии, образа жизни – это личное дело гражданина, и государство не вправе вмешиваться в этот выбор, а может либо оказывать поддержку гражданам в их культурном самоопределении, либо оставаться нейтральным. Во всяком случае, именно так видели сообщество граждан идеологи Великой французской революции и именно эти принципы сегодня лежат в основе процесса нациестроительства в современной Французской республике, которую именуют нередко Пятой республикой.

Нации создают свое национальное государство, основанное на идее гражданства и приоритете гражданских прав и свобод над любыми другими, государство – базирующееся на прочной гражданской идентичности. Для прочной гражданской идентичности (солидарности отдельного человека с политическим сообществом, к которому он принадлежит) характерен приоритет именно гражданской идентичности над всеми другими социальными идентичностями: этническими, религиозными, сословными, профессиональными и т. д. Переход к государствам-нациям начался на рубеже XVIII–XIX столетий, когда стали разрушаться или ослабевать династические империи. Сегодняшний мир преимущественно состоит из государств-наций, и неслучайно важнейший международный институт носит название Организация Объединенных Наций (ООН), чем подчеркивается гражданская природа государств-наций.

В современном международном праве и политике доминирует понимание нации как нации-полиса, и поэтому в 2006 г. на пленарном заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы была принята «Рекомендация о понятии нация», в которой подчеркивалось, что международной правосубъектностью обладают лишь нации, сформировавшие государства и построенные на основе гражданства, которое необязательно связано с этнической принадлежностью. И большинство современных стран строятся на основе нации-полиса, ибо таких стран, в которых бы абсолютно преобладали представители одной этнической группы, осталось очень немного. Среди них можно назвать Мальту, Исландию, Венгрию, Финляндию и еще несколько, поскольку доля мальтийцев,

исландцев, венгров и финнов в этих государствах превышает 90%, но даже в этих *моноэтнических* по составу населения странах нельзя говорить об однородном культурном составе населения, ибо принадлежность к одной и той же этнической группе не является свидетельством гомогенного (однородного) культурного состава населения. Те, кто относят себя к венграм в Венгрии или финнам в Финляндии, могут иметь разное расовое происхождение, исповедовать разные религии, говорить на языке, отличном от языка основной массы представителей доминирующего этнического сообщества и т. д.

И, тем не менее, наряду с концепцией *нации-полиса* существует и концепция *нации-этнуса*, а для сторонников этнического национализма понимание нации как сообщества, сформированного на основе одной этнической группы, является краеугольным камнем как идеологии, так и политических практик. Исходя из этой идеи в Чехословакии, которая возникла в 1918 г. на руинах Австро-Венгерской империи, была принята доктрина формирования нации, базировавшаяся на идее, что только чехи и словаки являются единственными реальными гражданами новой республики, при этом словаков чешские интеллектуалы рассматривали не как отдельную этническую группу, а как менее развитую часть единого чешского народа, а словацкий язык – как диалект чешского языка (чехословацкого). Три с половиной миллиона судетских немцев, 800 тысяч венгров, сотни тысяч цыган и представителей иных этнических меньшинств официально не признавались органической частью чехословацкой нации, и идея гражданской интеграции в политической повестке первого президента Чехословацкой республики, бывшего профессора Пражского университета (который в 1882 г. был разделен по языковому принципу на чешскую и немецкую части), Томаша Масарика не стояла. Масарик развивал идеи чешских «будителей» начала XIX в., и в годы первой мировой войны, оказавшись в эмиграции в США, стал лидером чешского движения, получив поддержку со стороны другого бывшего профессора – Президента США Вудро Вильсона, разработавшего план послевоенного переустройства Европы (до своего избрания он был профессором права в Чикагском университете). Масарик считается отцом чешской нации, а потому ему воздвигнут памятник в историческом сердце Праги – Пражском Граде, несмотря на его во многом спорные взгляды. Откровенное недовольство властей первой республики к этническим меньшинствам породило среди них не только открытое недовольство, но и споро-

воцировало рост сепаратистских настроений в самой крупной и влиятельной группе меньшинств – судетских немцев, что в итоге привело к открытому противостоянию с государством, закончившимся в 1937 г. так называемым Мюнхенским сговором. Результатом этого сговора стала аннексия Судетской области гитлеровской Германией, явившейся прелюдией к началу Второй мировой войны.

Этнический национализм в России и современном мире

Идеология этнического национализма базируется на идее нации-этнуса. Ее сторонники полагают, что этнические и государственно-административные границы должны совпадать, а этнические группы быть реальными субъектами политики. А поскольку в международных организациях представлены в основном государства-нации, постольку в конце XX в. ей создана политическая альтернатива – Организация неприсоединившихся стран и народов – Unrepresented Nations and People (UNPO), в состав которой входят и некоторые этнические организации, включая российские.

Этнический национализм породил множество конфликтов и привел к распаду в конце XX в. таких государств, как СССР (1991 г.), Югославская Федерация (1991–2003 гг.), Чешская и Словацкая федеративная республика (1993 г.). При этом распад Югославии сопровождался войнами и сложными внутренними конфликтами, происходившими внутри бывших югославских республик, а на постсоветском пространстве возник ряд непризнанных республик, которые взяли курс на отделение от Азербайджана, Грузии, Молдовы, Украины.

Идеология этнического национализма, истоки которой восходят к началу XIX в., оказалась весьма живучей и является политическим ориентиром для властей целого ряда государств. Эта идеология была взята на вооружение в постсоветскую эпоху властями Латвии и Эстонии, которые объявили основой латышской и эстонской наций латышей и эстонцев, а значительная часть русскоязычного населения на основании принятых законов о гражданстве была лишена гражданских и политических прав и объявлена «негражданами», для которых был даже изобретен «паспорт негражданина» (хотя по идее паспорт могут иметь только

граждане государств). Такой же политики придерживались власти Шри Ланки, не желавшие признавать тамилы, заселивших в XIX в. север острова, гражданами республики, что привело к 20-летней гражданской войне. Власти Малайзии считают только малайцев (бумипутра) основой малайской нации, и в 1965 г. это привело к выходу Сингапура из состава Малайской федерации, а сегодня порождает внутреннюю напряженность в стране. Примеров подобного рода в современной истории много, но они хорошо описаны в специальной литературе.

Более того, стоит заметить, что после того как большевики в 1917 г. взяли власть в свои руки в результате октябрьского переворота, им для укрепления своей власти было необходимо искать союзников среди этнических меньшинств. Съездом советов в ноябре 1917 г. была принята «Декларация прав народов России», в которой провозглашалось равенство и суверенитет народов России, право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, заявлялось об отмене всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, заявлялось о свободном развитии национальных меньшинств.

Было заявлено о том, что будет проводиться новая политика в отношении народов страны, и для ее реализации тогда же в ноябре создали Народный комиссариат по делам национальностей, который просуществовал до 1923 г. При этом стоит заметить, что лидер большевиков В.И. Ленин, являвшийся главным идеологом большевизма, относился к национализму двояко. С одной стороны, он ратовал за безусловное право народов (как культурных сообществ) на самоопределение и за всемерную поддержку этнических меньшинств в России, пусть даже в ущерб интересам русского народа (он много говорил о «русском шовинизме», и эти его тезисы повторяют современные национал-радикалы), с другой — он приветствовал союз малых народов с более крупными «социалистическими нациями» и говорил о том, что «национальный вопрос» — это вопрос второстепенный, поскольку первоочередной задачей советской власти является диктатура пролетариата и именно пролетариат (от имени которого, правда, выступала новая бюрократия) объявлялся самым сознательным и привилегированным слоем общества. Этнические меньшинства рассматривались как союзник пролетариата. А потому этническая политика, которая в советские годы получила название «ленинской национальной политики», изначально строилась как политика культу-

вирования этнических различий, хотя при этом подчеркивалось значимость идеи так называемого «пролетарского интернационализма».

В основу этнополитики была положена доктрина этнического национализма, которая базировалась на трех основных положениях: каждая этническая группа должна обладать собственным государственным образованием, 2) в пределах данного государственного образования группа объявляется «коренной», а все остальное население – «некоренным»; 3) представители «коренной» группы получали политические и культурные преференции⁵. «Потребность в бюрократических институтах, призванных «управлять племенами» и «охранять» их, на следующем этапе развития российской этнополитики дополнялась другими формами институционализации этничности, которые были более масштабны и имели более серьезные последствия для судеб страны. Во-первых, начался процесс «национально-культурного размежевания» народов России и формирования этнической федерации, когда границы административных единиц тесно увязывались с этнокультурными границами, которые, по существу, устанавливались сверху и весьма произвольно. Во-вторых, происходила замена гражданских и республиканских идеалов и ценностей идеалами, ориентированными на местную солидарность и локальные культуры»⁶. Губернии были упразднены, а вся территория страны поделена на этнические анклавы – союзные и автономные республики, национальные округа, национальные районы и даже на национальные сельсоветы. Была создана уникальная этническая федерация, где символическим «собственником» территории становилось не ее население в целом, а только избранный «коренной народ», а объектами ленинской национальной политики становились лишь этнические меньшинства. И хотя после распада СССР в 1996 г. была принята Концепция государственной национальной политики, в которой четко указывалось, что в поле внимания этой политики должны находиться все этнические сообщества, которые проживают в Российской Федерации, а утвержденная в 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (и ее обновлен-

⁵ Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.

⁶ Тишков В.А., Шабает Ю.П. Указ. соч. С. 363.

ная версия) акцентировала внимание на необходимости укрепления гражданской солидарности, формировании общероссийской идентичности и процессе строительства российской гражданской нации, в регионах и особенно национальных республиках все еще сильны традиции ленинской национальной политики, а точнее, в политической практике очевидно видны установки доктрины этнического национализма.

Что же касается политических практик, которые имеют место в других странах мира, то здесь четко можно выделить три модели.

Доминирующие модели этнополитики

К первой модели относится *ассимиляторская или интеграционная политика*, представляющая собой политическую стратегию, предполагающую культурную гомогенизацию общества, формирующегося из разнородных в этническом, расовом, религиозном отношениях групп населения. Целью такой стратегии является создание сообщества, основанием которого становятся общие гражданские идеалы и общие культурные стандарты. Наиболее ярким примером ассимиляторской модели этнополитики является модель, долгие годы господствовавшая во внутренней политике Соединенных Штатов Америки. В начале 1960-х гг. президент США Джон Кеннеди назвал американский народ «нацией иммигрантов», и именно это определение во многом показывает суть тех задач, которые стояли перед политическими лидерами страны при формировании этнополитики. Огромный поток иммигрантов, за счет которого многие десятилетия и даже столетия формировалось население страны, создавал угрозу того, что государство превратится в некое механическое объединение иммигрантских общин, каждая из которых будет жить по своим внутренним законам, исповедовать свои идеалы, ориентироваться только на свои культурные нормы. И отчасти так оно и происходило во второй половине XIX в., когда потоки иммигрантов стали особенно значительными. Для формирования единой нации помимо общих политических институтов были необходимы понятные всем и разделяемые большинством граждан идеалы, общие ценности, культурные стандарты. Но главное, нужен был социально-политический механизм, при помощи которого эти ценности, идеалы и стандарты превращались бы в личностные убеждения как постоянных

жителей страны, так и прибывающих в страну иммигрантов. На начальном этапе ценности и идеалы США сводились к простой «этнокультурной формуле»: белый американец англосаксонского происхождения, исповедующий протестантизм, – WASP (white anglo-saxon protestant), которая была придумана, чтобы противостоять все возрастающему потоку немецкоязычных иммигрантов. Переселенцам из Европы и других частей мира следовало освободиться от своей собственной этнической культуры и стараться уподобляться англосаксам (anglo-conformity). В начале XX в. родилась более демократическая модель «плавильного котла», не предполагавшая превосходства одной этнической группы над другими. Ее идеологи провозгласили консолидационный процесс основным направлением развития американской нации и отрицали допустимость какой-либо сегрегации этнических, расовых или религиозных меньшинств. Лозунг «Америка – плавильный котел» позволял выступать и против одного из основных пороков американского общества – расовой дискриминации. Решительный пересмотр данной концепции начался в 1960–1970-е гг. после того, как страну потрясли массовые волнения афроамериканцев.

Тогда стало очевидно, что во многих иммигрантских группах происходит этническое возрождение, углубляются межэтнические границы, а процесс культурной интеграции далеко не очевиден. Вместе с тем базовые идеи теории «плавильного котла» отнюдь не ушли в прошлое, ибо в политической практике именно они определяют характер взаимодействия власти и этнических общин. Американский гражданский национализм, который был положен в основу взятой на вооружение в США модели этнополитики, сыграл в целом позитивную роль в формировании американской гражданской нации. Этот национализм позволил осуществить политическую интеграцию в американское общество чернокожих, латиноамериканцев и представителей иных меньшинств. Гражданская интеграция позволила Америке успешно пройти путь от демократии для немногих до демократии для большинства и цивилизационной империи, а сами представления о том, что значит быть американцем, расширились. Теперь американец – это любой, кто верит в рекламируемые и одобряемые американские ценности, а для этого совершенно не обязательно быть белым англосаксом и протестантом. Аналоги американской концепции «плавильного котла» были идеологическим основанием этнополитики во многих латиноамериканских странах. Еще один известный пример ассимиляторской модели этнополитики пред-

ставляет собой интеграционная политическая практика, имеющая место во Франции. В отличие от США здесь основной состав населения сформировался не из мигрантов, а из тех этнических групп, которые исторически проживали на территории страны. В этнографическом плане Франция не представляет собой некоей целостной культурной области. Отдельные ее провинции и исторические области довольно длительное время развивались самостоятельно, а среди ярко выраженных этнических регионов следует назвать Фландрию, Эльзас, Корсику, Бретань, значительная часть населения которых состоит из представителей этнических общностей, отличных от французов. Но уже более двух столетий идея французской нации основана на том, что во Франции есть только французы, под которыми понимаются не представители этнического сообщества, а граждане, которые говорят на французском языке и принадлежат к французскому обществу.

Более того, во Франции запрещено в официальных документах указывать этническую или расовую принадлежность (это только личный выбор каждого гражданина) и даже во время переписей населения нельзя задавать вопросы об этнической, расовой или религиозной принадлежности граждан. Попытки получить подобные сведения караются по закону.

Подавляющее большинство современных жителей Франции называет себя французами, хотя при этом они могут сохранять этническую идентификацию, т. е. одновременно называть себя французом и бретонцем, французом и эльзасцем, французом арабского происхождения (как бывший замечательный футболист, а ныне тренер Зидан или киноактер Насери из телесериала «Такси»), но в личном выборе приоритет в большинстве случаев отдается именно гражданской идентификации, т. е. солидарности с гражданами Франции. Жесткая ассимиляторская модель этнополитики практикуется в Турции. Основанная в 1923 г. Турецкая Республика с самого начала придерживалась принципа «Одна страна – одна нация», но в качестве основы этой нации рассматривались только турки, а не полиэтническое сообщество в целом (пятую часть населения Турции составляют курды).

Ко второй модели этнополитики относится *политика мультикультурализма*. Это особая форма интегральной либеральной идеологии, содержанием которой является интеграция различных этнических и расовых групп в единое сообщество при сохранении и официальной поддержке их культурной самобытности. Иными словами, мультикультурализм есть исповедуемая властями той

или иной страны *доктрина единства в многообразии*, ставящая своей целью гармонизацию взаимодействия между различными культурными группами населения на основе общих ценностей, но при сохранении культурной автономии этнических общин. Мультикультурализм, как предполагалось изначально, станет такой формой этнополитики, при которой нетитульное население не должно будет идти на вынужденные культурные потери (ассимиляцию) для бесконфликтного сосуществования с доминирующими культурными группами населения государства или замыкаться в гетто, чтобы сохранять свою групповую идентичность и не подвергаться дискриминации.

Сегодня термин «мультикультурализм» охватывает многочисленные разнообразные стратегии и технологии, связанные с этнополитикой.

Важно заметить, что идейная основа мультикультурализма опирается на представление о том, что культура есть стабильная целостность, некий объективный атрибут конкретной группы, воспринимаемой как однородное сообщество, границы которого ясно обозначены и неизменны.

Между тем очевидно, что культуры меняются во времени, а границы между группами могут быть весьма условными и подвижными. Но наиболее важно не идейное содержание, а практика мультикультурализма. Именно здесь возникают сложности и появляются серьезные опасности для государственной целостности.

Первой страной, которая официально провозгласила мультикультурализм государственной политикой, стала Канада. Это произошло в 1971 г. Суть канадской модели мультикультурализма состоит в том, чтобы через специальные программы и службы оказывать поддержку этнокультурным ассоциациям и помогать меньшинствам в преодолении препятствий, которые мешают их полноправному участию в жизни канадского общества. В 1982 г. мультикультурализм стал конституционной нормой благодаря принятию Канадской хартии прав и свобод и затем пакета специальных законов, направленных на поддержание уважения к различным культурам и их полноценное функционирование. Однако избранная на Западе практика реализации идей мультикультурализма фактически отвергает принципы равноправия, открытости, демократизма и свободной конкуренции. Поэтому западный мультикультурализм не только ослабляет потенциал саморазвития государств, которые избирают подобную политическую модель, но и создает угрозы для рождения внутренних конфликтов.

И даже самая удачная австралийская модель мультикультурной политики показала свою уязвимость, а поэтому ныне подвергается справедливой критике. В Европе в последние годы все чаще говорят о провале политики мультикультурализма. Российский исследователь Эмиль Паин приводит четыре аргумента либеральной критики мультикультурализма: (1) эта политика обеспечивает государственную поддержку не столько культурам, сколько общинам и группам, которые необоснованно берут на себя миссию представительства интересов всего этнического или религиозного сообщества; (2) государственная поддержка и финансирование общин стимулируют развитие групповой (общинной) идентичности и подавляют индивидуальную. В этих общинах закрепляется власть общины над личностью, и личность лишается возможности свободного выбора; (3) на деле мультикультурализм способствует консервации традиционно-общинных отношений, препятствует индивидуальной интеграции представителей разных культур в гражданское общество; (4) главным недостатком политики мультикультурализма является то, что она провоцирует сегрегацию групп, поддерживая искусственные границы между общинами и формируя своего рода гетто на добровольной основе⁷. С этим мнением согласны и многие западные исследователи, к которым присоединились и политики. Мультикультурная политика, по замыслу ее идеологов и архитекторов, должна была защищать гуманизм, свободу культурного самовыражения и демократию. На практике оказалось, что появление замкнутых кварталов и сообществ ведет к возникновению в них альтернативных управленческих институтов, блокирующих деятельность избранных органов власти на уровне города и страны, а в замкнутых сообществах отвергаются и демократические идеалы, и политическая и культурная конкуренция. Более того, общества, построенные по западной модели мультикультурализма, не только атомизируются по этническому принципу, но утрачивают гражданскую солидарность, общие идеалы и даже общие принципы образования и общую историю.

Долгое время удачным примером использования исторической памяти в деле воспитания гражданского сознания являлась французская система образования. Здесь в школьной программе давно внедрены специальные уроки граждановедения, а главной

⁷ Паин Э.А. Мирное сосуществование в XXI в.: Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна // Россия в глобальной политике. 2011. № 2.

целью французской школы является воспитание Гражданина. Но резкий рост численности иммигрантских общин и попытки примерить культурный плюрализм с интеграционной политикой привели к тому, что «объединяющий нацию миф перестал быть частью общественного сознания, поскольку школа больше не понимает, должна ли она проповедовать единство или культурную отличительность»⁸.

На «родине» мультикультурализма Канаде, где в учебниках по истории страны на первом месте оказываются региональные проблемы и исторический опыт отдельных этнических групп, а не процесс формирования единой канадской нации, ученые вообще задаются вопросом: «Кто убил историю Канады?»

Третьей моделью этнополитики является *политика исключения*. Эта форма этнополитики до сих пор практикуется в разных странах мира, хотя она далека от принципов демократии и открытости. Политика исключения базируется на правовых и политических практиках, которые ведут к исключению из социального, правового и культурного поля государства части его граждан, на основании их расовой, религиозной или этнической принадлежности. Те или иные формы политики исключения имеют место во многих странах мира. Крайними формами политики исключения являются расизм и геноцид, которые были наиболее характерны для прошедших эпох, но рецидивы подобных форм этнополитики, к сожалению, наблюдаются и в современном обществе. Проявления политики геноцида имели место во многих странах, включая бывший СССР. Например, депортации и акции насилия в отношении ингерманландских финнов, корейцев, греков, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, курдов и крымских татар. Названные депортации – крайние проявления другой формы политики этнического исключения – *политики перемещения*. Известны две формы перемещения – добровольные и вынужденные. Самой жесткой формой вынужденного перемещения является насильственное изгнание представителей той или иной культурной группы с мест ее постоянного проживания. Другое обозначение этого феномена – *этническая чистка*. История многих стран и регионов, включая Россию, знает примеры вынужденных миграций и насильственных изгнаний. Практика насильственных изгнаний имеет давнюю историю. В 1290 г. король Англии Эдуард I издал

⁸ Филиппова Е. Территории идентичности в современной Франции. М., 2010. С. 95.

эдикт об изгнании евреев из страны, который под страхом смертной казни предписывал всем евреям покинуть королевство. Примеру Англии в XIV в. последовали другие европейские страны, например Франция и Венгрия. В 1492 г. король Испании Фердинанд Арагонский подписал Гранадский эдикт, предписывавший изгнать из страны всех евреев (иудеев). Добровольное перемещение целой этнической группы было организовано в 1922 г., когда 2 млн греков, проживающих в Турции, были переселены в Грецию (но многие из них при этом погибли). Однако массовые переселения чаще носят вынужденный характер. Примерами такого перемещения можно назвать депортации ряда народов в СССР в годы Второй мировой войны (чеченцев, финнов, карачаевцев и балкарцев, калмыков, крымских татар и др.) и перемещение в лагерь более 100 тыс. японцев в США в этот же период, изгнание индийцев из Уганды, депортацию и поселение в гетто греков и турок во время гражданской войны на Кипре в 1974 г., этническую чистку боснийцев в Сербии и Хорватии в 1992 г. Самое массовое этническое перемещение населения состоялось после окончания Второй мировой войны, когда миллионы немцев были депортированы в Западную Германию из Чехословакии, Польши и бывшей Восточной Пруссии. Современной формой политики исключения является *лишение гражданских прав части жителей той или иной страны* на основании их этнической принадлежности или принадлежности к мигрантским группам. Такая форма политики исключения особенно активно проводится в странах Балтии (республиках бывшего СССР) – Эстонии и Латвии. Но еще ранее она стала проводиться на Шри Ланке и в Малайзии, а в последние годы – в Мьянме.

Что представляют собой *расизм и геноцид как политические практики*? Традиционно под расизмом понимается концепция, которая объясняет все различия между людьми их принадлежностью к расе, а сами расы характеризуются через физические признаки: цвет кожи, форма носа, разрез глаз и т. д. Политика, которая строится на биологической концепции расы, допускавшей биологически заданные различия между людьми и их способностями, основанная на дискриминации по данным признакам, называется *расистской политикой*. Расистские идеи возникли еще в XVI в., но первым наиболее последовательным обоснованием расистской теории считается книга Жозефа Артюра Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас», изданной в 1853 г. во Франции. В этом труде автор пытается доказать, что главной и основной причиной

различий в исторических судьбах и уровне развития разных стран и народов были расовые различия, т. е. различия в их физическом облике. Старый, или традиционный расизм базируется на стремлении к сохранению доминирующего положения «высшей» расы или цивилизации. Новый расизм подчеркивает групповую (этническую или этнорасовую) идентичность, абсолютизируя ее значение. Ключевую роль в этом подходе играет акцент не на неравенстве, а на несопоставимости и «нестыковке» различных культур, на генетически обусловленной неспособности их носителей понять и принять культурные ценности других этнических, расовых или религиозных групп. Сторонники такого подхода борются за сохранение «чистых культур» и культурной самобытности, выступают против какого-либо воздействия на них извне. *Риторика сохранения «чистоты культуры» очень характерна для выступлений радикально настроенных этнических активистов в России.* Новый расизм нередко апеллирует также и к религии, видя в ней базу для обособления культурных общностей и противопоставления их другим социальным сообществам.

Самой радикальной формой политики исключения, а точнее – формой преодоления этнических/расовых разногласий является геноцид. *Геноцид* – это массовое и систематическое уничтожение членов какой-либо этнической группы или создание условий, активно препятствующих ее самовоспроизводству и нормальному существованию. В постсоветскую эпоху в странах Восточной Европы получила распространение концепция «двойного геноцида», сторонники которой уравнивали нацизм и коммунизм и считали, что оба режима одинаково преступны и в равной мере были склонны к актам геноцида. С одной стороны, эта концепция была призвана оправдать коллаборационистов из Литвы, Латвии, Эстонии, Венгрии и других стран, усилиями которых осуществлялось массовое уничтожение евреев в своих странах, и более того – представить их «борцами» с коммунизмом. С другой стороны, это попытка исказить само понимание политики геноцида, которая строится, во-первых, на идеологии, оправдывающей уничтожение целых народов, а с другой – на практике уничтожения, приобретающей массовый и системный характер.

Доминирующая группа или доминирующие этнические сообщества берут на вооружение геноцид, когда ощущают угрозу своим интересам со стороны другой группы, которую нередко объявляют отсталой (или конфликтотенной, криминогенной и т. д.), не

имеющей экономической и социальной ценности и сосуществование с которой считается неприемлемым. Геноцид позволяет «решить» проблемы межобщинного взаимодействия путем физического устранения конкурирующей этнической группы или путем насильственного ограничения ее демографического, культурного потенциала, в результате чего она перестает восприниматься как угроза интересам доминантного сообщества.

Самый масштабный акт геноцида – это массовое и целенаправленное уничтожение евреев нацистами. Идеологической основой этого преступления против человечества стали расовые законы, принятые в 1935 г. Закон о гражданстве Рейха фактически лишал евреев прав гражданства в Германии, а закон о чистоте арийской крови запрещал браки с евреями. Массовые еврейские погромы начались в Германии в 1938 г., а физическое уничтожение евреев как «неполноценной группы населения» было «поставлено на конвейер» в 1942 г., и жертвами этой политики стали 6 млн человек. Массовое уничтожение евреев получило название холокост. Многих из них сожгли заживо в крематориях нацистских концлагерей. Отсюда пошло название данного акта геноцида, поскольку английское holocaust происходит от латинского holocaustum (а оно, в свою очередь, от греческого аналога) – «жертва всеожожения». При этом холокост в широком смысле понимается не только как уничтожение евреев, но как последовательная политика, проводившаяся нацистами ради реализации своей расовой теории. Вторым по масштабам после холокоста случаем геноцида является массовое уничтожение армян и других групп меньшинств в Османской Турции в 1915–1923 гг.

Проявления геноцида вызывают всеобщее осуждение. Организация Объединенных наций приняла специальную Конвенцию о предупреждении геноцида, и все страны-члены ООН являются ее участниками. Однако различные формы геноцида еще далеко не изжиты из практики межобщинного взаимодействия и политической жизни современных государств. Они имели место в Руанде в 1994 г., когда хуту убивали тутси (по некоторым данным, было убито около 1 млн человек), они имеют место в Мьянме, откуда в 2016–2017 гг. массово изгоняли людей, принадлежащих к народу рохинджа (они исповедуют ислам, и их численность более миллиона человек).

Расовая идеология и расистские практики, которые до сих пор не изжиты, требуют специально рассмотреть вопрос о расе и культурном многообразии современного мира.

О расе и культурном многообразии мира

Раса есть исторически сложившаяся группа людей, объединенная общностью происхождения, обладающая общими наследственными морфологическими и физиологическими признаками, передаваемыми потомству. Происхождение термина «раса» точно не установлено. По одной из версий, термин «раса» образован от итальянского *rassa*, что означает «племя». В широкий обиход термин «раса» вошел в XVI в., когда началась эпоха великих географических открытий. Тогда предполагалось, что расовые различия неизменны и обуславливают не только физические особенности людей, но и культурные различия между группами. С тех пор содержание понятия несколько раз менялось. Сегодня большинство ученых признает, что раса – это классификационный конструкт, используемый в науке и общественной практике, который существует для классификации социальных групп. В то же время раса есть некая обобщенная категория, используемая для изучения и объяснения биологических и фенотипических различий между разными человеческими популяциями. В настоящее время по фенотипическим признакам (по физическому облику) ученые выделяют четыре основные, или большие, человеческие расы: *европеоидную, монголоидную, негроидную и австралоидную*. Классификация рас разработана на основании следующего комплекса признаков: цвет кожи, форма черепа и пропорции тела, выступание челюстей на лице, форма носа и губ, разрез глаз, цвет глаз и волос. Позднее вместе с указанными отличиями стали учитывать так называемые скрытые признаки, которые включают группу крови, особенности вкусовых ощущений, некоторые одонтологические (строение зубов) и дерматоглифические (узоры на пальцах, ладонях, стопах ног) особенности. В зоне контактов больших рас возник ряд переходных и смешанных малых рас. К ним относятся расы, которые сформировались в исторически отдаленные времена, что не позволяет установить их расогенез. Смешанные малые расы образовались в древности и продолжают развиваться в настоящее время. Это выражается в процессе метисации, результатом которого стали метисы и мулаты. Примерно 30% населения мира принадлежит к смешанным и промежуточным расам.

Те семь миллиардов человек, которые проживают на планете, живут не только в разных странах и на разных континентах и принадлежат к нескольким расам по своему физическому облику,

но между ними есть и другие важные отличия. Эти отличия связаны с исповедуемой религией, языком и традициями.

Религия – это социальный институт, связанный с мировоззрением и культурой и опирающийся на веру в бога и высшие силы. Разные народы исповедуют различные религии, но существуют и так называемые мировые религии, которые распространены по всему миру и у которых сотни миллионов последователей – это христианство, ислам и буддизм. Но некоторые называют в качестве мировой религии и иудаизм, у которого 800 миллионов последователей, однако его носители в основном проживают на территории Индии (а также в индийских общинах за пределами страны). Не менее последователей и у конфуцианства, которое распространено в Китае. Если говорить об Африке, то там помимо ислама и христианства существует и огромное количество местных культов. Сами мировые религии не едины, ибо в них много течений. Приверженцы ислама делятся на суннитов и шиитов, но помимо них есть и другие более мелкие течения. Христиане делятся на православных, католиков, лютеран и много других течений.

Важно заметить, что религия есть не только социальный институт, но и атрибут культуры. *А носителем культуры является язык.* Сегодня в мире, по подсчетам ЮНЕСКО, существует 6910 языков, из которых примерно 2,5 тысячи находятся под угрозой исчезновения. Языки в свою очередь делятся на наречия и диалекты, и некоторые диалекты одного языка настолько отличны друг от друга, что их можно считать отдельными языками, и именно поэтому среди лингвистов нет полного согласия в том, сколько в мире языков и какие диалекты можно называть самостоятельными языками. При этом большая часть человечества говорит всего на 12 языках (см. табл. 1).

В большинстве современных стран мира их жители говорят не на одном, а на разных языках. В Китае пользуются не только «мандариновым» языком (официальный язык КНР – мандарин), но пользуются еще 234 языками, поскольку эта страна, как и множество других стран, имеет сложный состав населения. В целом же в Азии говорят на 2269 языках, в Африке – на 2092 языках (но при этом 200 языков имеют менее 500 носителей). Самым большим языковым разнообразием отличается Папуа Новая Гвинея, где проживает менее 6 млн человек, но зафиксировано 820 языков. В современной Европе говорят на 239 языках и при этом практически все страны в последние десятилетия из-за

Таблица 1

Наиболее распространенные языки мира

№	Язык	Число человек, говорящих на нем как на родном, млн
1	Мандарин (китайский)	885
2	Испанский	358
3	Английский	322
4	Арабский	200
5	Бенгальский	189
6	Хинди	182
7	Португальский	170
8	Русский	170
9	Японский	125
10	Немецкий	98
11	Корейский	78
12	Французский	77

притока иммигрантов превратились в многоязычные. К примеру, в Германии люди говорят на 69 языках, во Франции – на 66, Великобритании – 55, Италии – 42, Испании – 20⁹.

Языки постоянно развиваются и изменяются, поэтому один и тот же язык иногда трудно понять современным носителям: так, старонемецкий или староанглийский будет непонятен современным немцам и англичанам, так же как русский язык, на котором говорили, к примеру, в XVI в., вряд ли будут понимать те, кто говорит на современном русском.

Принято считать, что каждая этническая группа имеет свой отдельный язык, но это далеко не так, ибо количество языков и народов (этнических групп) не совпадает. Правда, как и в случае с языками, точно определить количество этнических групп сложно. Согласно разным подсчетам, число народов, племен и других культурных групп в зависимости от методики подсчетов колеблется в пределах от 2,5 до 7,5 тысяч.

Конечно, это большое количество этнических общностей надо как-то классифицировать, упорядочить. Есть разные способы классификации народов, и одной из наиболее распространен-

⁹ Бальцер Т. Германия говорит на 69 языках // Partner. 2008. № 10. С. 44.

ных в этнографии является культурно-хозяйственная, которая делит этнические общности по типу хозяйства. Правда, эта классификация применима лишь к традиционным обществам, и потому свое значение сохраняет, пожалуй, лишь *языковая классификация народов*. Суть ее состоит в том, что все языки и народы, которые на них говорят, объединяются в языковые семьи на основании данных сравнительно-исторического языкознания, т. е. путем установления генетической близости языков. При этом родство или близость языков чаще всего означают и некую историческую близость народов, которые говорят на языках, относящихся к той или иной *языковой семье*.

Предполагается, что на заре становления человечества существовала некая языковая макрообщность *нострадических* или древнейших языков, но затем в процессе многочисленных переселений эти языки стали делиться, и возникло множество новых языков. Языковые же семьи возникли из неких праязыков, поскольку первоначально народы, принадлежащие к языковым семьям, жили на одной территории и говорили на одном языке, а в процессе расселения и освоения новых территорий языки праязыки делились и возникали новые, которые сохраняли некое родство с праязыком.

Лингвисты выделяют 29 основных языковых семей и еще более десятка изолированных семей и языков. Семьи в свою очередь делятся на группы. Так, к примеру, крупнейшая по числу носителей индоевропейская семья делится на славянскую, балтийскую, кельтскую, романскую, германскую, индоарийскую, иранскую, нуристанскую группы, а албанский, греческий и армянский языки рассматриваются языковедами как самостоятельные группы, входящие в названную семью языков.

Согласно данным переписи населения 2010 г. на территории РФ проживает 190 народов, но почти 81% населения относит себя к русским, а потому языки индоевропейской семьи в нашей стране очевидно доминируют. Но поскольку Россия страна многонациональная, помимо индоевропейской семьи языков на ее территории проживают народы, которые говорят на языках, относящихся к северокавказской, уральской, эскимосо-алеутской, алтайской семье языков, а также на языках, относимых к изолированным группам, – чукотско-камчатской языковой семье и нивхском языке.

Таким образом, очевидно, что культурное разнообразие современного мира очень велико, а поскольку оно складывалось

столетиями и тысячелетиями, постольку оно будет сохраняться и впредь. Поэтому одной из главных задач современной политики является задача налаживания взаимопонимания между народами, причем она является актуальной как для мира в целом, так и для отдельных государств, ибо большинство из них культурно неоднородны. В свою очередь управление культурным разнообразием есть способ предотвращения конфликтов и оптимизации отношений между культурными группами с одной стороны и между ними и государством – с другой. Обычно это управление называют этнополитикой, а в России ее официальное название – *государственная национальная политика*.

Контрольные вопросы и задания

1. На каких положениях базировалась советская теория этноса?
2. В чем состоит сущность понятия *нация*?
3. Что такое расовая политика?
4. Какова природа геноцида как крайней формы расовых практик?
5. По каким критериям характеризуется культурное многообразие мира?

Литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001.
- Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия»: Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–38). М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981.
- Кадыров Ш.Х. Клятва на «крови»: Этнологика нацистроительства. 2-е изд. М., 2016.
- Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КБУ, 2005.
- Народы и религии мира: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002.

- Основы этнологии: Учеб. пособие / Под ред. В.В. Пименова. М.: Изд-во МГУ, 2007.
- Паин Э.А. Мирное сосуществование в XXI в.: Закат вульгарного мультикультурализма как возрождение культуры модерна // Россия в глобальной политике. 2011. № 2.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2019.
- Филитов В.Р. Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизац. и региональных исследований, 2003.
- Элез А.Й. Критика этнологии. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001.
- Eriksen T. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London-Sterling, Virginia: Pluto Press, 1999.

Глава 2

Об истории и языковом родстве уральцев

Общая история уральцев

История уральских языков и народов, как принято считать, насчитывает несколько тысячелетий, и процесс формирования современных финских, угорских и самодийских народов был весьма длительным и сложным. Существует ряд археологических культур, которые археологи связывают с уральцами или протоуральским населением. Эти культуры датируются II и началом I тысячелетия до н. э., но однозначно утверждать, что эти культуры напрямую связаны с указанными народами, нельзя. Первые письменные сведения об отдельных уральских народах появляются только в первом тысячелетии новой эры.

Прежнее название уральской семьи языков – финно-угорская или угро-финская семья позднее было заменено на уральскую, поскольку была обнаружена и доказана принадлежность к этой семье самодийских языков. Уральская языковая семья делится на угорскую ветвь, в состав которой входят венгерский, хантыйский и мансийские языки (при этом последние два объединяются под общим названием «обско-угорские языки»); на финно-пермскую ветвь, которая объединяет пермские языки (коми, коми-пермяцкий и удмуртский), волжские языки (марийский и мордовский), прибалтийско-финскую языковую группу (финский, эстонский, карельский языки, а также языки ливов, вепсов, ижоры, води) и самодийские языки, внутри которых вычленяются северная ветвь (ненецкий, энецкий, нганасанский языки) и южная ветвь (селькупский). Вне этих ветвей и групп рассматривается язык (или языки) саамов.

Некоторые специалисты относили к этой семье и юкагирский язык, а потому языковую семью иногда называют уральско-юкагирской, но сегодня большинство лингвистов полагает, что юкагирский язык не должен входить в уральскую семью, ибо не доказано его генетическое родство с уральскими языками.

Важнейшей проблемой для изучения эволюции уральских языков и народов является определение их общей прародины и реконструкция праязыка или языка-основы. Решение этой

проблемы остается актуальным и по сей день, и в процессе накопления знаний о культурной эволюции уральских народов выдвигались все новые теории их происхождения и начальных этапов культурной эволюции.

Еще в XVIII в. Я. Шайновичем была высказана идея, что саамы, финны и венгры являются потомками одного древнего народа и у них общая прародина. Первоначально местонахождение уральской прародины пытались установить, опираясь преимущественно на лингвистические методы исследований.

Европейские, российские и финляндские исследователи изучали уральские народы, опираясь в основном на представление об их исходном культурном родстве, о наличии у названных народов некоего древнего единого культурного слоя. В их задачу входил поиск древней прародины уральцев.

В XIX в. родилось несколько основных гипотез, авторы которых предлагали свои варианты нахождения древней прародины и свои версии понимания расовой принадлежности уральцев.

В первой половине столетия исследователи первоначально объясняли происхождение уральцев на основании концепции монголоидности (Ф. Блюменбах), т. е. принадлежности уральцев к монголоидам и их первоначальном расселении в степях Азии совместно с предками народов, входящих в алтайскую языковую семью, но позднее большую популярность приобрела туранская теория (Р. Раск, С. Нильсон, Р. Кайзер, А. Ретциус, П. Брока и др.), сторонники которой заявляли о принадлежности финно-угорских народов к переходной расе между европеоидами и монголоидами. Эти концепции объединяло представление о том, что предки уральских народов не были индоевропейцами.

Во второй половине девятнадцатого столетия много сторонников имела теория прародины во внутренних областях Азии. Эстонский ученый Ф.Й. Видеман и виднейший финский исследователь уральских языков и культур М.А. Кастрен независимо друг от друга обосновывали гипотезу о том, что уральская и алтайская языковые семьи имеют общее происхождение и в прошлом проживали на соседних территориях в центре Азии. М.А. Кастрен на основании своих научных предположений надеялся найти топонимы финно-угорского происхождения во внутренней Азии, между горными хребтами Алтая и Саян. Но его языковые разыскания не получили поддержки в научном мире, а само урало-алтайское родство осталось недоказанной теорией. В последнее время появились довольно обоснованные предположения лингвистов

о том, что имеет смысл говорить об урало-монгольской семье (урало-монгольском праязыке), ибо монгольские языки гораздо ближе к уральским, нежели к тюркским.

С распространением во второй половине XIX в. теории неравенства рас (А. Гобино) предполагаемая принадлежность уральцев и в частности финно-угров к монгольской расе стала нередко трактоваться так, что своими культурными достижениями эти народы могут быть обязаны только внешнему влиянию индоевропейцев и в первую очередь шведов и немцев, а потому в кругах финской интеллигенции до сих пор распространено мнение, что культура к финнам «пришла из Швеции». Эволюционная теория, которая получила распространение в это же время и активно внедрялась в общественное сознание, позволила выстроить некое родословное древо финно-угров, на вершине которого располагались финны, венгры и эстонцы. Но азиатские корни представителей уральских народов в понимании исследователей того времени сближали их с народами, находящимися на стадии, как тогда говорили, «дикости», что позволяло ставить под сомнение принадлежность названных народов к европейской цивилизации и даже заявлять о варварстве, «врожденной неспособности к созданию государственности».

Значительное влияние на изучение проблемы прародины оказала разработка приемов и методов лингвистической палеонтологии, суть которых состояла в том, чтобы на основании имеющихся в современных языках уральской семьи названий животных и растений, происходящих из общеуральского языка-основы, вычленили ареал расселения предков уральских народов. Этот прием впервые был использован русским ученым Ф.П. Кеппеном, который пытался определить общую прародину финно-угорских и индоевропейских народов. На основании исторических и географических сведений исследователь установил, что на азиатских территориях, где предположительно размещалась угро-финско-индоевропейская прародина, в древности не знали пчеловодства. Исходя из этого он предположил, что прародина финно-угров и индоевропейцев находилась в месте слияния Волги и Камы, где издавна существовала традиция сбора меда диких пчел, а саму эту практику он посчитал специфической хозяйственной особенностью названных народов. Но в гипотезе Кеппена есть довольно уязвимые места, поскольку, к примеру, в Сибири задолго до появления домашних пчел был распространен шмель и существовал обычай собирать его мед, а потому слова *méz* («мед»)

и *téh* («пчела»), которые были им положены в основу умозаключений Кешпена, необязательно связаны с областями, расположенными к западу от Урала.

Дальнейший прогресс в поисках прародины уральских народов связан с публикацией в 1961 г. работы профессора археологии Д. Ласло «Самые ранние периоды нашей древней истории», в которой автор обратил внимание на то, что под влиянием климатических изменений менялись условия жизни и ареалы распространения отдельных представителей флоры и фауны. Эти изменения можно проследить с помощью анализа следов спор цветочной пыльцы, которые очень долго сохраняются в различных слоях грунта. На основании исследований пыльцы различных растений он установил, что уральскую прародину необходимо искать ближе к центру Европы, чем предполагали прежде, ибо в эпоху мезолита и неолита на территориях, прилегающих к западным и восточным склонам Урала, климат был настолько суров, что там не могло быть постоянного населения. Пик ледникового максимума во время последнего ледникового периода, по мнению климатологов, наступил 20–21 тыс. лет назад, а ледник отступил 12 тыс. лет назад, и только тогда, вероятно, первые люди стали проникать на север Европы, в том числе в Прикамье и Приуралье. Но формирование постоянного населения должно было произойти еще позднее.

Несомненной заслугой Д. Ласло явился междисциплинарный подход к решению проблемы определения прародины уральцев. Одновременно с результатами археологических и антропологических исследований он использовал и данные лингвистики. Согласно его теории, прародина уральских народов занимала обширную территорию от Вислы до Оки. В число предков уральцев, по его мнению, на западе входили племена местного происхождения, относящиеся к свиридовской археологической культуре эпохи мезолита. Но известный венгерский языковед Петер Хайду подверг серьезной критике эту теорию, отметив в ней серьезные ошибки лингвистического характера. Он предложил свою версию определения уральской прародины. Хайду в первую очередь проанализировал слова, относящиеся к общеуральскому языковому пласту. Для анализа древнейшего языкового пласта уральцев он отобрал всего десять названий растений, принадлежащих к общеуральскому лексическому фонду: семь из них он отнес к эпохе прауральского языкового единства, а остальные три, не имеющие самодийских аналогов, отнес к эпохе финно-угорской общности. Все избранные им для установления прародины растения пред-

ставляют собой названия деревьев, которые одинаково характерны для сибирской тайги и для европейской зоны смешанных лесов. Важную роль в деле локализации прародин уральских народов, по мнению Хайду, играет вяз. Его название является общим для всех финно-угорских народов. Согласно данным анализа цветочной пыльцы, в предшествовавшие новой эре тысячелетия ареал произрастания вяза простирался по Европе в восточном направлении до северных границ Уральского хребта и верховьев Печоры. Для этих же территорий были свойственны хвойные древесные породы, названия которых являются общими по своему происхождению в современных языках уральской семьи. Ученый высказал мысль о том, что уральскую прародину нужно искать там, где все эти породы встречаются рядом на относительно компактной территории. В VI–IV тыс. до н. э. эти породы деревьев могли произрастать вместе в Западной Сибири и на северо-западных склонах Уральского хребта. Долгое время взгляды Хайду не подвергались критике, но в последние годы возникли новые гипотезы, согласно которым заселение Скандинавии, к примеру, состоялось много раньше, чем полагали прежде, а в культурном развитии финнов и саамов большую роль сыграли группы людей, мигрировавших с территории современной Германии и Дании. Что касается самодийцев (ненцев, энцев, селькупов и нганасан), то уже давно обосновано предположение, что их формирование как культурных общностей началось где-то на юге Сибири, где они вели кочевое хозяйство, а потом протосамодийцы мигрировали на север и здесь традиции кочевого хозяйства применили для одомашнивания северных оленей и становления оленеводства как специфической формы номунизма (кочевничества).

Многие теории происхождения уральских народов имеют недостаточную доказательную базу, поскольку опираются в основном на данные археологии и палеолингвистики, которые не позволяют сделать обоснованные выводы о характере этнической эволюции населения.

Уральские языки обладают очень большим разнообразием и сегодня заметно отличаются друг от друга, что связано со сложной историей развития уральских народов и обширной территорией расселения их носителей.

Традиционно историю уральских языков принято представлять в виде последовательного дробления цепочки праязыков, которые совместно с современными языками составляют *родословное древо языков*.

Прауральский язык-основа, от которого, собственно, и берут начало все уральские языки, согласно традиционной точке зрения, которая продолжает доминировать в финно-угроведении, распался на прафинно-угорский и прасамодийский не позднее VI–IV тысячелетий до н. э. Прафинно-угорский существовал до конца III тысячелетия до н. э. и затем распался на прафинно-пермский и праугорский. Примерно в середине II тысячелетия до н. э. прафинно-пермский язык в свою очередь распадается на прафинно-волжский и прапермский, и к VIII в. н. э. из прапермского формируются коми и удмуртский языки (из прафинно-волжского языка до конца I в. н. э. сформировался прибалтийско-финский, впоследствии также распавшийся на финский, эстонский, карельский и другие языки). Из праугорского в середине I тысячелетия до н. э. выделяются венгерский и обско-угорские языки.

Восстанавливаемая праязыковая лексика (то есть наиболее древний пласт языков) позволяет представить в общих чертах специфику бытовой культуры носителей праязыка. Для исследователей оказался самым значимым тот факт, что в прауральском и прафинно-угорском лексиконе отсутствовали термины, свидетельствующие о знакомстве с земледелием и скотоводством. Реконструированная прауральская и прафинно-угорская лексика не дает также оснований предполагать знакомство носителей этих праязыков с металлургией и с металлами вообще.

Проблема определения прародины носителей прауральского и прафинно-угорского языков решается с помощью уже упомянутого метода «лингвистической палеонтологии». Применение данного метода дает основание полагать, что уральская прародина скорее всего находилась в зоне сибирской темнохвойной тайги, а для VI–IV тысячелетий до н. э. это означало территорию, расположенную в основном восточнее Урала: между бассейном нижней и средней реки Оби и верхним течением Печоры. Но уже для прафинно-угорской эпохи характерен сдвиг территории расселения древних финно-угров в район Прикамья. Именно отсюда впоследствии финно-угры расселились по местам своего нынешнего проживания. Одни племена мигрировали отсюда довольно рано, другие, как, например, венгры, достаточно поздно, что позволило зафиксировать этот процесс в исторической памяти. Сегодня общая численность уральских народов составляет около 25 млн человек, крупнейшими из них являются венгры, финны, эстонцы и мордва. Но определить точную численность некоторых из этих народов довольно трудно из-за большого количества переход-

ных маргинальных групп, находящихся в процессе ассимиляции, а также еще и потому, что многие финно-угры в России имеют множественную (чаще всего двойную) этническую идентичность, т. е. могут называть себя представителями сразу двух и более этнических групп. Это связано с тем, что доля межэтнических браков в регионах, где традиционно проживают представители финно-угорских народов, очень велико (особенно в Карелии и Коми, а также с тем, что некоторые этнические группы (например мордва) расселены дисперсно, т. е. они не сосредоточены в едином территориальном анклав.

Уральцы в составе Российского государства

Уральские народы сыграли значительную роль в формировании современного культурного облика государства и укреплении самой российской государственности. Согласно сведениям одной из древнейших российских летописей – Повести временных лет – Государство Российское возникло в 862 г., т. е. в том году, когда варяжский князь Рюрик «придоша к словенам» и основал первую столицу древнерусского государства – «срубиша город Ладогу». Князя призвали править на Руси пять племен, среди которых только два были славянскими (словены и кривичи), а три финскими или, как ныне говорят, финно-угорскими. В Новгородской первой летописи вместо мери называется лопь (саамы), но эти разночтения не принципиальны, ибо очевидно, что народы уральской языковой семьи (финно-угры и самодийцы) имеют многовековой опыт взаимодействия с другими народами страны и при их непосредственном участии осуществлялось строительство российского государства.

К примеру, такой важнейший для России исторический факт, как присоединение Сибири и Дальнего Востока также не может рассматриваться вне связи с уральцами. Начало процесса присоединения сибирских земель обычно связывают с походом отряда под предводительством Ермака, целью которого был разгром Сибирского ханства, отказавшегося выполнять прежние договоренности с Москвой и совершавшего опасные набеги на северные российские земли. Поход этот начался в 1581 г. и был весьма успешен, поскольку Ермак нанес ряд серьезных поражений войскам хана Кучума и практически уничтожил ханство, по-

ложив начало колонизации обширных пространств, лежавших за Уралом, которые на европейских картах того времени носили название Татария. В школьных учебниках истории по поводу присоединения сибирских земель писалось о «покорении русскими Сибири», но историческая правда говорит о том, что *колонизация этой обширной территории стала совместным предприятием многих российских народов*. Так, значительную часть (в некоторых источниках говорится о большей части) отряда Ермака составляли зыряне (коми), а также казанские татары. Коми-зыряне и татары были ядром многих других военных экспедиций, направлявшихся в Сибирь и быстро покорявших одну территорию за другой. В процессе присоединения и колонизации новых земель и их последующей колонизации активное участие принимали представители других народов, включая мордву, кодских хантов, удмуртов, эстонцев (сету).

Для отечественной исторической науки важен также и вопрос о роли финно-угорского (но не самодийского) компонента в формировании русской этнической общности, являвшейся основным населением страны, а со второй половины XIX объявленной «государственным народом» – основой имперской нации. Вопрос о роли уральцев в формировании культурного облика русских являлся предметом долгих и острых научных дискуссий, а в его обсуждении приняли участие многие видные отечественные историки и этнографы. Большая часть историков, в числе которых такие значимые ученые, как Н.М. Карамзин, М.С. Соловьев, С.В. Ешевский, придерживались мнения, что финские племена добровольно и бесконфликтно вошли в состав земель сначала древнерусского государства, а затем Великого Новгорода и Московской Руси и постепенно растворились в среде славянского населения. Об ассимиляции финноязычных обитателей северорусских областей писали также Д.И. Иловайский, а позднее В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов. Так, С.Ф. Платонов отмечал, что не только мигрировавшие на север русские ассимилировались с местным чудским населением, но и славяне Ростово-Суздальской земли смешались с чудскими племенами, которые оказали значительное влияние на их культурный облик. Профессор В.О. Ключевский, обобщая исторические материалы, касающиеся проблемы взаимодействия «руси и чуди» (чудью тогда называли все финские народы), пришел к выводу, что результаты этого взаимодействия отразились на религиозном сознании и мифологических представлениях русских и особенностях их культуры.

Наряду с господствовавшим в дореволюционной историографии мнением об активном участии финно-угров в формировании русской этнической общности имели место и другие мнения. В 1893 г. академик А.И. Соболевский высказал мысль о том, что теория мирной колонизации русскими финских земель неверна. Он указывал на многочисленные летописные свидетельства о походах новгородцев на западную чудь, приводил предания о «чуди белоглазой» и ее борьбе с русскими, говорил о том, что в русской лексике доля финских заимствований невелика, а значит, масштабы мирного и последовательного культурного взаимодействия славян и финских племен не так значительны, как утверждают исследователи. Сходных позиций придерживались и некоторые другие ученые. Однако с началом массовых археологических исследований появились новые свидетельства славяно-финских связей. В частности, изучение А.С. Уваровым курганных могильников Владимирской земли выявило наличие большого количества археологических материалов, которые позволяли говорить о присутствии финского компонента в самом центре будущего русского государства. В составленном известным финским ученым И.Р. Аспелином атласе «Древности финно-угорского Севера», фактически подтверждалась мысль о том, что финские племена не были вытеснены славянами из районов их первоначального обитания, а продолжали проживать на прежних местах до полной ассимиляции. Выдающийся специалист в области восточнославянской этнографии Д.К. Зеленин в 1920-е гг. также обратился к вопросу о роли финского влияния «на великорусское племя». Ученый признавал, что русские имеют смешанное происхождение, но тем не менее утверждал, что в этом смешении финноязычное население Восточной Европы не принимало участия. Однако позиция Зеленина вызвала резкую и обоснованную критику на страницах журнала «Этнография» в 1930 г., с которой выступили М.Т. Маркелов и будущий академик С.П. Толстов. Толстов справедливо указал, что в разные периоды истории отношения между славянами и финнами были разными, а потому степень финского влияния на процесс формирования русского народа нельзя оценивать без связи с конкретным историческим периодом. В противовес Д.К. Зеленину один из основателей советской исторической школы профессор М.Н. Покровский заявлял, что неславянская примесь составляет у русских примерно 80%. Дискуссия 1920–1930-х гг. окончательно не разрешила проблему славяно-финских взаимовлияний, а потому исследователи к ней возвращались не-

однократно и в последующие годы. Сегодня представление о том, что влияние финноязычных народов на формирование культурного облика русских было значительным, поддерживается большинством ученых-гуманитариев.

Говоря о ранней истории России, важно иметь в виду, что уральские народы изначально являлись частью культурного ландшафта Российского государства и не только приняли самое непосредственное участие в государственном строительстве, но и оказали серьезное влияние на превращение его в евроазиатскую державу. Свидетельством того, что культурный ландшафт страны формировался под влиянием уральцев, является тот факт, что на европейском севере РФ и в центре восточноевропейской равнины большая часть топонимов и гидронимов, т. е. названий сел и деревень, лесных угодий, возвышенностей, рек, озер имеют финское или саамское происхождение. Да и само название столицы нашей Родины не славянское, а финское. Существует целый ряд предположений о его происхождении. Одно из довольно распространенных толкований состоит в том, что Москва в переводе означает Коровий ручей, ибо в финских языках «ва» – это вода, а «мос/мёс» в некоторых из них – корова.

Государственность уральских народов

Основная часть уральских народов сегодня расселена на территории нескольких независимых государств: Венгрии, Финляндии, Эстонии и России. Большие анклавы венгерского населения имеются на территории Румынии и Словакии, на территории Латвии сохранился небольшой народ ливов, которые уже утратили свой родной ливский язык и из многочисленной общности превратились в небольшую этническую группу, находящуюся в процессе ассимиляции. Довольно значительные по численности группы финского населения проживают в соседних странах – Швеции и Норвегии, и там же живут самые многочисленные на севере Европы саамские сообщества, для которых учредили специальную форму этнического представительства – саамские парламенты.

Кроме венгров, ни один из уральских народов до начала XX в. не имел своей государственности.

О венгерской и финляндской государственности необходимо сказать особо.

Венгры первыми из уральских народов создали свое государственное образование, начальный этап формирования которого тоже довольно мифологизирован, поскольку нет достаточно достоверных исторических фактов, раскрывающих все особенности этого процесса.

В середине IX в. кочевые племена венгров начали движение с низовьев Дона и Северного Причерноморья, где они до этого обитали (еще ранее мигрировала сюда из Прикамья), в Паннонию, т. е. на территорию современной Венгрии, а также в Трансильванию, которая ныне является частью Румынии. В составе венгерских племен, как полагают многие исследователи, были не только мадьяры (угры), но и какое-то количество тюрок, что позволяет современным венгерским политикам роднить венгров с сообществом кочевых народов Великой Степи (Великим Тураном). На новых землях в 895 г. венгры, которых возглавлял их предводитель (дьюла) Арпад, закрепились и создали свое государство. Эта эпоха в венгерской историографии называется «временем обретения родины», что фактически означает определение ее в качестве начального этапа венгерской официальной истории. В 973 г. венгры, которых тогда возглавлял князь Геза, приняли христианство, поскольку искали защиты у Священной Римской империи от такого опасного соседа, как Византия. Раннее венгерское государство достигло своего расцвета в начале XI в. при короле Иштване, сумевшем объединить всех венгров под властью своей короны и завоевать обширные земли, которые сегодня нередко называют «Исторической Венгрией». После 1500 г. начинается эпоха упадка. Еще в середине XV в. произошли первые крупные военные столкновения между турками и венграми, которые затем вылились в длительный период войн. В 1541 г. столица Венгерского королевства Буда была захвачена и оставалась в руках турок 145 лет. Ослабление венгерского короля привело к тому, что он признал единственным претендентом на венгерский трон австрийскую династию Габсбургов. После неудачной осады турками Вены в 1683 г. объединенные силы христианских государей начали поход против турок, в ходе которого отвоевывались и венгерские земли. В результате все больше венгерских городов и крепостей переходили под власть австрийцев. В 1686 г. у турок была отбита Буда, а затем захвачены другие венгерские города. Попытка поднять восстание против австрийцев в 1697 г. была подавлена, как и все другие. Противоречия между венгерской частью империи и центральной властью в последующее столетие не были преодолены,

а усиливающееся влияние революционных и либеральных идей лишь усиливало общественное недовольство. В первой половине XIX в. появились политические лидеры, которые стали идеологами венгерского национального возрождения. В их числе был молодой юрист Лайош Кошут, который в 1832 г. стал издавать газету «Известия государственного собрания» (созвано впервые в 1790 г., хотя традиции дворянского представительства родились еще за несколько веков до этого). Попытки императорской власти ответить репрессиями на рост венгерского оппозиционного движения оказались неудачными.

А расширение прав всех сословий (горожан, крестьян), по мысли патриотично настроенных венгерских политиков, должно было в итоге привести к образованию *nation Hungarica* – венгерской нации. В то же время венгерские либералы считали, что язык и этничность – это еще недостаточный фундамент современной нации, а особую роль в ее строительстве должна играть многовековая традиция государственности. В этой связи из всех этнических меньшинств, страны право на самоопределение они признавали лишь за хорватами. По их мнению, историческое прошлое страны и государственность Венгрии, а также венгерский язык как средство общения должны стать общим достоянием всей венгерской нации, т. е. нация мыслилась и формировалась как нация-этнос, что не укрепляло единство страны, а впоследствии привело ее к полному краху и серьезным потрясениям.

В 1845–1846 гг. политическая обстановка в Венгрии стала накаляться. В парламенте разгорелись острые дебаты о необходимости политических реформ. Лайош Кошут в своей речи в парламенте 3 марта 1848 г. потребовал немедленно начать радикальные реформы. Эти требования были оформлены в виде петиции, которую делегация венгерского парламента отвезла в Вену. Венгерский парламент в условиях революционного подъема принял в апреле 1848 г. пакет из целого ряда законов, которые, по сути, являлись конституцией. Венгрия оставалась наследственной конституционной монархией, сохраняя при этом единство короны и прямую связь с Габсбургской монархией, поскольку продолжала управляться общим монархом.

Но апрельские законы породили несколько проблем (в сфере иностранных дел и финансов), которые так и не удалось решить мирным путем, что привело к войне с Австрией. Возникли также сложности в отношениях с Хорватией, и с другими территориями, населенными меньшинствами. Интересы этнических меньшинств

не учитывались, а венгерский язык был провозглашен единственным государственным. И неслучайно, что в этой ситуации славяне обратили свой взор на столицу империи: в Вену прибыла делегация славянских народов, чтобы просить императора о расширении прав этнических меньшинств, что объективно усиливало политическую роль центра империи. Именно Вена превратилась в центр славянского движения на данном этапе, поскольку здесь была создана Терминологическая комиссия для нормирования славянских языков, осуществлялись другие меры по культурной поддержке миноритарных сообществ, а Будапешт занял весьма жесткую позицию в отношении интересов меньшинств и потому лишился их поддержки, спровоцировав в итоге вмешательство в конфликт России.

Как только ситуация в самой Австрии нормализовалась, было опубликовано императорское послание, в котором говорилось, что «апрельские законы» противоречат ранее достигнутым соглашениям и должны быть отменены. В сентябре 50-тысячная австрийская армия перешла венгерскую границу. Венгерской армии удалось остановить австрийцев, но затем она потерпела поражение, поскольку на стороне австрийского императора выступила Россия и русские войска подавили восстание.

Тем не менее готовность венгерской элиты к компромиссу в конце концов позволила урегулировать противоречия внутри Австрийской империи. Начались переговоры, на которых венгерскую сторону представлял Дьюла Андраши, а в 1867 г. было подписано соглашение о создании Австро-Венгерской империи. Две составляющие империи становились суверенными частями государства в отношении своих внутренних дел, и обе они должны иметь свои собственные независимые выборные правительства. В венгерской части империи проводилась активная политика мадьяризации меньшинств и в результате за полвека доля венгров в составе этой части империи весьма заметно возросла. Подобная политика вызывала серьезное недовольство меньшинств, но особенно натянутыми были отношения с Сербией. В 1908 г. после начала младотурецкой революции в Османской империи Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, которая вошла в состав венгерской части империи. В 1912 г., когда в ходе Балканской войны Сербия аннексировала Албанию, Австро-Венгрия вместе с другими европейскими державами вынудила сербов отказаться от завоеваний. Особое недовольство политика властей империи вызывала на землях, где проживали сербы. Это недовольство под-

держивалось со стороны Сербии, у которой были сложные отношения с Австро-Венгрией. На территории, где проживали сербы, действовали националистические сербские организации, которые нередко совершали акты террора, направленные против имперских чиновников. В одной из них – Млада Босна – созрела идея заговора против царствующего дома, а ее активный член Гаврил Принцип 28 июня 1914 г. в Сараево застрелил австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софию, что привело к международному конфликту и началу Первой мировой войны.

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Ход военных действий складывался для страны неудачно: в 1915 г. против Австро-Венгрии выступила Италия, а летом 1916 г. на стороне Антанты против Австро-Венгрии начала военные действия Румыния, которая вторглась в Трансильванию. Западные страны, воевавшие с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками вели активную пропаганду в тылу, поощряя этнические меньшинства к выступлениям против центральных властей. Были созданы чешские, словацкие, сербские, хорватские, румынские комитеты, а в январе 1918 г. появилась декларация американского президента Вудро Вильсона, требовавшая предоставить максимально возможную автономию меньшинствам, проживавшим в Австро-Венгерской империи. Конгресс угнетенных народов, состоявшийся в апреле 1918 г. в Риме, признал справедливым требования о предоставлении государственной независимости словакам, чехам, южным славянам. В августе 1918 г. войска Антанты повсеместно перешли в наступление, и 2 октября правительство империи обратилось к Антанте с просьбой о перемирии, а 11 ноября Первая мировая война закончилась. Для Австро-Венгрии война закончилась полным крахом империи, ибо на ее руинах было создано сразу несколько государств.

Итоги первой мировой войны были окончательно подведены в заключенном 4 июля 1920 г. в большом Трианонском дворце Версаля договоре (Трианонский договор). Согласно договору часть венгерских земель досталась не только новым государствам (Чехословакии, Королевству сербов, хорватов и словенцев, Румынии), но даже Италии и Польше. Территория Венгрии сократилась с 282 тыс. до 93 тыс. кв. км, а население с 18,2 млн до 7,6 млн человек. Более 90% всей отторгнутой венгерской земли досталось Румынии. 90% населения Венгрии теперь составляли мадьяры, самым многочисленным этническим меньшинством были нем-

цы (чуть более 6%). Страна лишилась значительной части своего экономического потенциала и значительной доли ресурсов (лес, руда, металлы). Венгерское общество восприняло Трианон как национальное унижение, и этот факт сыграл важную роль в последующем политическом развитии страны, в усилении влияния праворадикальных организаций. Режим, который сложился в стране между двумя мировыми войнами, хотя и основывался на принципах демократии, был далек от либеральных ценностей, ибо в стране была ограничена деятельность ряда партий, профсоюзов, права этнических и религиозных меньшинств. Уже в 1920 г. был принят первый антисемитский закон, устанавливавший квоту на поступление евреев в университеты страны.

А участие Венгрии во Второй мировой войне в качестве союзника нацистской Германии привело ее в итоге к тому, что страна не только не смогла вернуть утраченные земли, но вынуждена была сменить общественный строй и войти в состав так называемого социалистического лагеря, хотя в 1956 г. там произошло антиправительственное восстание, жестко подавленное правящим коммунистическим режимом при поддержке советских войск.

Некоторые историки объясняют участие Венгрии во Второй мировой войне той «культурной травмой», которой стала для венгров утрата исторических территорий, но потеря «исторических земель» была не столько следствием решений, принятых странами-победителями, сколько результатом принятой в венгерской части Австро-Венгерской империи практики нацистроительства, породившей глубокие внутренние противоречия, ставшие препятствием на пути формирования единой нации.

Социализм в Венгрии умер почти безболезненно и бесконфликтно. Стимулом для этого послужила горбачевская перестройка в СССР, но инициатором перемен стала правящая Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), где в 1980-х гг. усиливались позиции реформаторов. Именно они инициировали самороспуск ВСРП, переход к либеральной демократии и рынку. XIV съезд этой партии, состоявшийся в начале октября 1989 г., стал последним в ее истории. Из представителей различных политических сил был сформирован Национальный круглый стол, на котором было решено внести кардинальные изменения в конституцию страны (принятую в 1949 г.). Эти изменения заложили основу для мирного перехода страны к рыночной экономике и правовому обществу.

Но ключевым элементом в спорах между различными политическими силами в Венгрии стал вопрос о положении венгерских меньшинств за пределами страны. С соседними странами был заключен ряд договоров, в которых оговаривались принципы политики в отношении венгерского меньшинства, а в самой Венгрии принят закон о предоставлении гражданства венграм, живущим за рубежом. Обсуждается и возможность предоставления зарубежным венграм права голоса на национальных выборах. Идеологические концепции «всего венгерства» и «венгерской культурной нации», которые фактически не признавали национальных границ и провозглашали всех венгров в мире единым и неделимым культурным сообществом, тоже вызывали подозрение соседних стран. Да и тот факт, что 4 июля венгры ежегодно отмечают годовщину Трианонского мира и эта акция носит символическое название «День венгерского единства», не способствует повышению доверия к правящим кругам современной Венгрии у ее соседей. В этот день люди приходят к Трианонским мемориалам, которые есть по всей стране и, по сути, представляют собой символические надгробия на «могиле Великой Венгрии», к которым возлагают цветы.

Венгры ныне составляют 92,3% населения страны, второй по численности этнической группой являются цыгане (2%). Кроме того, в стране все еще проживает довольно много немцев (1,2% населения), евреев (1%), а также румын (0,8%) и словаков (0,4%).

В 2004 г. Венгрия стала членом Европейского Союза. Венгерское общество и его интеллектуальные круги считали, что вступление в ЕС позволит решить многие проблемы страны, в том числе и поможет оптимизировать отношения между венграми и соседними народами: румынами, словаками. Однако этого не произошло.

В апреле 2011 г. парламентское большинство, несмотря на многочисленные протесты, приняло новую конституцию страны, в которой закреплялось «право крови», согласно которому любой венгр, родившийся даже за пределами страны, мог получить венгерское гражданство. При этом из текста конституции следовало, что правом голоса могут теперь пользоваться и зарубежные венгры. В угоду националистически настроенным силам корона св. Иштвана вновь была объявленная конституционным символом (она уже объявлялась таким символом 1920-е гг. диктатором Хорти), что могло рассматриваться как негласное притязание на земли, кото-

рые некогда были объединены под властью этой короны. Что касается политиков правого толка, то они все чаще прямо стали заявлять о необходимости преодоления «наследия Трианона».

В числе трех независимых стран, где представители уральских народов сегодня составляют большинство населения, в первую очередь следует назвать Финляндию. Но у этой страны история государственности не столь глубока, как у Венгрии, и она только два года назад (2017 г.) отметила столетие своей независимости. При этом формирование финляндской нации и финляндской государственности началось лишь тогда, когда финляндские земли после русско-шведской войны 1808–1809 гг. вошли в состав Российской империи.

После завершения войны было собрано собрание сословий в соответствии со шведской традицией организации ригстагов, которое было названо сеймом. Сейм собрался в Порвоо в марте 1809 г., и четыре сословия (дворяне, духовенство, бюргеры, крестьяне) присягнули на верность царю. Финляндия получила статус Великого княжества. Шведский язык все еще оставался языком управления и обучения. Пытаясь ослабить культурную зависимость Финляндии от бывшей метрополии, российские власти стремились заменить шведский язык на финский, что в практическом плане способствовало началу первого этапа финского национального пробуждения и укрепляло лояльность финнов к царскому правительству.

В 1863 г. Александр II вновь созвал сейм для обсуждения насущных проблем развития княжества, а в 1869 г. был утвержден сеймовый устав, предписывавший созывать этот орган регулярно. В 1865 г. Финляндия обрела свою денежную единицу, а в 1878 г. с введением всеобщей воинской повинности – собственную армию, в обязанности которой входила «защита престола и отечества». Положение финского языка также постепенно менялось. В 1858 г. была основана первая финноязычная финская школа. В 1863 г. было решено, что через 20 лет граждане будут иметь право обращаться во все государственные инстанции по-фински. С 1886 г. было решено использовать финский язык в качестве рабочего в государственных учреждениях, в 1902 г. шведский и финский языки стали равноправными в делопроизводстве, а с 1900 г. русский язык также был объявлен официальным языком княжества и все названия городских улиц писались теперь на трех языках.

С конца XIX в. стали предприниматься попытки ограничить автономные права Финляндии. Особенно усердствовал

в этом отношении генерал-губернатор Н. Бобриков, назначенный на этот пост в 1898 году.

Подобные усилия, однако, были безуспешны, поскольку процесс формирования финляндской нации уже вступил в завершающую фазу. Стимулом к оформлению финляндской национальной идеологии стала деятельность активистов так называемого «первого национального пробуждения» (до 1820-х гг.). Этот этап стал непосредственной реакцией на отделение Финляндии от Швеции и официальное поощрение фенноманского движения. Наиболее видными деятелями этапа являются Элиас Леннрот, собиратель рун «Калевалы», поэт Юхан Людвиг Рунеберг, журналист и политик Юхан Вильгельм Снельман. Их усилиями к 1931 г. было учреждено Финское литературное общество, а в 1835 г. вышло первое издание собранной и оформленной Леннротом «Калевалы». Нация формировалась вокруг финской национальной идеи, в основе которой был финский романтизм. Романтизм в свою очередь подпитывался образами и сюжетами карельского фольклора, обобщенного в «Калевале». Оформилось движение, получившее название фенноманства. Поначалу взоры фенноманов были обращены к России, от которой они ждали поддержки, и российская власть шла им навстречу, рассчитывая, что финскость станет надежной защитой от шведоманов, которых считали агентами Швеции.

Фенноманство на этом этапе соединялось с безусловной лояльностью императору, которого считали гарантом «особых прав» финляндцев. Неслучайно до середины XIX в. большая часть финляндской элиты высказывалась за тесное сближение с Россией, за необходимость для чиновничества знать русский язык, который, как вполне допускалось, мог стать официальным языком Финляндии вместо шведского. Кроме того, знание языка помогало отстаивать интересы населения Великого княжества.

Начиная с 1860-х гг. в истории Финляндии наступает новый этап, который связан с окончательным оформлением идеологии финского национализма. В 1861 г. в финской прессе прошла острая дискуссия, итогом которой стало укоренившееся в массовых представлениях мнение, что *Финляндия является отдельным от России самостоятельным государством и лишь состоит с ней в союзе*. В среде финской политической элиты русофобские настроения приобрели устойчивый характер. При этом сама национальная идеология черпала ресурсы именно на востоке.

Финляндия, обгонявшая метрополию в экономическом отношении, нуждалась и в ускоренной политической модернизации.

Итогом революции 1905 г. стал более демократический сеймовый закон, который позволил перейти от устаревшего сословного к однопалатному парламенту, созываемому на основе всеобщего равного избирательного права. Но в 1910 г. Дума и Государственный Совет одобрили закон, согласно которому при решении всех наиболее важных дел следовало руководствоваться не финляндским законодательством, а общероссийскими законами.

Революция 1917 г. и особенно ноябрьский переворот создали условия для обретения независимости, и 6 декабря парламент провозгласил независимость Финляндии. Для поддержания порядка формировались добровольные отряды гвардии (щюцкор), часть из которых приступила к активному изгнанию русских и к их физическому уничтожению (имели место массовые расстрелы русских в Хельсинки и Выборге). Советское правительство признало независимость Финляндии 4 января 1918 г.

Эстония как независимое государство появилась в 1918 г., и ее появление было прямым следствием Первой мировой войны и революции в России.

К XIII в. Восточная Прибалтика, где не сформировались собственные раннегосударственные образования, была окончательно завоевана крестоносцами и получила название Ливония. Она делилась на мелкие феодальные владения – земли католических епископов и Ливонского ордена, северная часть Эстонии отошла к Дании. На захваченных землях немецкие и датские феодалы основывали помещичьи хозяйства – *мызы*. В XIII в. эстонцы были обращены в христианство в форме католицизма, а с началом Реформации в Германии католицизм в основном утратил свои позиции, и лютеранство стало доминировать в Эстонии. Позднее территория Эстонии отошла к Швеции. В составе Швеции Северная Эстония образовала Эстляндское генерал-губернаторство, а Южная Эстония вместе с Северной Латвией – Лифляндское генерал-губернаторство. В результате Северной войны (1700–1721) вся территория Эстонии вместе с остальной Прибалтикой отошла к России. Петр I предоставил немецкому дворянству, господствовавшему в Прибалтике, права и привилегии российского дворянства, но положение крестьянства, наоборот, оставалось бесправным, а его повинности только возрастали. По договору со Швецией в Прибалтике был сохранен особый порядок управления – остзейский особый порядок.

В середине XIX в. начинается так называемая эпоха пробуждения. Носителем этих идей стала сельская интеллигенция (учите-

ля, волостные писари). На начальном этапе развития это движение поддерживалось властями, поскольку они видели в нем способ ослабить немецкое влияние в Прибалтике. Эстонское национальное движение зародилось в более богатой Южной Эстонии. В 1857 г. основатель эстонской журналистики Йохан Вольдемар Яннсен ввел в обиход слово «эстонец». В 1857–1861 гг. вышел на немецком языке и в 1862 г. на эстонском эпос «Калевипоэг», стали создаваться патриотические песни и музыкальные произведения. В 1865 г. Яннсен основал в Тарту певческо-театральное общество «Ванемуйне», которое в 1869 г. по примеру немецких певческих праздников стало проводить Всеэстонский певческий праздник, собиравший сотни исполнителей. Другой формой организации эстонцев стали общества земледельцев. Самой многочисленной культурно-просветительской организацией стало Общество эстонских литераторов, действовавшее в 1872–1893 гг. в Тарту. Общество занималось изучением эстонского языка, изданием литературы на эстонском языке, сбором фольклорных и этнографических материалов.

В 1870 г. учреждена первая студенческая организация, которая в 1883 г. была преобразована в Эстонское студенческое общество. В 1884 г. у общества появился флаг – черно-сине-белый триколор, впоследствии объявленный символом независимой Эстонии. Задачи всех возникавших обществ ограничивались культурно-просветительской работой.

В конце XIX в. прежний порядок управления был в значительной мере унифицирован с общероссийскими нормами, а права немецкого дворянства урезаны (в частности, они лишились прав управлять школами).

Во второй половине 1890-х гг. в Эстонии начался культурный подъем, который получил название «Тартуский ренессанс». В 1896 г. редактором газеты «Постимеэс» стал один из главных идеологов эстонского движения в XX веке Яан Тыниссон, призывавший эстонцев опираться на собственные силы. В начале XX в. эстонская элита преимущественно находилась в оппозиции и к российскому правительству, и к остзейскому дворянству. Это противостояние приносило свои плоды и в 1904 г. во время выборов в Таллинскую городскую думу в ожесточенной борьбе с немцами большинство получил русско-эстонский избирательный блок под руководством К. Пятса, который затем стал первым президентом независимой Эстонии.

Во время первой мировой войны резко возрос интерес российской общественности к Прибалтике. От властей требовали ре-

шительных мер по искоренению немецкого влияния, что и было сделано. Эта мера объективно усиливала политические позиции местных этнических элит, которые, однако, в своих требованиях не шли дальше идеи территориальной автономии, ибо политические возможности эстонской элиты были ограниченными.

Февральская революция 1917 г. активизировала политические силы по всей империи: 3 марта в Таллине и других городах были избраны Советы рабочих и солдатских депутатов, в которых доминировали эсеры, реже – меньшевики. В Таллинском совете соотношение русских и эстонцев было 6:4. Советы, образованные в Эстонии, опирались на российскую армию и рабочих таллинских и нарвских предприятий, где эстонцев было меньшинство.

Большевистский переворот в октябре 1917 г. еще более политизировал ситуацию в Эстонии. В ноябре-декабре политические силы активно обсуждали возможные варианты будущего развития: выдвигались варианты создания федеративного государства с Финляндией, другими северными странами, а также Латвией и Литвой. Временный земский совет вплоть до выборов в Учредительное собрание объявил себя высшей властью в Эстонии. На выборах в Учредительное собрание победили левые силы, в том числе коммунисты набрали 40,4% голосов.

Придя к выводу, что с большевиками невозможно сотрудничать, совещание совета старейшин Земского совета и представителей всех партий (кроме большевиков) приняло 31 декабря 1917 г. решение о создании независимого эстонского государства. Эсеры выдвинули проект создания Эстонской трудовой республики, который большевики отклонили. Рыцарство в свою очередь заявило об отделении от России и обратилось к Германии с просьбой об оказании помощи. На состоявшихся в конце января выборах в Эстонское учредительное собрание партии, поддержавшие идею независимости, получили (судя по промежуточным результатам) большинство голосов, большевики набрали 37,1%. Большевики ввели в городах военное положение, а выборы были остановлены. Все дворянство было объявлено вне закона, и в Сибирь было отправлено около 500 прибалтийских немцев. Данная акция дала Германии повод для ввода войск на эстонскую территорию. Мирные переговоры между Эстонией и Советской Россией закончились провалом, и немцы начали наступление. Это развязало руки эстонским политикам, и 19 февраля Земский совет принял решение о провозглашении независимости Эстонии. Из представителей самых крупных партий был сформирован Комитет спасе-

ния, куда входили К. Пятс (председатель), Ю. Вильмс и Константин Коник. Остатки российской армии и отряды Красной гвардии отступили. Эстонская дивизия, сформированная в 1917 г. из эстонских частей царской армии, отказалась от участия в военных действиях. Немецкие войска за неделю оккупировали Эстонию и отказались признавать ее независимость, эстонские части были распущены.

Поражение Германии в войне вынудило приступить к срочной эвакуации немецких войск. Немецкие войска передали власть временному правительству Эстонии. Ситуацию осложняла разгоревшаяся в России гражданская война.

В конце ноября Красная армия, в составе которой примерно треть бойцов составляли эстонцы, вошла на территорию Эстонии, и 29 ноября эстонские большевики провозгласили Эстонскую трудовую коммуну в Нарве.

Политическая обстановка в Эстонии в конце 1918 – начале 1919 гг. складывалась следующим образом: после вывода немецких войск в ноябре 1918 г. была провозглашена независимость страны, к власти пришло временное правительство во главе с К. Пятсом. Однако это правительство с трудом сумело удержаться у власти: вслед за уходящими немцами в Эстонию вторглись советские войска, и отразить их наступление на Таллин слабым эстонским правительственным частям (недавно сформированным из остатков Эстонской дивизии и добровольцев) удалось лишь при помощи отрядов финских добровольцев, начавших прибывать в Эстонию с конца 1918 г., а также русско-белогвардейского Северного корпуса и английского флота. К началу февраля советские войска были вытеснены за линию современной границы. Эстонские правящие круги не имели каких-либо территориальных притязаний к России, однако, у них не было уверенности, что большевики не захотят предпринять новую попытку установить в Эстонии советскую власть. Правительство объявило мобилизацию, и национальную армию возглавил генерал Лайдонер.

Части белой армии под командованием генерала Юденича были преобразованы в Северо-западную армию (сначала корпус), которая действовала согласованно с другими белыми войсками. Армия по соглашению с правительством Эстонии базировалась на ее территории. Но руководивший белыми войсками генерал Колчак, которому подчинялась и северо-западная армия, не считал себя вправе решать вопрос о государственной независимости Финляндии, Эстонии, Польши, ибо полагал, что эти вопросы

должны быть решены после войны и не военными, а политиками. Большевики же, наоборот, готовы были предоставить независимость всем и в любое время, если это диктовалось политической и военной целесообразностью. Именно решение политических вопросов, связанных с суверенитетом отдельных частей бывшей империи, серьезно ослабляло позиции белых и толкало их временных союзников на контакты с Советской Россией. Осенью 1919 г. армия Юденича предприняла наступление на Петроград, которое с трудом удалось отбить большевикам, в этом наступлении принимали участие и эстонские войска. Встречное наступление Красной армии потерпело провал и в плен попало около 10 тыс. красноармейцев. В это время в Ревеле (Таллине) принимается решение о нежелательности присутствия войск Юденича на территории Эстонии. Но эстонская армия вынуждена была начать борьбу еще и на южном фронте, ибо немецкий Балтийский ландсвер (воинские формирования местных немцев) поднял мятеж и сверг латышское правительство, угроза нависла и над южной Эстонией. Угрозу предотвратили с помощью финских и шведских добровольцев и белогвардейцев.

Седьмая армия красных по приказу Троцкого трижды атаковала Нарву, но эти атаки были успешно отбиты войсками Юденича. Этот факт сыграл решающую роль в формировании эстонской независимости. Военная обстановка показала, что вопрос об Эстонской советской республике надо отложить и договариваться с эстонскими политиками за спиной Юденича. 6 декабря 1919 г. начинаются переговоры с эстонской стороной, но еще 17 декабря красные в очередной раз пытались безрезультатно атаковать Нарву. Желая быстрее решить вопрос с армией Юденича, большевики готовы были уступить Эстонии не только территорию Эстляндии, но и часть территории Псковщины и Принаровья (Нарва долгое время входила в состав Петербургской губернии). Помимо этого Эстонии, согласно условиям договора, было выделено 11,6 тонн золота (15 млн золотых рублей) и тем самым как бы «покупались» лояльность эстонских властей к Советской России и их участие в ликвидации армии Юденича. Сначала эстонские части оголили фронт под Петербургом, оставив свои позиции и дав возможность красным частям начать наступление. В свою очередь английская эскадра, нарушив договоренности, не стала поддерживать белогвардейские части огнем своих орудий. Затем эстонские войска генерала Лайдонера, когда войска Юденича полностью выдохлись, начали их разоружение. Одновременно конфисковались ар-

мейские запасы, осуществлялся прямой грабеж офицеров. По некоторым воинским подразделениям был открыт огонь, когда они переправлялись через реку Нарву на эстонский берег. Уцелевших военных отправили в концентрационный лагерь, устроенный в Пяэскюле на сланцевых шахтах. Русским было запрещено свободно перемещаться по стране, они не могли получить работу.

Вопрос о независимости Эстонии мог быть решен только в результате двусторонних переговоров с Советской Россией, ибо в 1919 г. *на Парижской мирной конференции эстонской делегации было отказано в признании де-юре ее независимости*. 2 февраля 1920 г. в Тарту был заключен мирный договор, подписание которого означало полноценное признание эстонской независимости. Уступки, на которые пошли большевики, были весьма значительными, но они диктовались текущими политическими интересами и возможностями Советской России, а не дипломатическим искуством сторон.

В 1939 г. Между Эстонией и ССР был заключен договор о взаимопомощи и на ее территории были размещены советские войска. 21 июня 1940 г. президент К. Пятс под нажимом советской стороны утвердил состав нового правительства. В нем не было ни одного коммуниста. Тем не менее началось масштабное обновление государственного аппарата и на место уволенных чиновников назначали коммунистов, в Эстонии стали действовать органы НКВД. 5 июля К. Пятс своим указом распустил парламент и назначил новые выборы. По официальным данным в выборах приняли участие 84,1% избирателей, из них 92% проголосовали за Союз трудового народа Эстонии. 21 июля Эстония без дебатов была переименована в Эстонскую Советскую Социалистическую Республику, а 22 июля парламент обратился к Советскому Союзу с просьбой о принятии ЭССР в состав СССР. Вся частная собственность была национализирована, и в Эстонии была принята та же политическая и экономическая модель, что и в СССР.

Провал путча, который устроили консервативные советские политические лидеры в августе 1991 г., фактически привел к распаду СССР, ибо у союзного руководства больше не было ни сил, ни возможностей противостоять распаду. 20 августа 1991 г. Верховный Совет ЭССР по соглашению с Конгрессом Эстонии (альтернативный парламент, возникший в Эстонии в конце перестройки и ставивший своей целью завоевание государственной независимости и признание гражданами страны только потомков тех эстоноземельцев, которые жили в Эстонии в 1940 г.) принял

«Решение о государственной независимости Эстонии». 24 августа независимость Эстонии признала Российская Федерация. Новый четвертый по счету Основной закон базировался на идее преемственности ЭР, провозглашенной в 1918 г., и на этом основании эстонское общество было поделено на граждан и неграждан. Неграждане, к которым была отнесена значительная часть неэстонского населения, были лишены политических и экономических прав, но могли получить права гражданства, пройдя через специальную процедуру, включающую освоение навыков эстонского языка, изучение истории Эстонии, принесение клятвы верности эстонскому государству и т. д. Фактически в стране, которая объявила себя демократической, узаконили *конституционный национализм*, и во внутренней политике была взята на вооружение самая радикальная модель этнополитики – политика исключения.

До сих пор, однако, внутренний раскол среди эстоноземельцев не преодолен, а идея их гражданской интеграции не стоит в повестке дня, хотя формальные интеграционные программы существуют, но их суть состоит в безусловном признании этническими меньшинствами языка и культурных традиций большинства.

Более того, эстонская политическая и историческая мифология по сути своей делит не только население на разностатусные группы, но и *историческое время является разделенным и этнически маркированным*. Так, эпоха пребывания в составе Российской империи и СССР нередко называется в эстонской историографии «Русское время».

В отличие от финнов и эстонцев, уральские народы России не могут отделить историю развития своих территорий от общей истории Отечества, хотя попытки такого рода отдельными радикалами предпринимаются.

Следует отметить, что общая история, общее участие в формировании российской государственности, а также активное участие представителей финно-угорских народов России в ополчении Минина и Пожарского, в Отечественной войне 1812 г., в других важных событиях российской истории, не находят сегодня достаточного освещения в региональных вариантах отечественной истории и особенно в культурной пропаганде, а потому молодежь в массе своей в этих страницах региональной истории не осведомлена. Но при этом ведется поиск неких исторических фактов (часто мифических), которые должны свидетельствовать об особом историческом пути названных народов. Наиболее из-

вестной исторической спекуляцией такого рода является миф о Биармии – древнем великом государстве финно-угров, предшествовавшем Киевской Руси и разрушенном славянами.

Дело в том, что для финно-угроведения XIX в. была характерна романтизация и мистификация исторического прошлого финно-угорских народов. Историки и так называемые «будители» сами «творили» привлекательное для них прошлое. Примером подобного исторического мифотворчества была теория золотого века финно-угорских народов, одним из наиболее ярких приверженцев которой являлся финский историк и фольклорист Д.П. Европеус. В своей работе «Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних жителей» (СПб., 1874) он утверждал, что на севере России от Ледовитого океана до реки Оки жил могущественный и очень многочисленный народ, который им отождествлялся с Великой Пермью русских летописей и Биармией скандинавских саг. По мнению сторонников теории золотого века, биармийцы принимали участие в походах гуннов, что привело к переселению части биармов к берегам Черного моря. История мифической Биармии получила настолько широкое распространение, что попала в обобщающие издания по истории России. Однако еще в начале XX в. К. Тиандер в своей статье «О происхождении имени “Пермь”», опубликованной в «Журнале Министерства просвещения» (1901), обоснованно доказал, что для отождествления Перми и Биармии нет никаких оснований и таковая гипотеза является историческим мифом. Тем не менее в последние годы биармийская тема снова всерьез обсуждается некоторыми учеными в национальных республиках.

В круг не очень добросовестных исследователей вливаются многочисленные «любители истории», которые пытаются/пытались представить историческое прошлое уральских народов как извечное противостояние России (русских) с одной стороны и финно-угров и самодийцев – с другой.

В этом отношении особенно активны марийские и мордовские (эрзянские) радикалы и их сторонники. Марийскую средневековую историю пытаются представить как время героического сопротивления марийцев русской экспансии, указывая на так называемые черемисские войны, которые длились с 1552 по 1592 г. Эти войны преподносятся как освободительная война марийцев, которая, собственно, и позволила им сохранить свою самость и культурную самобытность, включая «этническую религию» –

язычество (активисты марийского движения называют марийцев единственным языческим народом Европы, хотя многие из них – православные). При этом забывается тот факт, что черемисские войны представляли собой в основном волнения казанских татар, в которых принимали участие часть луговых марийцев (черемисов). В то же время горные марийцы выступали как союзники Московского царства и безоговорочно приняли христианство как религию (сегодня большинство марийцев считают себя православными, включая тех, кто посещает языческие священные рощи).

Как уже сказано, ни один из финно-угорских народов РФ никогда не имел собственной национальной государственности, а их предки всегда входили в состав более крупных государственных объединений: Древней Руси, Булгарского царства, Золотой орды, Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Российской империи. Такое положение не позволяло сформировать собственную политическую и культурную элиту, ограничивало возможности распоряжения земельными и иными ресурсами, но создавало условия для усиления культурного влияния на них соседних народов.

Большевики, руководствуясь доктриной этнического национализма, которую они взяли на вооружение, как только пришли к власти, создали национально-государственные образования для многих уральских народов: в 1920 г. была создана Карельская трудовая коммуна (в 1923 г. преобразована в Карельскую автономную республику), в 1920 г. были образованы Марийская автономная область (в 1936 г. преобразована в автономную республику) и Удмуртская (Вотская) автономная область (в 1924 переименована в Удмуртскую АО, а в 1937 г. преобразована в автономную республику), в 1921 г. создана Коми автономная область (преобразована в автономную республику в 1936 г.), в 1925 г. был создан Коми-Пермяцкий национальный округ, в 1930 г. – Мордовская автономная область (преобразована в автономную республику в 1934 г.), Ямало-Ненецкий, Долгано-Ненецкий (Таймырский) и Остяко-Вогульский (с 1940 г. – Ханты-Мансийский) национальные округа (преобразованы в автономные округа в 1977 г., Таймырский округ в 2007 г. вошел в состав Красноярского края). Все названные республики (области) и округа создавались сверху, директивным путем, но, как было замечено выше, не в результате *актов самоопределения*, т. е. прямого и непосредственного участия населения в процессе, реализующего свое право на самоопределение путем всенародного референдума.

Начальный этап государственного строительства у уральских народов России весьма показателен, но надо заметить, что серьезного анализа того, как само население будущих автономий относилось к первым усилиям новых элит форсировать процесс нациестроительства, в исторической литературе нет. Есть лишь отдельные упоминания и замечания касательно этого, свидетельствующие о формальном характере контактов между властью и населением при обсуждении вопросов будущего национально-государственного устройства этнических территорий. Даже в Беломорской Карелии, где идею автономии отстаивало «Общество беломорских карел» (создано финнами в 1905 г. в Тампере), после большевистского переворота не наблюдалось какого-либо массового движения в поддержку карельской автономии. Вместе с тем здесь весьма значимым, как и прежде, был «финский фактор», который и определил специфику карельского самоопределения. Несмотря на то что большевики 4 января 1918 г. признали независимость Финляндии, финны полагали, что и их родственники на европейском севере тоже стремятся пойти по пути создания независимых государств и видели свою миссию в том, чтобы оказать им поддержку на этом пути. В 1918–1920 гг. развернулась борьба за так называемую Восточную Карелию (ее называют первой советско-финской войной), которую финны считали общей прародиной финнов и карел (здесь были записаны руны финского национального эпоса «Калевала»), а потому воспринимали эту борьбу как священную войну за некое идеальное отечество. «Финская власть не получила доказательств готовности карел присоединиться к Финляндии, однако добровольческий поход в Беломорскую Карелию все же был начат и продолжался с марта по октябрь 1918 года. Читая дневники и воспоминания финских добровольцев, начинаешь понимать, как глубоко проникла идеология национализма в сознание простых финнов. Добровольцы были вдохновлены идеей освобождения из-под русского и большевистского ига своих кровных братьев, соплеменников, сородичей. И полной неожиданностью для них оказалось то обстоятельство, что сородичи в массе своей совсем не были готовы принимать их помощь. Дневники участников похода, рапорты ...проникнуты чувством недоумения и обиды: лишь малая часть местных жителей была готова их поддерживать!»¹⁰ Неслучайно,

¹⁰ *Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!»: Гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4.

что борьба за Беломорскую Карелию была проиграна, хотя там долго и существовало независимое Ухтинское правительство.

Итогом борьбы за Карелию стало заключение в начале 1920 г. Тартуского мира, согласно которому не только устанавливалась граница между большевистской Россией и Финляндией (не удовлетворившая обе стороны), но и гарантировались права карел и ингерманландцев в России. Но военные действия в Карелии продолжались и в 1921–1922 гг. (вторая советско-финская война), а на некоторых территориях вплоть до 1925 г.

В начале 1920-х гг. советская власть приступила к реализации масштабных планов, связанных с решением проблемы национально-государственного размежевания, которые коснулись и европейского севера. Согласно условиям Тартусского договора, карелы должны были получить автономию и для власти имело значение не то, нужна ли эта автономия самим карелам, а лишь то, кто будет создавать автономию, какие геополитические цели она призвана решать. Карельская автономия мыслилась как плацдарм для будущей коммунистической экспансии в Скандинавию. Поэтому лидерами Карельской трудовой коммуны, созданной в 1920 г., вполне логично стали не карелы, а финны («красные финны»), которые потерпели поражение в Финляндии, но мечтали о реванше. Неслучайно, что само название Трудовой Коммуны (преобразованной уже в 1923 г. в автономную республику) имело на финском принципиально иное звучание (*Karjalan Työväen kommiuni* – Трудовая Коммуна Карелии), что создавало неадекватное представление о ее «карельскости». Показательно и то, что «попытки создания карельской и вепсской письменности «красные» финны признавали шовинистическими, политически неверными и служившими «одурачиванию темных масс»¹¹.

Политические амбиции «красных финнов» были далеки от интересов культурного развития автономии, но получив во владение некую территорию, они стремились расширить властные полномочия и укрепить руководящий статус за счет расширения подвластных территорий и превращения автономии в обширный и значимый субъект Советской России. Поэтому они стали вести борьбу за расширение территории автономии, добиваясь включения в ее состав всего Кольского полуострова. Эти притязания

¹¹ Сурво В., Сурво А. «Центры» и «периферии» финн(лянд)ского семиозиса // Геокультурное пространство европейского севера: Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4. Архангельск, 2009. С. 179.

были отвергнуты, но важно обратить внимание не только на территориальные притязания, но и на идейную платформу новых властей Карелии. А их идейной основой стал финский национализм в той версии, которая поддерживалась «красными финнами» и их лидером – бывшим доцентом Гельсингфоргского (Хельсинкского) университета Эдвардом Гюллингом, возглавившим Карельскую Трудовую Коммуну и сознательно проводившим линию на «финнизацию» Карелии. Финский историк М. Кангаспуро в этой связи ссылается на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на четвертом съезде КПФ, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта следует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма»¹².

Серьезных устремлений в пользу автономии не было ни среди ненцев, проживавших в Архангельской губернии, ни среди коми. На территориях проживания этих народов не возникло даже зародышей этнонациональных движений, а идеи автономизации были заимствованы отдельными представителями местных элит в процессе их большевизации. Но эти идеи не были глубоко проработаны, а представляли собой либо некие модификации политики имперской России в отношении инородцев, четко оговоренные в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.), либо утопические проекты, никак не связанные со спецификой культурного развития территорий. В 1927 г. ненецкие активисты обратились во Всероссийский центральный исполнительный комитет с просьбой «скорей выделить самоедам тундру, чтобы они сами в ней распоряжались»¹³. Призыв «отдайте нам нашу тундру» означал, что ненцы желали возвращения той ситуации, которая сложилась в Большеземельской и Малоземельской тундрах после принятия «Устава об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии» (1835 г.), предоставлявшего им приоритетные права на распоряжение пастбищами и иными угодьями. Большого им и не надо было, ибо идея автономии вряд ли была понятна местному населению.

¹² *Кангаспуро М.* Взлет и падение «красных финнов» // Север. 1997. № 11–12. С. 116.

¹³ *Канев Ю.В.* История Ненецкого края. Нарьян-Мар, 2005. С. 85.

Ненцам не только идея автономии была непонятной, но они не принимали и попытки преобразования их устоявшегося образа жизни: «Ясное, а чаще всего смутное представление ненцев о грядущих переменах, по существу революционного характера, побуждало их ради сохранения традиционного образа жизни протестовать против строительства школ, больниц и других учреждений городского типа»¹⁴ и при этом даже политические выдвиженцы в местных органах власти были против приобщения их к европейской бытовой культуре.

В Коми, как и в Карелии, местные большевистские выдвиженцы были полны амбиций, и их проекты автономной республики строились не на какой-то культурной идее, а на стремлении стать лидерами большого и влиятельного территориального образования. Проект по созданию Зырянской республики предполагал включение в ее состав не только территорий Архангельской и Вологодской губерний, где жили коми-зыряне, но и территории проживания коми-пермяков, а также район Нижней Печоры, заселенный русскими и ненцами, архипелага Шпицберген, земель по Нижней Оби, где обитали ненцы, ханты. В основе названных устремлений, как полагают современные историки, лежала «историческая концепция «Перми Великой – Биармии»¹⁵. Однако нынешние исследователи оценивают притязания «отцов Коми автономии» с позиций тех знаний, которые накоплены сегодня. А творцы автономии не были знакомы с изобретенными сегодня «концепциями» и не имели перед глазами писаной истории коми (которая появились позже). Как и «красные финны», они были националистами и карьерными бюрократами, стремившимися использовать этничность в интересах укрепления и расширения своей власти. В политическом плане местные большевики не были заинтересованы в формировании в «своих» регионах интегрированных гражданских сообществ и в этой связи П. Кауппала заметил, что ни в Карелии, ни в Коми не была сформирована типичная для Финляндии интеграционная идея, заключавшаяся в том, что финны и шведы представляют собой единый двуязыч-

¹⁴ *Коротаев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX века: Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998. С. 175.

¹⁵ *Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1996 С. 31.

ный народ¹⁶. Однако идеи гражданской интеграции и формирования прочных региональных идентичностей даже позднее не стояли в политической повестке дня у руководства республик, поэтому до сих пор нет *политонимов*, обозначающих все население автономий, и нигде не сложилась прочная региональная идентичность, гражданская по своему содержанию.

Поскольку творцы северных автономий были националистами, они вели активную работу по «коренизации» автономий. В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т. п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался»¹⁷. В Коми процесс коренизации не принял таких крайних форм, но она вызывала недовольство некоми населения, о чем можно судить по многочисленным публикациям областной газеты «Югид туй» (Светлый путь), издававшейся на русском языке.

Говоря об опыте государственного строительства, следует упомянуть, что именно революционные события 1917 г. и в первую очередь февральская революция стали тем стимулом, который с одной стороны привел в политику многих представителей уральских народов, а с другой – стал стимулом для появления автономистских идей.

После этого события фактически началось формирование первых этнонациональных организаций и стали рождаться пер-

¹⁶ *Кауптала П.* Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого Княжества Финляндского) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации: Материалы конференции. Сыктывкар, 2006.

¹⁷ *Сурво А.А.* Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар: КГПИ, 2009. С. 126.

вые идеи автономии у пермских и поволжских финнов. Важную роль в этом процессе сыграл I съезд малых народностей Поволжья, состоявшийся 15–21 мая 1917 г. в г. Казани, где говорилось о необходимости предоставить автономию и широкое самоуправление малым народам. В июле того же года в Казани состоялся и I Всероссийский съезд мари, в резолюции которого указывалось, что для всех народов нужно создать свою волостную земскую управу, в местностях населенных мари́йцами создавать уездные, губернские земские управы и по возможности вести делопроизводство на мари́йском языке. Состоявшийся в феврале 1918 г. съезд мари поддержал советскую власть и принял решение: «Отменить существующее название народа мари *«черемис»* ввиду его ненационального происхождения и заменить его историческим национальным именем *«мари»*. Организационной формой объединения мари́йских демократических сил стали «мари́й ушемы» (союзы мари), которые подготовили созыв первого съезда. Правда, идеи автономии были весьма расплывчаты.

Идея создания автономии для коми народа возникла в среде революционно настроенных солдат Петроградского гарнизона под влиянием событий 1917 г., ибо революционные идеи и революционное вдохновение подталкивали людей, включившихся в политические процессы, к выдвижению проектов, связанных с радикальной перестройкой прежнего общества, но мало кто из большевистских новобранцев понимал и принимал идеологию марксизма, а еще меньшее число понимало суть революционных идеалов, основанных на лозунге свободы, равенства и братства, т. е. на идее гражданина, и именно отсутствие подобных идей порождало иллюзии о том, что этнические группы есть субъекты политики. Но еще меньше новоявленные политические элиты хотели считаться с мнением простых членов этнических сообществ, воспринимая себя как новую элиту, которая будет просвещать «темные массы».

Несмотря на то, что границы, статусы, официальные языки у национально-государственных образований уральцев неоднократно менялись, неизменным оставались культурные иерархии и идея «коренного народа» как главного народа на данной территории и эта идея была прочно унаследована постсоветскими политическими элитами республик.

Контрольные вопросы и задания

1. Наиболее распространенные теории праязыка и прародины уральских народов.
2. Какое участие принимали уральцы в формировании Российского государства?
3. Особенности исторического пути Венгрии, Финляндии и Эстонии, специфика обретения государственной независимости.
4. Как формировалась государственность российских народов, принадлежащих к уральской языковой семье?

Литература

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001.
- Васильев В.И.* Проблема этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // *Этногенез народов Севера*. М., 1993.
- Венгерский гений: Венгры, как они видят себя, Венгрию, свое место в истории и современном мире: Сб. ст. М.: Логос, 2011.
- Майтинская К.Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 2009.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I, II. Екатеринбург, 2001, 2004.
- Мокшин Н.Ф.* Этнография финно-угорских народов: Учебно-методич. пособие. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2017.
- Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.
- Основы Этнологии: Учеб. пособие / Под ред. В.В. Пименова. М.: Изд-во МГУ, 2007.
- Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола, 1989.
- Понарядов В.В.* Опыт реконструкции урало-монгольского праязыка. Серия «Науч. докл.». Вып. 510. Сыктывкар, 2011.
- Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Этнополитология: Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2019.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.
- Шабает Ю.П., Логинова Н.Н.* Уральские народы России и зарубежной Европы. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2017.
- Уральская языковая семья: народы, страны и регионы: Этнополитический справочник. 2-е изд., испр. и доп., илл. / Под ред. Ю.П. Шабаета, А.П. Садохина, В.Э. Шаропова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Эстония: Энциклопедический справочник. Таллин: Изд-во эстонской энциклопедии, 2008.

Глава 3

Демография и политика: статистика народонаселения и ее влияние на этнополитику

В последние два-три десятилетия в региональных моделях государственной национальной политики (этнополитики) четко оформились *три основных подхода*, на основе которых формируется законодательная база, но, прежде всего, политические практики, нацеленные на регулирование отношений между государством и этническими сообществами, на регулирование межэтнических отношений: *алармистский, лоялистский, интеграционистский*. Каждый из них имеет право на существование, но между этими подходами необходимо было найти некий разумный баланс, который до сих пор не найден. Как правило, этнополитика (особенно региональная) в основе своей опирается только на два первых подхода.

Алармистский (тревожный) подход находит отражение в многочисленных резолюциях этнических съездов, но не обобщен в форме какого-либо концептуального документа, а представляет собой систему взглядов, суть которых сводится к тому, что необходимо предотвратить угрозу исчезновения меньшинств, их языков и культур. Он также выражается в требованиях сохранить культурную отличительность групп любым путем, в том числе посредством постоянной демонстрации культурных границ между группами с помощью различного рода механизмов (правовых, культурных, политических) и превращения межгрупповых различий в доминанту регионального культурного ландшафта.

Лоялистский подход в содержательном плане есть демонстрация лояльности власти и общества к культурному многообразию через публичные формы демонстрации лояльности к народам, чьим именем названы национально-государственные образования.

Интеграционистский подход опирается не на идею отличий, а идею общности, а потому в его основе должны лежать механизмы, способствующие укреплению общероссийской идентичности и гражданской солидарности россиян. В общем виде этот подход был сформулировал американским антропологом и социологом

Клиффордом Гиртсом. Его теория «интегративной революции» предполагает действия, направленные на подчинение первичных этнических (примордиальных) сантиментов общегражданскому порядку, поскольку упор на общегражданскую идентичность и гражданское согласие является своеобразной «прививкой», с помощью которой в сложных сообществах пытаются предотвращать возникновение межэтнических противоречий и конфликтов.

Демография как источник алармистской традиции

Существенную роль в формировании политических практик, которые определяют содержание региональных моделей этнополитики, играет мнимая или реальная угроза утраты культурной отличительности той или иной этнической группы. Эта угроза заставляет этнические элиты в лице национальной интеллигенции и активистов этнических организаций заявлять о необходимости принятия срочных мер с целью предотвращения «вымирания народа» или утраты им своей самости, т. е. языка и этнического самосознания, а также традиций, которые отличают его от других культурных групп. Опасения по поводу возможной утраты культурной отличительности этнических групп чаще всего выливаются в некие декларации и резолюции этнических съездов, в которых выдвигаются требования к региональным и федеральным властям поддержать язык и культуру того или иного народа, поскольку современное их состояние расценивается как гуманитарная катастрофа или культурный апокалипсис. Манифестация идеями гуманитарной катастрофы есть не только способ воздействия на общественные настроения, но эффективная форма политического давления на региональные власти.

Восприятие процессов глобализации, унификации и интеграции, которые весьма интенсивно протекают в самых разных сферах, включая культурное потребление не как объективных процессов общественного развития, а как угроз, которым необходимо всячески сопротивляться, в том числе с привлечением сил и ресурсов государственных институтов, есть следствие того, что многие этнические активисты и поддерживающие их ученые склонны к натурфилософскому восприятию этничности, а человека рассматривают не как свободную личность, а как заложника группы, которая должна подчиняться ее культурному диктату, ко-

торая «пуповиной привязана к культурной группе», т. е. родственна ей по крови, а потому несвободна.

В общетеоретическом плане основой всех идейных концептов этнонациональных движений уральцев является эссенциалистское (натурфилософское) понимание природы этничности. Пожалуй, наиболее точно о сущности такого понимания сказано российским этнологом Е. Филипповой, которая подчеркивает:

«Эссенциализм, с которым тесно связана абсолютизация культурных различий, во многом наследует германской традиции и, в частности, идеям Гердера... Однако в ее русской версии субстанция *Volk* принимает не только культурные, но и биологические очертания, поскольку она понимается как передаваемая от предков к потомкам «по крови». Народы, или этносы, считаются созданными богом или природой, а потому их следует сохранять, как сохраняют редкие виды животных или растений. Этот консервативный подход... лежит в основе российской версии мультикультурализма, который во имя сохранения культурного многообразия стремится не только зафиксировать в неподвижности культурные феномены, но и закрепить принадлежность индивида к его «исходной» этнической группе. Тем самым нарушаются права человека на культурную свободу и персональную автономию, а при определенных политических условиях такой подход открывает возможность для дискриминации и даже преследований по этническому принципу (примером чему может служить судьба депортированных при Сталине народов)... Эта логика, доведенная до абсурда, создает почву для расизма и исключительности. В соответствии с ней:

1. Ни один человек не может существовать вне этнической общности; все человечество состоит из народов-этносов.

2. Индивид может поменять свою социальную принадлежность или гражданство, но он не может изменить этническую принадлежность.

3. Сущность этничности заключается в общности, основанной на кровном родстве и сохраняемой благодаря эндогамии. Каждый человек является носителем этнических свойств»¹⁸.

Во многих сообществах и странах, и не только в таких иммигрантских сообществах, каким являются, к примеру, США, эт-

¹⁸ Филиппова Е. Вместо введения. «Этническая» или «региональная» идентичность // Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008. С. 8–9.

ничность не занимает значительного места в системе социального и культурного позиционирования личности. Но в России принадлежность к этнической группе все еще рассматривается как очень значимая характеристика, хотя с начала 1990-х гг. этническая принадлежность не фиксируется в официальных документах и является делом персонального выбора.

Очевидно, что в стране, построенной как этническая федерация, этничность неизбежно должна была превратиться в важный политический ресурс, и она в такой ресурс и превратилась, причем особенно активно этничность использовалась в качестве такого ресурса в 1990-е годы. Сложились уже целые лоббистские группы, которые строят свое благополучие и обеспечивают карьерный рост своих членов за счет политизированной этничности. С целью оказать давление на власть принимаются громкие заявления, резолюции, устраиваются пикеты, которые чаще всего отражают мнения и позиции именно групп влияния, но не этнических сообществ целиком (или большинства их членов), ибо мнение рядовых представителей этнических групп никак не учитывается.

Откликаясь на подобное давление в региональных моделях и практиках реализации государственной национальной политики на местах, все большее место занимают акции, направленные не на решение сложных проблем социального и культурного развития территорий (включая территории компактного расселения представителей той или иной этнической группы), а на манифестацию этничности и маркирование культурных границ между группами путем поддержания и подчеркивания их культурной отличительности и даже путем отрицания значимости процессов глобализации, унификации и гражданской интеграции.

Очевидная потребность в интеграционной политике и укреплении гражданской солидарности, снижении уровня интолерантности в местных сообществах заменяется практиками, ведущими, по сути, к дезинтеграции российского общества. Данные практики близки по своему содержанию к культурному расизму и объективно противоречат интересам россиян, но они прочно укоренились.

Все идеи и резолюции с призывами обратить внимание на ухудшение положения уральских народов опираются в первую очередь на данные официальной статистики, характеризующие динамику численности этнических групп. И здесь есть определенная логика, ибо общая численность уральцев снижается. «Числен-

ность финно-угорских этносов на территории России, по данным переписи 1959 г., составляла 4,3 млн чел. (2,5% от численности всего населения), в 1989 г. она уменьшилась до 3,2 млн (2,1 %), а в 2002 – до 2,6 млн чел. (1,9%). В целом до 1970 г. наблюдалась тенденция к ее росту, а затем – к сокращению. Так, например, в 1926 г. здесь проживало 2,9 млн чел., 1970 – 3,1, 1979 – 3,0, 1989 – 3,1, в 2002 г. – 2,6 млн чел. Однако доля финно-угров в численности населения России постоянно снижалась»¹⁹.

Но наибольшую тревогу у этнических активистов и некоторых экспертов вызвали итоги переписи населения 2010 года, и особенно сравнение их с результатами предыдущей переписи.

Результаты двух переписей 2002 и 2010 гг., показавших усложнение ситуации среди финно-угров России, вызывали неоднозначную реакцию как среди специалистов, так и среди активистов различных этнических организаций. Нередко эти результаты пытались политизировать, и таким образом цифры становились *не инструментом учета* (чем они и должны являться), а инструментом политического давления.

Таблица 2

Численность крупнейших финно-угорских народов,
проживающих на территории России
(по данным переписей населения, тысяч человек)

Народ	1989	2002	2010	в %	
				2002, к 1989	2010, к 2002
Карелы	125	93	60,8	74,4	65,2
Коми	336	293	228	87,2	77,8
Марийцы	644	604	547	93,8	90,6
Мордва	1073	843	744	78,6	88,2
Удмурты	715	637	552	80,9	86,7

Но здесь важно обратить внимание на несколько существенных моментов. Во-первых, происходило общее снижение численности населения в РФ и снижение численности населения всех республик, где проживают представители финно-угорских

¹⁹ *Логинова Н.Н., Жулина А.А.* Финно-угорские народы мира и России: Геодемографический аспект // Финно-угорский мир. 2011. № 2–3. С. 74.

народов. В условиях общего снижения численности населения, как правило, снижение численности меньшинств является более значительным, нежели снижение численности крупных народов, ибо их демографический потенциал ограничен.

Во-вторых, этническая идентичность постепенно теряет свое значение, а в условиях интенсивных межэтнических контактов происходят объективные процессы, в ходе которых личность либо утрачивает/меняет свою идентичность, либо перестает считать ее значимой категорией, чему свидетельством является тот факт, что в ходе переписи 2010 г. 5,4 млн человек не указали свою этническую принадлежность. В-третьих, видимо, сказались недостатки организации переписи, о чем говорили многие специалисты.

При этом стоит заметить, что снижение численности происходит не в результате насильственной ассимиляции, неблагоприятных условий жизни или иных негативных явлений, а есть следствие меняющегося характера культурных процессов и меняющихся персональных культурных ориентаций, особенно среди молодежи.

Этнодемографическая динамика уральцев

Важно обратить внимание на то, что сегодня нет общей динамики демографического развития уральских народов, и подчеркнуть, что ее и раньше не было.

Можно заметить, что весьма существенно снижается численность карел, ибо, согласно данным переписи населения 1926 г., их численность составляла 248 тыс. чел., но с тех пор неуклонно снижалась, равно как и численность дисперсно расселенной мордвы. В то же время численность марийцев с 1926 г. по 1979 г. выросла почти в полтора раза (с 428 тыс. чел. до 600 тыс. чел.), несколько меньше, но тоже весьма значительно выросла численность удмуртов (с 514 тыс. чел. до 686 тыс. чел.). Численность коми-пермяков, наоборот, в 1926 г. составляла 149 тыс. чел., а в 1979 г. снизилась до 146 тыс., что было связано с голодом 1930-х гг., переселением части этнической группы в Сибирь, военными потерями. Неуклонно увеличивалась от переписи к переписи численность ненцев, хантов, стабильной была численность саамов, а численность коми за период между 1926 и 1989 гг. выросла на 152%. А в Ханты-Мансийском автономном округе общая численность хантов, ман-

си, ненцев, селькупов и некоторых других аборигенных групп только за период между переписями 2002 и 2010 гг. выросла на 43%.

Но, не оспаривая значимости статистических данных, необходимо заметить, что сугубо арифметический подход к анализу демографического развития этнических групп вряд ли уместен, ибо сокращение или возрастание численности группы без анализа других показателей говорят лишь о росте или сокращении численности, но не более того.

Тем не менее упрощенный взгляд на этническое развитие нередко превалирует, а потому, по мнению этнических активистов, данные переписей свидетельствуют о «вымирании» российских финно-угров. При «арифметическом» подходе сугубо приватные вопросы культурного выбора и культурных предпочтений трансформируются в политические дебаты, логика которых неминуемо приводит стороны к взаимным обвинениям в ассимиляторстве и националистических гонениях. И именно такой характер приобретают в последние годы дебаты о культурном развитии уральских народов не только в среде этнических активистов, но и в среде политиков и экспертов, причем некоторые западные эксперты демонстрируют весьма консервативный подход к анализу культурных процессов, рассматривая их и с социобиологических позиций, и с позиций культуртрегерства.

Анализ публикаций и документов, рожденных политическими элитами Запада и ангажированными экспертами, показывает, к примеру, что понимание этнических сообществ как *социобиологических организмов* близко не только сторонникам идеологии этнического национализма, но и некоторым европейским демократическим институтам, *которые по природе своей должны стоять на страже прав человека, включая его культурные права, а значит, и право на свободу культурного выбора.*

Первая попытка практического применения ими названного подхода была предпринята еще в 1998 г., когда по инициативе депутата Европарламента от Финляндии Тютти Исохоокана Асунмаа в комитете по культуре Евросовета был заслушан доклад о мерах, гарантирующих сохранение своеобразия финно-угорских меньшинств, а Парламентская Ассамблея разработала резолюцию 1171, касающуюся уральских (т. е. финно-угорских и самодийских) культурных меньшинств «подверженных вымиранию». России было рекомендовано предпринять меры для сохранения и развития языка и культуры финно-угорских меньшинств, усилить внимание государственных институтов к нуждам этих народов.

Следующей важной вехой в презентации сценария «вымирания» российских финно-угров стало выступление с пленарным докладом на IV Всемирном конгрессе финно-угорских народов, прошедшем в августе 2004 г. в столице Эстонии Таллинне, венгерского ученого Яноша Пустаи. Во-первых, он обратил внимание на значительное сокращение численности многих уральских народов и сделал прогноз, согласно которому в 2093 г. общая численность этих народов сократится вдвое. Причем сам факт изменения численности народов им расценивался не как следствие сложных культурных взаимодействий, а как некий «культурный апокалипсис». *Этот изначальный посыл, не принимавший во внимание изменение культурных ориентаций людей и их право на свободное культурное самоопределение, повлек за собой и целую серию других сомнительных умозаключений.*

Во-вторых, предложения ученого сводились к тотальной этнизации всего культурного пространства тех регионов, где проживают *российские* финно-угры, но где при этом они не являются большинством населения и где исторически сформировались сложные поликультурные сообщества. Характер отношений в местных сообществах и межкультурное взаимодействие ученый выносил как бы «за скобки» своих рассуждений, и потому его предложения были нереализуемы.

Доклад Пустаи стал своеобразным *культурным и политическим манифестом* для активистов этнических движений финно-угров. Более того, идея тотальной этнизации культурного пространства республик и округов с уральским населением оказалась очень близка идеологам этнонациональных организаций и к ней вполне лояльно отнеслись региональные власти, включив в доктринальные документы и правовые акты республик многие положения, заимствованные из резолюций и деклараций этнических съездов.

Неслучайно, что именно после конгресса в Таллинне началась разворачиваться кампания по защите прав уральских меньшинств и инициатором этой кампании выступили эстонские политики. Они разработали «Обращения в поддержку марийского народа», поводом для которого послужил случай избития хулиганами одного из активистов марийского движения. Этот *частный случай* стал основанием для широких обобщений и *выводов глобального характера*. Интергруппа Европарламента, занимающаяся вопросами национальных меньшинств, 10 марта 2005 г. обсудила вопрос о положении марийского народа в России и при-

няла решение поднять этот вопрос на переговорах с делегацией российских парламентариев. Еще ранее Европарламент поручил подготовку специального доклада по положению уральских народов в России депутату от Эстонии Катрин Сакс, которая несколько лет занимала пост министра по делам народонаселения своей страны, но не являлась специалистом по проблемам меньшинств и тем более грамотным антропологом. Осенью 2006 г. предварительная версия доклада была представлена в Комитет по культуре, науке и образованию ПАСЕ под наименованием Doc. 11087, *Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples*. В этом документе получили дальнейшее развитие идеи профессора Пустай, а его основной смысл состоял в том, чтобы показать, что ситуация с положением финно-угорских и самодийских народов России «значительно ухудшилась», ибо их численность сокращается. Снижение численности вкупе с другими культурными изменениями, происходящими в культурном облике народов уральской языковой семьи, служили также доказательством неэффективности государственной национальной политики в РФ, а также одним из способов обоснования необходимости *тотальной этнизации культурной жизни в регионах проживания уральцев*. К названному докладу у специалистов было много претензий, но главная из них состояла в том, что его разработчиками фактически отрицалось наличие сложных полиэтнических сообществ в регионах проживания финно-угорских и самодийских народов, а также право граждан на культурную свободу (ибо личность в докладе рассматривается как «заложник» неких высших культурных интересов).

Попытки доказать массовое вымирание народов в России продолжались и в последующие годы. Так в 2001 г. в Эстонии вышел труд «*The Red Book of the Peoples of the Russian Empire*» («Красная книга народов Российской империи»), где было описано положение 86 народов Российской империи и Советского Союза, которые якобы находятся на грани вымирания или уже практически исчезли. С первых же слов предисловия становится ясен замысел авторов, заявляющих о «русском шовинизме», о «плачевном состоянии» многих российских народов, включая уральские народы, что трактуется как «преступление против человечества». Обложка издания для усиления визуального воздействия на читателя оформлена соответствующим образом: на кроваво-красном фоне представлена репродукция картины И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», чаще известной под названием «Иван Грозный убивает своего сына».

Но процесс появления и исчезновения народов есть объективная реальность, ибо процессы исторического развития приводят к тому, что одни народы уходят с исторической арены, другие появляются на ней. Из курса всеобщей истории мы знаем о таких народах, как шумеры, финикийцы, хетты, карфагеняне, скифы, половцы, галлы, но ни одного из них больше не существует.

Но есть и примеры как стойкого существования, так и неожиданного возрождения культурных традиций.

Так, в первом веке новой эры после ряда восстаний евреи были выселены римлянами из Палестины и расселились по миру, а их язык был забыт. Но после создания в 1948 г. государства Израиль еврейский язык (иврит) был воссоздан, и он является государственным языком страны. В Великобритании несколько столетий назад был утрачен корнуэльский язык, а сами корнуэльцы стали воспринимать себя как англичан. Но относительно недавно в Корнуолле начались процессы реидентификации, т. е. часть местных жителей осознала себя особым отдельным сообществом, отличным в культурном плане от англичан. Так, в 2002 г. корнский (корнуэльский) язык в Великобритании, который, казалось бы, был давно утрачен, получил официальное признание, а в 2011 г. корнуэльцы официально были признаны отдельной от англичан этнической группой, что лишь усилило движение за самоуправление Корнуолла. Схожие процессы, начиная с 1990-х гг. можно было наблюдать среди бесермян в Удмуртии, Коми-ижемцев – в Коми, горных марийцев – в Марий Эл, мордвы-эрзи – в Мордовии.

Очень часто исчезающие культурные традиции, в том числе и среди уральцев, являются предметом откровенных политических спекуляций.

Так, в 2014 г. Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес на пленарном заседании Всемирной конференции коренных народов заявил, что строительство порта в Усть-Луге в Ленинградской области нарушает права коренных народов, а особенно вожан и ижорцев, которые живут неподалеку в деревнях Лужицы, Краколье, Ручьи и Вистино (Ильвес привел не их официальные названия, а эстонскую версию).

Это был очевидный блеф, ибо здесь к тому времени проживало всего полтора десятка вожанок пенсионного возраста, которые, конечно, не занимались традиционным видом промысла води – ловом балтийской кильки. А что касается ижоры, то эстонский политик просто сознательно исказил информацию. Дело в том, что наиболее общее для всех групп ижор этническое само-

название – «русские» («venäläiset», «venalaizet», «vellaset») первоначально представляло собой не название этнической группы, а маркер, указывавший на пребывание ижор вплоть до XVII в. в составе Русского государства («Venäjä»), а в XVIII–XIX в. он дополнился еще идеей религиозной солидарности с русским населением, ибо ижорцы были православными и потому противопоставляли себя местным финнам-лютеранам (их не очень правильно называют ингерманландцами).

Ижорцы, искренне считавшие себя «настоящими русскими», с XVII в. представлялись таковыми в первую очередь перед ингерманландскими финнами, которые были их соседями на южном берегу Финского залива. «Русское» самоназвание ижор было признано и местными финнами, которые определяли стиль жизни соседней культурной группы как *venäjänmielisyys* («русскомыслие»). Ижорцы вплоть до XIX–XX рассматривали себя не как этническое меньшинство, а как часть титульного этноса Российской империи – русских. Подобная форма самосознания стала причиной того, что среди ижорцев не было заметного стремления к автономии, а местные учителя в 1930-е гг. в большинстве своем были против «ижоризации» школы. И естественно, что ижорцы сознательно и последовательно реализовывали свое рускомыслие, меняя этническую идентичность. Вся ижорская молодежь переехала в города и считает себя русскими. Ижорой, по данным переписи 2010 г., назвали себя только 266 человек, и это престарелые граждане. Примерно так же позиционировала себя и водская молодежь. При этом «Общество ижоры и води» созданное в Петербурге несколькими местными активистами, есть попытка предоставить этих активистов как знатоков культуры води и ижоры и экспертов в области этнополитики. Сами вожане и ижорцы не видят для себя угрозы ни со стороны культурных соседей, ни со стороны портового хозяйства Усть-Луги, но этот объект является угрозой для портов стран Балтии, что и побудило Ильвеса встать на защиту тех этнических групп, которые в его патронаже не нуждались и главное – не просили об этом.

Важным показателем этнодемографических и культурных процессов является этническая мозаичность населения того или иного регион а также такие показатели как доля той или иной этнической группы в составе его населения, характер межкультурного взаимодействия, культурные и гражданские ориентации жителей.

Доля представителей титульных этнических групп в национально-государственных образованиях, которые названы их именами, снижается (см. табл. 2), но и здесь не все так однозначно.

Таблица 3

Доля титульного населения в составе республик
и округов с уральским населением
(по данным переписей населения, в %)

Регион	1939	1979	1989	2002	2010
Ненецкий АО	11,8	12,8	11,9	19,0	18,6
Ханты-Мансийский АО	19,3	3,1	1,4	1,9	2
Ямало-Ненецкий АО	29,3	11	4,2	5,2	5,9
Республика Марий Эл	47,2	43,5	43,3	42,9	41,8
Республика Мордовия	34,1	34,3	32,5	31,9	32,1
Республика Удмуртия	39,4	32,2	30,9	29,3	27,0
Республика Карелия	23,2	11,1	10,0	9,2	7,1
Республика Коми	72,5	25,3	23,3	25,2	22,5

Во-первых, снижение доли уральцев и аборигенного населения на территории нынешнего Ямало-Ненецкого округа, а также Ханты-Мансийского и Ненецкого связано с огромным притоком мигрантов из других регионов страны, который был связан с освоением нефтегазовых месторождений, созданием новых производств и строительством новых поселений и городов. Если к началу XX в. на Ямале ненцы, ханты и другие аборигенные народы составляли более 70% населения, коми – около 10% (и составляли большинство жителей нынешней столицы Салехарда (Обдорская), а численность русских была менее 10%, то уже в 1930-е гг. этнический состав населения стал заметно меняться, хотя в 1959 г. доля ненцев в составе населения все еще составляла 22,4%, а общая доля представителей финно-угорских и самодийских народов составляла более трети (37,4%). Но в 1989 г. перепись зафиксировала, что ненецкое население сократилось до 1,4%, хотя общая численность ненцев все равно выросла и продолжала расти все последующие годы.

К началу 1970-х гг., т. е. ко времени начала интенсивного освоения нефтяных богатств Западной Сибири, в составе насе-

ния Ханты-Мансийского автономного округа доля нерусского населения, включая хантов, манси, ненцев, сибирских татар, энцев, мордву, коми, коми-пермяков, удмуртов составляла примерно треть населения, то в последующие годы она резко сократилась. Тем не менее в последние десятилетия и в НАО, и в ЯНАО, и в ХМАО не только не происходит сокращения численности титульных этнических групп, но наблюдается определенный рост или стабилизация их доли в общем составе населения этих национально-государственных образований. И это имеет место тогда, когда они являются абсолютным меньшинством населения, когда межэтнические контакты на личностном уровне становятся все более интенсивны, включая межэтнические браки. Например, хантыйские или ненецкие девушки нередко выходят замуж за представителей иных этнических групп.

Конечно, доминантные группы, и прежде всего русские (но в современной Западной Сибири – это еще и тюркское население), оказывают сильное влияние на характер межэтнического взаимодействия, ассимилируя некоторую часть этнических меньшинств, что неизбежно. Но если бы эта ассимиляция носила не естественный, а насильственный и динамичный характер, то следствием этого стало бы быстрое увеличение доли русских в составе населения республик и автономных округов. В ряде случаев это и имеет место быть, но опять же ситуация везде разная (см. табл. 3), что не позволяет говорить о некой общей тенденции.

Таблица 4

Изменение доли русских
в составе населения национальных республик
(по данным переписей населения, в %)

Регион	1970	1979	1989	2002	2010
Ненецкий АО	64,5	65,8	65,8	62,4	63,3
Ханты-Мансийский АО	76,9	74,3	66,3	66,1	68,1
Ямало-Ненецкий АО	46,9	59	59,2	58,9	61,7
Республика Марий Эл	46,8	47,5	47,5	47,5	45,1
Республика Мордовия	58,9	59,8	60,8	60,8	53,2
Республика Удмуртия	57,1	58,3	58,9	60,1	60,0
Республика Карелия	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Республика Коми	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1

Если говорить о половозрастном составе населения разных уральских народов, то в этом отношении разница между ними очень велика.

Специалисты, оценив итоги последней переписи населения (2010 г.), отнесли удмуртов, коми, коми-пермяков, бесермян и мордву к группе народов, которая относится к «старым», причем уровень старости определен как «значительный», а для карел, вепсов и финнов он является «высоким». При этом практически у всех финно-угров в их общей возрастной структуре существенно снизилась доля лиц моложе трудоспособного возраста.

Еще более показательны изменения, связанные с демографическим воспроизводством. По сравнению с предыдущей переписью у большинства народов России произошло снижение деторождений в наиболее продуктивных возрастных когортах, но у мордвы, удмуртов, марийцев, к примеру, это снижение было более значительным, чем в среднем по стране. В когорте 25–29 лет, т. е. наиболее «продуктивной», в 2010 г. снижение по сравнению с 2002 г. составило у мордвы – 221, в когорте 30–34 года – 184, в когорте 35–39 лет – 189; а у мариек эти показатели соответственно снизились на 143, 150 и 177 рождений. Правда, надо признать, что названный показатель очень существенно различается у разных финно-угорских народов. Дополнительные сложности для демографического воспроизводства создает соотношение полов и состояние брачно-семейных отношений, а также брачные ориентации. *При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что общие проблемы демографического развития, которые вполне очевидны для всей страны, в большей мере коснулись малых народов, поскольку их демографический потенциал ограничен, а их представители тесно взаимодействуют с соседними народами, в результате чего происходит этническая миксация и добровольная смена этнической идентичности (т. е. часть представителей того или иного народа начинают добровольно считать себя представителями других народов).*

Для оценки демографических перспектив очень важным показателем является соотношение мужчин и женщин среди представителей каждого конкретного народа/этнической группы.

Соотношение полов у большинства финно-угорских народов продолжает оставаться неблагоприятным, ибо доля женщин, в том числе в активном брачном возрасте, заметно выше доли мужчин. А если учесть тот факт, что значительная часть финно-угров проживает не в моноэтнических поселениях (городских или

сельских), а в этнически неоднородных сообществах с высокой интенсивностью межэтнических контактов, то очевидной является ситуация, при которой женщины будут выбирать себе брачных партнеров вне своих этнических групп, что и происходит. При этом значительная часть мужчин также ориентированы не на свой «этнический сегмент брачного рынка», а на рынок в целом.

Конечно, такая ситуация заставляет искать «рецепты спасения» народов. И некоторые этнические активисты предлагают откровенно расистские сценарии.

Так, после съезда коми-пермяцкого народа координатор просветительского проекта «Русские встречи» Роман Юшков заявил: «Стремительное размывание и растворение народа происходит не из-за того, что кто-то злонамеренным образом стимулирует смешение с другими нациями, а из-за того, что среднему коми-пермяку просто не приходит в голову блюсти чистоту своей этнической крови. А ведь именно это прочно заложено в культуре любого здорового народа, тем более немногочисленного, и является условием его выживания». И далее за постановкой диагноза в данном случае следуют «рецепты», которые крайне политически опасны, но находят понимание среди национал-радикалов, и которые, тем не менее, за редкими исключениями не принято афишировать: «Для исправления ситуации коми-пермякам как воздух нужны свои националисты. Какие политические программы они потом поднимут на флаг – воссоздание автономии, или уход из Пермского края и объединение с Республикой Коми, или что-то иное – это очень второстепенно. Главная их задача – убедить всех коми-пермяков в непреходящей ценности их древней биармийской культуры и их уникального набора расовых качеств одного из самых белых из ныне живущих народов мира. И даже тысяча приезжих горячих венгров или эмиссаров других родственных финно-угорских народов не смогут сделать это за самих коми-пермяков»²⁰.

Более того, если говорить о разных республиках и округах, то надо принимать во внимание множество факторов, характеризующих их экономическое и социальное развитие и оказывающих воздействие как на положение титульных этнических групп, так и на характер их этнокультурного развития.

²⁰ Юшков Р. Коми-пермяки – взгляд со дна пропасти [Электронный ресурс]. URL: <https://roman-yushkov.livejournal.com/54011.html> (дата обращения 12.11.2019).

Существенный экономический рост и активная урбанизация, к примеру, не только меняют социальный состав населения и образ жизни людей и модернизируют прежние аграрные сообщества (каковыми являлись до недавних пор все уральские народы РФ, за исключением карел), но и создают новые возможности для развития и сохранения культурного многообразия.

В этом отношении показательна ситуация не столько в республиках с финно-угорским населением, сколько положение дел в автономных округах, где проживают самодийцы и обские угры (так называют хантов и манси).

Столицы округов (Нарьян-Мар, Салехард, Ханты-Мансийск) превратились в важные центры предоставления социальных, культурных, образовательных услуг местному населению и особенно титульным этническим сообществам, поскольку для удовлетворения их культурных запросов и их культурного развития создана специальная институциональная среда: здесь готовят кадры педагогов для школ, разрабатывают и публикуют учебники на национальных языках, пропагандируют культурные традиции ненцев, хантов, манси и других народов через специально созданные центры национальных культур, региональные краеведческие музеи, где созданы специальные экспозиции и ведется работа по изучению, сохранению и трансляции исторической памяти. Здесь создаются информационные ресурсы на национальных языках: в печатных и электронных СМИ, создана культурная среда для развития профессионального художественного творчества: деятельности писателей, журналистов, театральных деятелей и т. д.

Более того, престиж и значимость титульных групп поддерживаются не только через информационные ресурсы, образовательные и культурные институты, но и через специальные государственные программы и самое главное – через активное вовлечение представителей меньшинств в политические процессы и создание специальных институтов политического представительства, гарантирующих эту вовлеченность.

В 1995 г. в Ямало-Ненецком автономном округе была установлена система выборов, которая гарантировала представительство коренных малочисленных народов в законодательном органе округа. Для этого создан многомандатный избирательный округ, по которому баллотируются представители коренных малочисленных народов Ямала. Этот округ охватывает всю территорию данного субъекта. В законе о выборах Государственной Думы ЯНАО за представителями коренных малочисленных народов

закреплена квота представительства в местном парламенте из трех депутатских мест. Из числа представителей коренных малочисленных народов избирается председатель или один из заместителей председателя Государственной Думы округа. Устав округа предусматривает, что один из заместителей губернатора Ямало-Ненецкого округа назначается из числа представителей коренных малочисленных народов, а в штатном расписании администрации автономного округа предусмотрено образование специального структурного подразделения – департамента по делам коренных малочисленных народов, обеспечивающего реализацию прав коренных малочисленных народов Севера.

Примерно аналогичная практика политического представительства сложилась в Ханты-Мансийском автономном округе. В 1995 г. был принят Устав ХМАО, который предусматривал возможность политического представительства этнических меньшинств. Глава 10 Устава полностью посвящена коренным малочисленным народам ХМАО и защите их интересов.

Законом «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа» предусматривается особая форма представительства коренных малочисленных народов в депутатском корпусе округа, которая носит название «Ассамблея коренных малочисленных народов Севера». Ассамблея призвана представлять и защищать интересы коренных малочисленных народов, проживающих на территории данного субъекта РФ. Она не является самостоятельным органом, а лишь объединяет депутатов Думы, избранных по единому многомандатному округу (вся территория округа), где избираются пять депутатов, для которых в составе Думы выделена соответствующая квота. Председатель Ассамблеи является одновременно и заместителем председателя Думы округа. Закон Ханты-Мансийского автономного округа «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа» наделяет правом выдвижения кандидатов по данному избирательному округу Съезд коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории округа. Порядок проведения Съезда регламентируется окружным законом, утвержденным в мае 2000 г. «О порядке проведения съезда коренных малочисленных народов Севера по выдвижению кандидатов в депутаты Думы Ханты-Мансийского по единому пятимандатному избирательному округу». Но при этом выдвигать кандидатов в депутаты могут не только представители коренных народов региона, но и лица любой этнической принадлежности, проживающие в данном субъекте РФ.

Для избрания устанавливалась квота: один делегат от 200 граждан, которые относятся к одному из коренных малочисленных народов, проживающих в Ханты-Мансийском округе и имеющих право голоса. Для победы кандидату надо набрать наибольшее число голосов избирателей только своего избирательного округа. Но агитацию надо вести на территории двух десятков одномандатных избирательных округов, поэтому победа на выборах представляет собой непростую задачу и является выражением политического доверия населения к кандидату. Кандидаты, набравшие наибольшее число голосов, получают мандаты депутатов Думы автономного округа.

Первоначально из 23 депутатских мест 6 передавались для занятия их представителями коренных народов и формирования Ассамблеи (затем 5 из 25). Ассамблея впервые была сформирована в Думе второго созыва (1996–2000 гг.). Во время выборов в Думу третьего созыва не удалось полностью сформировать Ассамблею, поэтому при Думе был создан Совецательный орган представителей коренных малочисленных народов, а впоследствии было решено сократить состав Ассамблеи. Начиная с четвертого созыва, выборы в который состоялись 12 марта 2006 г. (2006–2011 гг.) Ассамблея состояла из 3 депутатов, избираемых по многомандатному округу, а общая численность депутатов Думы стала составлять 28 человек, что было вызвано ростом численности населения округа. *Наличие в региональном парламенте особого института, гарантирующего политическое представительство аборигенных групп населения, позволило активно работать над местными законами, призванными обеспечить поддержку указанным группам.* Так, депутатами Думы четвертого созыва был принят ряд важнейших законов в области защиты прав, исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов Севера, в том числе законы «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», «О программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры “Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре” на 2008–2012 годы», «О факториях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры отдельным государственным полномочием

по участию в реализации целевой программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» в 2011–2013 годах».

Затем порядок формирования Ассамблеи изменился, хотя сам институт остался в неприкосновенности. В 2015 г. было принято решение формировать Ассамблею из числа избранных депутатов окружной Думы, а в 2016 г. было принято Положение об Ассамблее.

Опыт ХМАО по формированию институтов политического представительства для меньшинств был наиболее удачным, ибо он позволял не только обеспечить представительство миноритарных культурных групп (а ханты и манси вместе с членами других КМНС составляли в начале 2000-х гг. не более 2% населения округа), но позволял решить другую важную политическую проблему. В идеологии и политической практике многих этнонациональных движений РФ этничность противопоставляется гражданству и гражданской солидарности россиян. В модели, разработанной и реализованной в ХМАО, этническое представительство не отделяется от официальных органов власти, а интегрируется в них, что создает приемлемый компромисс между этничностью и гражданством.

Сегодня характер формирования и функции Ассамблеи изменены, и депутаты Ассамблеи избираются на общих основаниях и на основании общей процедуры голосования (без специальных избирательных округов), но эти изменения не кажутся специалистам оправданными, хотя и укладываются в необходимость формирования единого правового поля страны.

Аналог Ассамблеи – это саамские парламенты в странах Скандинавии, но там они являются скорее консультативными органами, нежели представительными и в этом смысле опыт ХМАО более привлекателен.

Конечно, важно иметь в виду, что бюджетная обеспеченность нефтедобывающих регионов существенно выше обычных, а тем более аграрных, к которым можно отнести Марий Эл и Мордовию. В республиках тоже существуют программы поддержки языков и культур титульных народов, созданы различные культурные институты, которые призваны способствовать этому, развивается система этнокультурного образования, с помощью фестивалей, конкурсов, конференций, школьных олимпиад активно пропагандируются традиции титульных сообществ. Во все эти

мероприятия вкладываются значительные государственные средства и отчасти средства спонсоров.

И тем не менее языковые и культурные ориентации, особенно молодежи, все очевиднее смещаются в сторону русского языка, космополитичной городской культуры, а также русской этнической идентичности.

Это объясняется прежде всего процессами унификации и стандартизации, характерными для современного глобализирующегося мира, а также тем, что уральские народы из аграрных сообществ превратились в урбанизированные сообщества, для которых культурная архаика, включая этнические традиции, теряет свое значение и актуальность.

Кроме того, это связано с тем, что между русскими и финно-уграми нет никаких культурных барьеров, а многовековой опыт совместного проживания в едином государстве и общая история привели к формированию сходных элементов культуры и быта: так, традиционный орнамент, пища и столовый этикет, народная одежда, типы жилищ и интерьера, фольклорные сюжеты у северных русских, с одной стороны, и карел, вепсов, води, ижоры, коми и коми-пермяков, удмуртов – с другой имеют много общего. Равно как много общего в культурных традициях поволжских народов – марийцев, мордвы, татар, башкир и местных русских.

Помимо этого, свою роль оказывает тесное культурное взаимодействие между группами на личностном уровне и, наконец, нельзя не принимать во внимание, что процессы нациестроительства и формирования общероссийской идентичности способствуют усилению интеграционных тенденций, которые приводят к определенному ослаблению значимости этнической идентичности. Так, опрос учащихся городских и сельских школ, проведенный в апреле–мае 2017 г. в Республике Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии показал (программа разработана Институтом этнологии и антропологии РАН), что представители учащейся молодежи (8–11 классы), участвовавшие в опросе, продемонстрировали приоритет не региональной или этнической, а гражданско-государственной идентичности: подавляющее большинство предпочитает, чтобы в повседневной жизни окружающие воспринимали их в первую очередь как граждан России: до 87% в Марий Эл, более 89% – в Коми, 81% в Удмуртии и 80% в Мордовии, причем этническая принадлежность учащихся существенно не влияла на позиции школьников.

Но заметим также, что уровень жизни в таких республиках, как Марий Эл и Мордовия, очень низок и по уровню бедности (доля людей, имеющих доход ниже прожиточного минимума) они являются одними из самых проблемных в стране. Низкий уровень жизни и в таких, казалось бы, благополучных республиках, как Карелия, Удмуртия и Коми. Здесь в целом уровень жизни (по совокупности показателей) оказывается ниже средних по стране показателей. Это, с одной стороны, провоцирует мощный миграционный отток населения за пределы этих республик (особенно значительный в Коми и Карелии), а с другой – ориентированная на смену места жительства молодежь не проявляет интереса к своим корням и активно меняет свою этническую идентичность. Смену идентичности можно осуждать, как это делают многие этнические активисты, этнические романтики и представители национальной интеллигенции, *но право на культурную свободу есть одно из основополагающих прав личности.*

Таким образом, разницу в этнокультурной ситуации, которая заметна при сопоставлении культурной динамики в республиках и округах с уральским населением, можно объяснить не только и не столько процессами ассимиляции, сколько фактором престижа, ибо в бедных регионах (где нередко во главе находились долгие годы представители титульных этнических групп) положение групп уральского населения осложняют не столько процессы культурной эрозии этнических культур, сколько уровень жизни населения региона. В бедном регионе жить непрестижно и принадлежать к культурной группе, которая не выглядит успешной и процветающей, непривлекательно, особенно для современной молодежи, живущей в глобальном информационном пространстве.

Например, в процветающую Каталонию, где производится пятая часть национального богатства Испании, люди едут из многих провинций страны, но особенно активно из таких депрессивных, как Галисия или Мурсия. Здесь они начинают считать себя каталонцами, а их дети охотно изучают каталанский язык. А переезжающие в Москву амбициозные российские провинциалы разной этнической принадлежности, укоренившись в столице, в шутку начинают себя называть «москвичами по национальности».

Контрольные вопросы и задания

1. Общая характеристика этнодемографических процессов уральских народов РФ.
2. Рекомендации западных экспертов по решению проблем этнокультурного развития уральцев.
3. Причины того, что демографические изменения, и особенно сокращение численности этнических групп, воспринимаются как культурная катастрофа.
4. Как менялся этнический состав населения «финно-угорских регионов»?
5. Оцените различия в этнодемографической динамике, наблюдающейся в республиках и округах с уральским населением.

Литература

- Богоявленский Д.Д. Перепись 2010: Этнический срез [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/srez/val/perepis_2010_etnicheskij_srez_2013-04-28.htm (дата обращения 14.07.2019).
- Гиртс К. Интегративная революция: Примордиальные сентименты и гражданская политика в новых государствах. СПб., 1998.
- Доклад о человеческом развитии 2004. Культурная свобода в современном мире. М., 2004.
- Лаллукка С. Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов. Издание переработанное и дополненное. СПб.: Европейский Дом, 1997.
- Резолюция 1171 (1998) Культура уральских национальных меньшинств под угрозой [Электронный ресурс]. URL: http://www.suri.ee/doc/ru/reso_1171.html (дата обращения 14.07.2019).
- Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие. М.: Наука, 2011.
- Тишков В. Российская нация и российские национальности // Этнические категории и статистика: Дебаты в России и во Франции. М.: ИЭА РАН, 2008.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу // Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 196. М.: ИЭА РАН, 2007.
- Шабаетов Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.

- Шабает Ю.П., Садохин А.П.* Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Шабает Ю.П., Логинова Н.Н.* Уральские народы России и зарубежной Европы. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2017.
- Уральская языковая семья: народы, страны и регионы: Этнополитический справочник. 2-е изд., испр. и доп., ил. / Под ред. Ю.П. Шабаета, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Финно-угорский мир: Стат. сб. Сыктывкар: Комистат, 2004.
- Финно-угорские и самодийские народы России: Стат. сб. Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2006.
- Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples / Report Committee on Culture, Science and Education. Rewporter: Mrs. Katrin SAKS, Estonia, Socialist Group [Электронный ресурс]. URL: <http://www.assembly.coe.int/Main.asp?link:/Documents/WorkingDocs/Doc06/EDOC11087.htm> (дата обращения 15.08.2019).

Глава 4

Этнополитика в регионах проживания уральцев

На рубеже 1980–1990-х гг. в СССР крайне актуализировалась этническая проблематика, стали формироваться этнонациональные движения и их идеология, а руководство автономных республик и округов, используя этнический фактор как инструмент давления на федеральный центр, стало добиваться расширения своих политических полномочий и хозяйственной и финансовой самостоятельности регионов. В 1990 г. почти все автономные республики и многие автономные округа РСФСР приняли Декларации о суверенитете (в ЯНАО она принята в 1991 г.), в результате чего их статус изменился, и вместо автономных они стали республиками в составе Российской Федерации. Тогда же руководство Коми-Пермяцкого округа, бюджет которого на 90% формировался за счет финансовых дотаций из федерального бюджета, на сессии окружного совета приняло решение о преобразовании округа в автономную область и выходе из административного подчинения Пермской области. Но поскольку финансирование округа осуществлялось через область, постольку областные власти на время перекрыли финансовые потоки и сразу стало очевидно, что суверенность Коми-Пермяцкого округа является политическим мифом, он во всем зависит от помощи со стороны более развитой области (и неслучайно более образованные и энергичные пермяки уезжают в Пермь, а также в богатые нефтедобывающие регионы Западной Сибири), но особенно от федеральных властей. Через несколько месяцев решение об изменении статуса округа было отменено, а в 2003 г. его население на референдуме проголосовало за вхождение в состав Пермской области и был создан Пермский край, в администрации которого сформировано специальное министерство по делам Коми округа.

Более ожесточенной и долгой была борьба Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов за статус республик. Она также началась в 1990 г., но продолжалась несколько лет, ибо эти округа являлись главной базой добычи энергетического сырья в стране (нефти и газа), а поставки энергетического сырья на внешние рынки были основной частью экспортных поставок,

и именно за счет нефтегазовых доходов в 1990-е гг. и позже удавалось сбалансировать российский бюджет и обеспечивать государственные расходы. Роль двух сибирских округов для экономики и финансов страны огромна. Например, сегодня ЯНАО является экономически самодостаточным регионом-донором, основным нефтегазоносным районом России и одним из крупнейших нефтедобывающих регионов мира. Он занимает третье место в «рейтинге социально-экономического положения регионов России», а также второе место по масштабу экономики в России. Но экономический вес сибирских округов, по мнению их руководства, не соответствовал политическому статусу. В Декларации о суверенитете ЯНАО прямо заявлялось, что округ повышает свой статус до уровня республики (впоследствии все декларации о суверенитете были отменены). Конституция РФ, принятая в 1993 г., предоставляла округам статус самостоятельных субъектов федерации и, казалось бы, снимала с повестки дня вопрос о статусе субъектов, однако взаимодействие округов с областным руководством нередко приобретало проблемный характер. Власти Тюменской области, в состав которой входили ЯНАО и ХМАО, предпринимали попытки добиться полной интеграции округов в состав области и лишить их статуса самостоятельных субъектов. Однако против этого решительно выступало большинство населения названных округов (такая же ситуация имела место и в НАО). Тем не менее оппозиция со стороны населения не принималась, во внимание, и вместо прямой интеграции начались попытки финансового подчинения путем передачи ряда функций (а заодно и налоговых платежей) в ведение областных властей. В 2004 г. тюменские власти попытались в очередной раз финансово подчинить себе округа, полагая, что федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов госвласти субъектов РФ» предоставляет им возможность получить в свое ведение исполнение и финансирование 24-х из 41-й государственных функций, которые до этого момента выполняли автономии. Ситуация вновь накалилась, и в округах стали раздаваться призывы к выходу из состава области, чье благополучие зависело от доходов, получаемых округами. Конфликт с трудом, но удалось урегулировать.

Что касается деклараций о суверенитете, принятых в республиках, то они не только меняли политический статус этих национально-государственных образований, но и превращали страну в непрочную федерацию земель, поскольку в них заяв-

лялось о том, что законодательство республик имеет приоритет над федеральными законами, что республики имеют свое гражданство, что земля и недра республик являются общим достоянием народов, проживающих на их территории. Отчасти эти идеи нашли отражение в федеративном договоре, принятом уже после распада СССР в 1992 г. Но этот договор не вошел в текст основного закона (Конституции) РФ, что вызвало серьезный конфликт между федеральной властью и региональными политическими элитами. Под давлением этих элит, которые использовали этничность как инструмент давления на федеральные власти, руководство страны вынуждено было пойти на заключение договоров о разграничении полномочий и предметов ведения между федеральными властями и властями субъектов федерации. В основном эти договора заключались с национальными республиками. Тем самым РФ превращалась в договорную федерацию со слабой федеральной властью и постоянной угрозой возникновения сепаратистских движений в регионах. Ярким примером подобного сепаратизма стала ситуация в Чеченской республике, прямо заявившей о своей независимости, что привело к развязыванию двух чеченских войн, закончившихся поражением сепаратистов.

Только в начале 2000-х гг. федеральным властям удалось укрепить политические позиции федерального центра, чему способствовал разгром чеченских сепаратистов, создание федеральных округов, отмена деклараций о суверенитете и отказ от пролонгирования договоров о разграничении полномочий между федеральным центром и регионами.

В результате РФ из рыхлой договорной федерации превратилась в конституционную федерацию с сильной федеральной властью.

Однако принципы конституционного федерализма региональными властями соблюдались формально, и несмотря на то что они вынуждены были внести серьезные изменения в конституционные акты и региональные законы, дабы привести их в соответствие с федеральными, полной гармонизации правового поля и политических практик не произошло.

Сегодня именно в сфере государственной национальной политики очевидны серьезные расхождения между доктринальным полем федеральной политики и практикой реализации этнополитики в национальных республиках, в том числе и республиках, где проживают финно-угорские народы.

Политизация этничности

Длительное пребывание финно-угров в составе российского государства, тесное культурное взаимодействие с русскими и соседними народами и сами этнодемографические показатели, характеризующие население республик с финно-угорским населением, казалось бы, не оставляли возможностей для политизации этничности и превращения идей этнического национализма в политические практики, конструирования региональных моделей этнополитики, не принимающих во внимание идею гражданской интеграции.

Но именно это и происходило с начала 1990-х гг., что стало следствием стечения многих обстоятельств, а также объяснялось теми радикальными переменами, которые происходили в стране в целом.

Существенную роль в том, что республики с финно-угорским населением и богатые западносибирские округа встали на путь политизации этничности, а их элиты стали маркировать эти регионы как «финно-угорские», явилась попытка региональных элит повысить статус республик/округов и усилить свое влияние как на местном, так и на общегосударственном уровне, получить свободу рук при переходе к рыночной экономике и приватизации прибыльной государственной собственности, разделе ресурсов.

Для успешного торга с федеральным центром необходимо было, чтобы политизированная этничность активно заявляла о себе, а потому многие лидеры республик, исходя из прагматических соображений, оказывали поддержку этнонациональным движениям и организациям, политический ресурс которых был крайне ограниченным.

Так, первые и последующие съезды карел, коми, марийцев, удмуртов, мордвы были организованы и прошли при мощной организационной и финансовой поддержке республиканских властей. В 1992 г. в Коми были приняты законы о языках и о статусе съезда коми народа. Первый объявлял коми и русский языки государственными языками республики. Второй маркировал коми как «коренной этнос», а территорию республики объявлял «его исторической родиной». Но общей прародиной финно-угров считается Прикамье, а средневековая Пермь Великая располагалась в Камском бассейне, вычегодские же земли были периферией культурного пространства летописной *перми* (Пермь малая), да и сам ареал расселения коми-зырян в названную эпоху был значи-

тельно иным и охватывал территории не только к югу, но и к западу от нынешней территории РК. При этом Нижняя Печора и весь современный север республики никак не может считаться «исторической родиной» коми – это этническая территория старожильческих групп русских, как и Верховья Печоры, а также ненцев. На основании рожденного в недрах коми движения мифа об исторической родине был принят закон о статусе съезда коми народа, который не только легитимизировал концепцию исторической родины, но и фактически придавал особый статус этнической группе.

Но тем не менее после принятия Закона о статусе съезда коми народа оказался единственной из этнических организаций республики, которая получила право законодательной инициативы и финансирование которой (самих съездов и их исполнительской организации – Комитета возрождения коми народа) осуществлялось отдельной строкой в республиканском бюджете. Лидер коми движения В. Марков при активной поддержке властей Коми избирался депутатом республиканского парламента, депутатом Госдумы и наконец сенатором, а одно время для него был даже учрежден пост министра без портфеля.

Политическое руководство Коми, в котором преобладали представители нетитульного населения республики, сознательно вело политику активной поддержки коми движения и предоставляло его лидерам очевидные преференции. Как сказано выше, манифестация этничностью, демонстративное использование идей и лозунгов этнонациональных движений в торге с федеральной властью были важными и полезными инструментами в руках региональных лидеров, даже если они не были представителями титульных этнических групп.

Официальная поддержка этнонациональных движений привела к тому, что политические амбиции этнических антрепренеров росли как на дрожжах и этнические активисты стали считать себя реальными политическими акторами, имеющими серьезный вес и влияние на местные сообщества. Поэтому они разрабатывали и поддерживали не только утопические, но и расово окрашенные проекты политических преобразований, чему свидетельством стали решения первого съезда Ассоциации финно-угорских народов России (АФУН), прошедшего в мае 1992 г. в Ижевске. Делегаты съезда (в избрании которых рядовые члены этнических сообществ никакого участия не принимали) утвердили его статус, заявив, что он является высшим национально-

этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации, которые добровольно объединились в Ассоциацию и «ставят своей целью воссоздание финно-угорского мира». На съезде был принят ряд деклараций, в частности Декларация «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства», в которой в духе идей этнического национализма заявлялось, что РФ должна *быть не только федерацией территорий, но и народов*. Выдвигалось также требование реформировать законодательные и исполнительные органы власти республик с целью «прямого включения коренных народов в процесс выработки, принятия и реализации решений на высшем государственном уровне». Фактически же речь шла о том, чтобы этнические антрепренеры, выступавшие от имени своих этнических групп, имели прямой доступ к институтам власти, избегая использования демократических процедур их формирования. Собственно, вся практика этнонациональных движений финно-угров доказала, что активисты этнических движений стремились к собственному карьерному росту, инкорпорации во властные структуры за счет использования ресурса политизированной этничности, и их совсем не заботили реальные интересы и мнения рядовых представителей тех этнических сообществ, права которых они якобы защищали. Поэтому ни на один из многочисленных этнических съездов (съездов коми народа, съездов карел, мордвы, удмуртов, марийцев) прямых выборов делегатов организовано не было, а все попытки отдельных реформаторов хотя бы обсудить идею прямых выборов на этнические форумы были отвергнуты консерваторами, занявшими прочные позиции в руководстве этнонациональных движений финно-угров.

Для того чтобы закрепить свои политические позиции в республиках с финно-угорским населением, этнические антрепренеры на первом съезде АФУН в указанной выше Декларации выдвинули идею реформирования республиканских парламентов, заявив о необходимости создания двухпалатной структуры в каждой из «финно-угорских республик», с правом вето на любые решения каждой из палат. При этом одну из палат предлагалось полностью формировать «из депутатов коренного народа», т. е. по принципу крови. Эта идея была дружно поддержана активистами, и никто не возражал против нее. Более того, она активно дискутировалась во время второго и третьего съездов АФУН, а также на целом ряде съездов коми народа и других съездов. При этом никого не смутила расистская суть подобной идеи, ее антидемо-

кратический характер. Парламент ЮАР в эпохи апартеида был единственным образчиком формирования институтов представительной власти, *где этнический и расовый принцип формирования депутатского корпуса доминировал, но эта практика была единодушно отвергнута и осуждена мировым сообществом.*

Принцип крови стал одной из базовых идей, на которых строились предложения активистов этнических организаций, касающиеся принципов политической модернизации в республиках. При этом в вышеназванной Декларации сознательно упускались предложения о механизмах формирования подобных «этнизированных» парламентов. Однако в кулуарных беседах апологеты этой идеи заявляли, что во время электоральных кампаний каждый коми в Республике Коми, каждый мариец в Марий Эл, каждый мордвин в Мордовии получит как бы два голоса, т. е. он будет голосовать за депутатов «палаты республики» на общих основаниях и отдельно будет голосовать за кандидатов в депутаты этнической палаты. Таким образом, демократический принцип прямого и равного избирательного права должен быть полностью разрушен, а политические права нетитульного большинства «финно-угорских республик» ущемлены. *По сути дела, этнические антрепренеры выступили за прямую дискриминацию доминантных культурных групп в своих республиках, ущемление их политических прав.* Идея дискриминации стала важной составляющей в идеологии российских финно-угров, хотя прямо о дискриминации никто из этнических активистов этих движений не говорил, но об этом заговорили активисты русских этнических организаций. И порой сопротивление этнизации республик принимало также форму демонстративной манифестации российскостью.

Так, в Усть-Цилемском районе Коми, где подавляющее большинство населения составляло русское старожильческое население, над местной администрацией был демонстративно вывешен не бело-зелено-синий республиканский триколор (все республики в начале 1990-х гг. приняли свои гербы, флаги и гимны как символы суверенности), но только флаг России, а в местные активисты придумали гимн усть-цилемов, исполнявшийся на официальных мероприятиях и семейных застольях, в котором были следующие слова:

Мы – россияне,
Мы – усть-цилема!
Мы на своей земле,
Мы – дома.

Воркутинские шахтерские профсоюзы, которые были влиятельными политическими акторами не только в республике, но и в стране в целом, в ответ на требования коми движения предоставить приоритетные экономические и политические права представителям «коренного народа» пригрозили выходом Воркуты из состава республики.

Идея особой политической значимости «коренного народа» активно пропагандировалась и в других республиках. Так, как отмечает С.В. Кардинская, осуществившая контент-анализ публикаций в газете «Герд», издаваемой ассоциацией «Удмурт Кенеш», главной задачей помещаемых здесь статей является попытка стимулировать этнополитическую мобилизацию удмуртов. А этническая идентичность титульного сообщества изображается в газете как скрытая под «чуждыми» культурными напластованиями, возникшими под влиянием русской язычной культуры, российской государственности и советской власти. Исследователь констатирует, что в газете «Герд» последовательно проводится идея: власть в руках представителей коренного народа является панацеей в деле спасения и сохранения его культуры и языка. Попытки политизации этничности связаны с тем, что активисты «Удмурт Кенеш» терпит неудачи на выборах в Госсовет Удмуртской Республики пытаются сделать себе политическую карьеру путем манифестации этничностью²¹.

Как уже сказано выше, в Коми идея особого положения «коренного народа» нашла отражение в принятом в 1992 г. 6 законе «О статусе съезда коми народа», который наделял этнические съезды статусом высшего представительного собрания коми, т. е. закон официально закрепил за собранием этнических активистов их притязания на то, чтобы выступать от имени этнического сообщества в целом. При этом в законе строго не оговаривалась процедура выборов делегатов подобных съездов, чем он принципиально отличался от своих западных аналогов. К примеру, в норвежском законе «О законодательном собрании саами» эта процедура описана строго и подробно. Законодатели Коми Республики издали правовой акт, который имел не правовой характер, а этнополитический, и потому в нем было всего несколько строк, что

²¹ Кардинская С.В. Этничность в идеологических конструкциях удмуртских СМИ // Социологические исследования. 2006. № 6.

весьма устраивало этнических антрепренеров, но никак не учитывало интересы всего этнического сообщества. Но пример Коми не является исключением, ибо в 1999 г. президентом Ингушетии был подписан закон «О съезде народа Ингушетии», где было сказано, что этот съезд является высшим представительным органом республики²².

Высшим представительным собранием марийского народа объявил себя съезд марийского народа, состоявшийся сентябре 1992 г., а также съезд мордовского народа. По сути дела, этнические съезды стали претендовать на то, чтобы стать альтернативными институтами власти, а некоторые этнические активисты прямо заявляли о том, что этнические движения должны быть «параллельной властью» в республиках.

Не везде этнонациональным движениям удавалось реализовывать свои идеи, но политизация этничности активно происходила в Коми, Карелии, Удмуртии, Мордовии, Марий Эл. Во всех республиках принимались различные законодательные акты и программы, нацеленные на поддержку этнокультурных автономий, сохранение миноритарных языков и культурных традиций титульных этнических групп.

Создавались и государственные институты, призванные регулировать отношения между государством и этническими сообществами, причем чаще всего это были Министерства (или Комитеты) национальной политики или министерства культуры и национальной политики, хотя, к примеру, марийское движение требовало, чтобы в республике было создано отдельное министерство марийского народа. В 1991 г. был введен пост Президента Марийской ССР и в результате политической мобилизации марийцев его удалось занять представителю титульной этнической группы В. Зотину, а в первом созыве Государственного Собрания республики (1993–1996) марийцы имели достаточно много мест, в том числе среди депутатов оказался один из лидеров национального движения «Марий ушем» (Марийский союз) Г. Максимов.

²² *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-кавказском регионе. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 124.

Этнополитические иерархии

На рубеже 1989–1990-х гг. началось конструирование собственно региональных моделей этнополитики, представлявших из себя смесь из положений, унаследованных из большевистской доктрины этнического национализма, идей, заимствованных из идейных установок этнонациональных движений финно-угров, некоторых заимствований из зарубежного опыта этнополитики, а также собственных трактовок правовых норм, чаще основанном не на принципах права как такового, а на политизированной этничности.

При этом правовая база региональной этнополитики была противоречива, крайне политизирована и непоследовательна, что привело впоследствии к отмене ряда региональных законов (под давлением федерального центра), которые были знаковыми для местных этнических элит. Региональные модели этнополитики далеко не во всем отвечали политическим интересам российского государства и российского общества в целом, а также мало соответствовали *общим интересам* республиканских сообществ.

Наиболее очевидно несоответствие федеральной и региональной этнополитики проявилось при маркировании культурной природы российского общества в целом и республиканских сообществ, – в частности. Причем важно подчеркнуть, что даже на уровне конституционных актов РФ и республик присутствовали существенные разночтения.

Так, в тексте федерального Основного Закона, пункт 1. ст. 3 гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»²³. Если говорить о субъектах РФ, то большинство из них являются полиэтничными и поликультурными, а в национальных республиках полиэтничность еще более очевидна и чаще всего является важнейшей характеристикой их культурного облика, хотя в нескольких республиках доля титульного населения составляет значительное большинство населения. Поэтому неслучайно, что формулировка, характеризующая этническую природу российского общества в целом, присутствует в Конституциях большинства национальных республик. Однако в Карелии, Коми, Удмуртии так или иначе акцентируется особая миссия титульной

²³ Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2016. С. 3.

этнической группы. В карельском Основном законе, принятом только в 2000 г., присутствует формулировка, не согласующаяся с культурными и историческими реалиями этого региона: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов» (*Конституция*)²⁴. Но встает вопрос, а почему ее национальные/этнокультурные особенности не определяются проживанием на ее территории финнов, вепсов, русских? Почему культурный ландшафт региона определяется по наличию на ее территории представителей только одной этнической группы? Этот очевидный нонсенс можно объяснить только откровенной этнополитической, правовой и культурной неосведомленностью тех, кому в республике было доверено дело законотворчества.

В Конституции Коми, принятой в 1994 г. в ст. 2 провозглашалось: «Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти Республики Коми является ее многонациональный народ». Но уже следующая – третья статья как бы опровергала гражданскую и поликультурную сущность местного территориального сообщества и явно вступала в противоречие с предыдущей констатируя, что «коми народ – источник государственности республики»²⁵. Указанное положение было дословно скопировано из резолюции первого съезда коми народа, прошедшего в 1991 г. Между тем очевидно, что *в Основном законе должны конституцироваться правовые начала, отличающиеся повышенной нормативностью, к которым в данном случае может относиться только такая правовая норма, как право народа (как гражданского, а не этнического сообщества) на самоопределение*. Следовательно, источником государственности Коми могло быть только это право.

В новой редакции основного закона после многочисленных исправлений и дополнений, принятых в 2000 г. и позднее, сказано: «Образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа»²⁶, хотя ряд территорий был заселен ненцами, русскими, обскими уграми раньше, чем там появились коми. И при этом из новой версии Основного

²⁴ Конституция Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/

²⁵ Конституция Республики Коми // Красное знамя. 1994. 10 марта.

²⁶ Конституция Республики Коми. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. С. 6.

закона исключено всякое упоминание о поликультурности/полиэтничности республиканского сообщества, т. е. никак не отражен реальный культурный облик территориального сообщества, жизнь которого призвана регулировать Конституция. В Конституции Удмуртии территориальное сообщество делится на удмуртскую нацию и народ Удмуртии, которые как бы противопоставляются друг другу и, судя по всему, «право на нацию» законодатели передали только удмуртам.

Логика конституцирования особой миссии титульной этнической группы требует, чтобы и российское общество было маркировано таким же образом, как и в национальных республиках, где законодатели сочли возможным внести в Основной закон подобные формулировки, а именно: формирование Российского государства связано с многовековым проживанием на его территории русского народа, как народа государствообразующего. Но этого не сделано, и совершенно правильно, ибо этничность не может служить основой для государственности и международное право не признает за этническими группами право на политическое самоопределение.

Истоки понимания республиканских социумов не как политически организованных полиэтничных территориальных сообществ, а как территорий, отданных в бессрочную собственность отдельным – избранным этническим группам, надо искать в идеологии этнического национализма. Доктрина этнического национализма, как уже сказано, была принята и узаконена еще большевиками в начале 1920-х гг., когда они взяли курс на осуществление процесса национально-государственного размежевания. Суть всего процесса в идее РАЗМЕЖЕВАНИЯ народов и построения культурных иерархий.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что если в РФ провозглашена идея формирования российской гражданской нации и укрепления общероссийской идентичности и эта цель стала основным направлением этнополитики в России, что закреплено в федеральной «Стратегии государственной национальной политики», то в республиках с финно-угорским населением реализация этой цели сегодня как минимум затруднена.

Затруднена, поскольку даже в основных законах не фиксируется гражданская сущность республиканских сообществ, а подчеркивается их разделенный характер. Сама же идея гражданской консолидации и формирования территориальных гражданских сообществ с прочной гражданской идентичностью ни

в одной из названных республик не стоит в политической повестке дня.

Правда, тут необходимо оговориться, поскольку во всех республиках есть программы укрепления единства российской нации, полностью скопированные с федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», но практика их реализации сомнительна.

Идейное поле этнических антрепренеров в российских регионах

В первой половине 1990-х гг. окончательно оформились основные положения идеологии этнонациональных движений финно-угров РФ. *В их основе лежала идея разделенного общества и декларирование особого места и особых прав титульных этнических сообществ, противопоставление этничности гражданству и декларирование приоритета групповых прав над правами человека.* В программных документах этнонациональных организаций и движений финно-угров нет детально разработанных концепций политического и культурного реформирования региональных, проживающих в республиках/округах, получивших в последние два десятилетия наименование «финно-угорские регионы». Однако есть ряд принципиальных положений, которые признаются (или признавались) всеми или почти всеми этнонациональными организациями. В этой связи можно говорить о некой доктринальной основе, положенной в основу как политической практики, так и риторики этнических активистов, выступающих как защитники интересов российских финно-угров.

Базовыми идеями их идеологии являются три основополагающие позиции: 1) прямое или косвенное признание приоритетности групповых прав над правами личности, 2) противопоставление этничности гражданству, 3) идея этнополитической иерархии в национальных республиках.

Этнические сообщества рассматриваются этническими антрепренерами как однородные, целостные социальные образования, в которых общий интерес доминирует над индивидуальными интересами. Личные права определяются как вторичные и менее значимые. При этом личность, которая противопоставляет себя группе и пытается свободно выбирать культурные ценности, оценивается как девиантная (личность, склонная к отклоняющемуся

поведению). В идеологии названных этнонациональных движений концепт групповых прав наиболее последовательно реализуется в идее *этнического самоопределения*. Поскольку титульная этническая группа рассматривается как “источник и носитель национально-государственного суверенитета”, поскольку право на самоопределение рассматривается как юридическая норма, позволяющая одной этой группе самоопределяться независимо от культурной сложности состава населения республик и округов (причем в риторике этнических активистов присутствуют многочисленные апелляции к международному праву, которое, по их мнению, обеспечивает «особые» или «исключительные» права для меньшинств).

Примордиалистское (натурфилософское) понимание этнических сообществ как единых коллективных тел, у которых есть единое самосознание (национальное) и единый характер (национальный характер) логически связано со второй базовой идеей – идеей приоритетности групповых/этнических интересов над общими интересами региональных/республиканских сообществ и рассмотрение этих сообществ не как целостных политических образований, а как сегментированных по этническому принципу территориальных объединений.

Принцип этнической сегментации положен в основу третьего ключевого принципа в идеологии этнонациональных движений российских финно-угров (и не только их) – идея коренного народа, под которым понимаются титульные этнические группы населения республик и округов. При этом коренной народ мыслится как «главный народ» национально-государственного образования, который находится на вершине символической пирамиды, в форме которой представляются республиканские (окружные) сообщества, а представители всех остальных этнических групп маркируются как «некоренное население», находящееся в фундаменте культурной пирамиды. Подобное маркирование республиканских (окружных) сообществ явилось основанием для того, чтобы требовать для коренного народа политических, экономических и культурных преференций. Таким образом, культурные различия становятся основанием для политической сепарации, формировании разделенных по культурному признаку сообществ. Однако важно иметь в виду, что абсолютизация культурных различий недопустима в сложных сообществах. Неслучайно еще в 1978 г. Генеральная Конференция ЮНЕСКО приняла «Декларацию о расе и расовых предрассудках», в которой подчеркивалось, что различия в достижениях разных народов объясняется только

географическими, историческими, политическими, экономическими, социальными и культурными факторами. Различия ни в коем случае не могут служить предлогом для установления какой бы то ни было иерархической классификации наций и народов. Следовательно, упорные попытки региональных политических лидеров говорить о «коренных народах», делить республиканские и окружные сообщества на «коренных» и «некоренных» граждан есть способ расиализации региональной политики.

Под коренными жителями обычно понимают представителей тех групп, которые давно укоренились на данной территории. Есть даже некая временная граница для отнесения культурной группы к коренным жителям – они должны проживать там не менее 150 лет. Но не все с этим согласны, и есть очень давняя теория «крови и почвы», которую разрабатывали немецкие философы и которая получила широкое признание в нацистской Германии, став частью идеологии нацизма. В представлениях сторонников этой теории природный ландшафт (территория) и народ оказывают взаимное влияние друг на друга: там, где проживает коренной народ, нет никакого другого. Мистическая связь народа и земли характерна для натурфилософского понимания природы этнических культур. Но именно такое понимание и порождает конфликты. Длившийся несколько десятилетий межэтнический конфликт в Северной Ирландии возник на почве разного понимания того, какое культурное сообщество имеет здесь «приоритетные права». Многие ирландцы и особенно радикалы из ИРА (Ирландской республиканской армии) считали, что только ирландцы могут претендовать на землю Северной Ирландии, ибо связаны с ней «кровью», т. е. являются «коренным народом», и требовали присоединения к Ирландской Республике. Но проживающие здесь англичане, которые составляют большинство населения провинции, полагают, что, прожив на этой территории 500 лет, они имеют право называть ее своей родиной, а потому они отвергают идеи ирландских радикалов.

То же самое можно сказать об острых дебатах в Новой Зеландии, где маори претендуют на роль символического собственника территории. Здесь создано специальное министерство по делам маори, а для удовлетворения их земельных требований разработана и внедрена даже отдельная правовая система и специальный суд Трибунал Вайтанги, половину членов которого обязательно должны составлять представители народа маори. Но потомки английских колонистов считают, что их предки сделали много для того, чтобы Новая Зеландия стала успешной и процветающей страной, и они

вправе считать себя ее полноправными гражданами. А по поводу деятельности трибунала Вайтанги замечают, что она способствует разделению новозеландского общества, где формируются две раздельные правовые системы, два гражданства и игнорируется необходимость укреплять единство страны и ее народа. Поэтому многие новозеландские юристы выступают с призывом: «Одно право для всех!» На Шри Ланке 26 лет шла гражданская война, причиной которой стало то, что сингальское большинство населения и политическая элита не хотели, чтобы тамилы, являвшиеся выходцами из Индии, получили равные права с сингалами.

С начала 2000-х гг. риторика этнических активистов стала меняться, произошла деконцептуализация их идеологии и деполитизация самих этнических движений. Они перестали акцентировать внимание общественности на особых политических правах и особом месте в республиканских сообществах «коренных народов», а сами общественные организации были переквалифицированы из общественно-политических в общественные. Однако деконцептуализация и деполитизация были формальными, поскольку ключевая идея – *идея коренного народа не исчезла ни из публичных заявлений, ни из речей региональных политиков, ни из документов, определяющих политические практики в сфере государственной национальной политики*. Иногда эта идея, которая есть прямой призыв к формированию разделенного общества, звучит прямо, иногда (особенно в официальных документах) – опосредованно. Поэтому идея гражданина, гражданских прав и гражданской солидарности до сих пор не стала краеугольным камнем регионального этнополитического (и просто политического) дискурса. Региональные политические элиты просто не понимают их значения, как не понимают содержания понятия «коренной народ».

Коренной народ как коллективный политический актор

Обычно в программных выступлениях и заявлениях лидеров этнонациональных движений и региональных политиков используются термины «коренной этнос», «коренная нация» (под «нацией» они также понимают этническую группу).

Претендующие на экспертов в области государственной национальной политики лидеры и активисты этнических организаций и движений нередко ставят знак равенства между используе-

мым в международной практике термином «коренное население», «коренные народы» (indigenous peoples) и титульными народами российских республик. Заметим, что представители этнонациональных движений уже давно участвуют в деятельности Рабочей группы по вопросам коренного населения Организации Объединенных Наций, где должна быть использована юридически корректная терминология, связанная с этнополитикой и правом. Но в среде этнических активистов финно-угров прочно укоренилось вышеназванное понимание термина «коренной народ», которое прозвучало еще на первом всероссийском съезде финно-угорских народов в Ижевске в 1992 г., где была представлена «Декларация прав коренных народов России», к которым участники съезда без колебаний причислили и все уральские народы.

В 2007 г. ООН приняла «Декларацию о правах коренных народов», но в ней не было универсального определения категории «коренной народ», а говорилось лишь о гарантиях прав представителей тех сообществ, которые относятся к данным народам. Это связано с серьезными сложностями в понимании указанной категории и с тем, что в национальных законодательствах разных стран она может трактоваться по-разному. Поэтому до сих пор не существует общепринятого определения «коренные народы», и скорее всего унифицировать его понимание будет и далее очень сложно, ибо нередко нельзя достаточно однозначно определить, какие этнические группы можно считаться «коренными». Одни эксперты под коренными понимают те группы, которые существуют на данной территории не менее 150 лет, другие – те группы, которые сформировались как специфические культурные сообщества именно в регионе их современного проживания, третьи – население, существовавшее в регионе до прихода сюда других групп (а это население тоже может быть пришлым).

Используя определения, предлагаемые международными экспертами, можно сказать, что под термином «коренное население» в первую очередь «понимаются народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и подвергающиеся дискриминации и даже геноциду»²⁷. Исходя из этого

²⁷ Коренное население. Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990. С. 8.

определения, финно-угорские народы (за исключением, возможно, обских угров) вряд ли можно считать «коренным населением» хотя бы потому, что по уровню своего развития они не отличаются от остального населения, не имеют особых общественных институтов и не подвергаются прямой дискриминации или геноциду (правда, проблемы в их культурном развитии очевидны).

В РФ еще в 1999 г. был принят закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», в котором дано определение понятия «коренные малочисленные народы». Под ними понимаются этнические сообщества, численность которых не превышает 50 тысяч человек, а их представители проживают на «территориях традиционного расселения своих предков» и сохраняют традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы. Это определение весьма условно, поскольку народов, которые бы полностью сохранили традиционные промыслы, хозяйство и образ жизни, в России уже не существует. Тем не менее в 2000 г. Правительство РФ приняло постановление «О едином перечне коренных малочисленных народов», в состав которого на сегодняшний день включено 48 этнических групп.

Казалось бы, приведенные документы и трактовки термина вносят некую правовую определенность в его понимание. *Но политическая и юридическая практика в российских республиках следует не логике права и не логике построения интегрированных гражданских сообществ, а логике политизации этничности* и большевистским традициям.

Серьезные эксперты давно говорят о том, что содержание отечественного понятия «коренные народы» давно надо переосмыслить и прекратить практику маркирования этим термином избранных этнических групп, поскольку оно бессодержательно и политически некорректно. Тем не менее использование данного термина в политической и юридической практике продолжается.

Свидетельством тому является не только Конституция Карелии, где подчеркивается особая миссия титульной этнической группы, но и постановление Правительства Республики Карелия от 24.01.2018 г., которым утверждена государственная программа Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов», которая признает за карелами, вепсами и старожильческими группами русского населения (заонежцами, пудожанами, поморами) право именоваться «коренными народами». В указанном документе сказано: «Республика гарантирует дополнительные

права этим народам не потому, что они являются привилегированными этносами, а прежде всего в силу сложившихся неблагоприятных для них социально-экономических и демографических обстоятельств»²⁸. Однако стоит заметить, что приведенный в Программе аргумент неоднократно использовался в обращениях руководства Архангельской области к Правительству РФ с просьбой включить поморов в Единый перечень коренных малочисленных народов, но все эти просьбы были отвергнуты как необоснованные. Стоит также указать, что анализ постановления не дает понимания того, какие «дополнительные права» (помимо «прав» на получение квот на вылов рыбы) подразумевают создатели документа, а равно и то, что они подразумевают под «коренными народами» и как региональная правовая система согласуется с федеральной.

Региональные практики этнополитики

Что касается основных доктринальных документов, определяющих принципы региональной государственной политики (Концепций национальной политики), то в их последних версиях имеет место либо прямое копирование федеральных документов («Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации»), либо формальное принятие документов, *которые призваны продемонстрировать лояльность региональных властей федеральному центру*. В частности, поскольку существует федеральная программа «Укрепление единства российской нации», для реализации которой регионы получают федеральные деньги, постольку в республиках приняты республиканские программы реализации указанной программы, хотя мероприятия, которые проводятся в ее рамках, чаще всего носят формальный характер, они слабо воздействуют на общественные настроения и нередко их идейная направленность остается для простых граждан непонятной.

²⁸ Постановление Правительства Республики Карелия от 24.01.2018 г. об утверждении государственной программы Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201801260004>

Но наличие *формальных документов*, декларирующих стремление властей укреплять общероссийскую идентичность, пропагандировать идею российской нации, вступает в прямое противоречие с этноцентристскими идеями, которые присутствуют в других региональных официальных документах, имеющих важное практическое значение.

В этом смысле наиболее показательны республиканские концепции этнокультурного образования, ибо школа является важнейшим институтом, который призван укреплять общенациональное сознание, прививать ученикам и их родителям понимание поликультурной природы российской нации, непреходящее значение российского единства, сформированного в процессе длительного исторического развития государства.

К примеру, Концепции этнокультурного образования Республики Коми, утверждена приказом Министерства образования Республики Коми от 23.11.2015 г. № 255, т. е. три года спустя после принятия «Стратегии государственной национальной политики», где ясно указано на необходимость гражданской консолидации. Но содержание данной концепции явно диссонирует с положениям, записанным в указанных федеральных документах и проповедует этноцентричную модель этнокультурного образования, ибо там сказано: *«Основой этнокультурного образования является освоение этнической культуры коми народа (курсив мой. – Ю. Ш.) в диалоге с культурами русского и иных этносов, проживающих в Республике Коми...»* Однако представляется, что основой этнокультурного образования является формирование у учащихся адекватных представлений о поликультурной природе Российского государства (многонациональном российском народе – российской нации), прочных и устойчивых знаний об исторической обусловленности и естественном характере культурной и этнической мозаичности республиканских и местных сообществ, воспитании культуры толерантности у учащихся. А главной целью системы этнокультурного образования (вместе с другими образовательными практиками) является формирование в сознании молодых людей убеждения о необходимости и значимости гражданского единства россиян.

В Удмуртии нет концептуального документа, касающегося этнокультурного образования, хотя он разрабатывается, а сама практика таких образовательных программ и соответствующих методических разработок прочно укоренилась. Однако даже специалисты, осуществлявшие мониторинг республиканской системы эт-

нокультурного образования, в своем анализе *рассматривают цель подобной системы весьма узко*, заявляя следующее: «Этнокультурное образование рассматривается как целенаправленный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре (или культурам) на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации»²⁹.

Примерно также понимается сущность этнокультурного образования и в Карелии, ибо в республиканской концепции этнокультурного образования сказано: «В рамках настоящей Концепции *этнокультурное образование* понимается как целенаправленный педагогический процесс приобщения обучающихся к этническим культурам карелов, вепсов и финнов через изучение карельского, вепсского и финского языков в учреждениях общего (в том числе дошкольного), дополнительного и профессионального образования на основе взаимодействия с семьей, учреждениями науки, культуры, средствами массовой информации, общественными организациями и органами власти». Этническая культура русского старожильческого населения и других этнических групп выпадает из системы этнокультурного образования Карелии, а ее содержание, как в Коми и Удмуртии, не ориентировано на то, чтобы прививать учащимся адекватные представления о поликультурной природе российского общества и сообщества исторически сформировавшегося на территории Карелии.

Таким образом, очевидно, что в республиках с финно-угорским населением широко распространено понимание этнокультурного образования как узкоэтнического по своей сути образовательного процесса, не связанного с воспитанием *гражданина России* и не имеющего целью пропаганду многокультурности российского общества и республиканских сообществ. *Следствием этого является то, что преподаватели вузов вынуждены констатировать крайне низкий уровень знаний о реальной истории своих республик, их культурном многообразии, а также о культурном многообразии России у абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения. Еще ниже он у школьников и тем более простых*

²⁹ *Ившина В.М.* О реализации этнокультурного компонента образования в системе среднего профессионального образования Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-realizatsii-etnokulturnogo-komponenta-obrazovaniya-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-udmurtsoy-respubliki>

обывателей. Система образования не прививает ни школьникам, ни студентам системных знаний об этнической картине страны, о сущности таких понятий, как «гражданская нация», «гражданское единство», «гражданская солидарность».

Как сказано выше, демонстрация культурной отличительности групп населения того или иного региона и стала наиболее распространенной формой презентации региональной этнополитики, конкретными формами проявления которой служит организация различных этнических фестивалей, конкурсов, этнических съездов, специальных экспозиций в местных музеях, создание этнопарков и этнических деревень.

В этой связи было замечено, что «характерной чертой политического дискурса внутри страны является усиливающаяся этнизация на всех уровнях. Общественное восприятие все больше определяется этническими соображениями. Все получает определение в этнических терминах не только среди населения страны, но и среди правительственных структур всех уровней... Такое развитие ситуации таит в себе потенциальную опасность, так как в этом контексте люди рассматриваются не как равные между собой человеческие существа, а как отличные друг от друга существа этнические»³⁰.

Указанный довод можно проиллюстрировать целым рядом примеров из республиканских этнокультурных практик. 16 февраля 2007 г. в Петрозаводске прошел финал первого межрегионального конкурса красоты «Звезда Севера», на котором были представлены 14 представительниц из пяти регионов. Участвовать в конкурсе могли только девушки, представляющие финно-угорские народы РФ. Примечательно, что конкурс красоты и его результаты послужили еще одним поводом для маркирования культурного пространства, но важно заметить, что «Звезда Севера» не является изолированным явлением, а характеризует общее явление, которое можно условно назвать конструированием *образа другого*.

В современном мире, где много конфликтов и несправедливости, люди нередко пытаются обрести душевную гармонию, по-

³⁰ Осипов А., Сапожников Р. Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Программа сотрудничества ЕС и России (Тасис), 2004. С. 163.

знаявая мир прекрасного. Лозунг «красота спасет мир» популярен, а формы его реализации различны. Одной из таких форм стало преклонение перед женской красотой, которое нашло воплощение в конкурсах красоты «Мисс мира», «Мисс Вселенная» и т. д. В этих конкурсах принимают участие не только представительницы разных стран, но и разных народов, рас и конфессий, что подчеркивает идею единства мира и идею общего понимания канонов красоты.

Однако в республиках с финно-угорским населением решили этнизировать и конкурсы красоты, и теперь здесь проводятся конкурсы финно-угорских красавиц.

Эти конкурсы красоты становятся одним из инструментов конструирования новых этнических маркеров, новых культурных границ. Организуя подобные конкурсы, власти и этнические антрепренеры пытаются создать идеал женской красоты, который был бы отличен от космополитических стандартов и подчеркивал культурную дистанцию между финно-уграми и доминантными группами населения, хотя международные конкурсы красоты, в которых принимают участие представители разных государств, народов, рас, конфессий, наоборот, демонстрируют единство мира, общность понимания канонов красоты. Особенно активно говорили об особых канонах красоты финно-угорских женщин тогда, когда эти конкурсы только зарождались. Карельские активисты громкогласно заявляли: «Карельские девушки в купальниках по сцене не ходят!» Их соратники по борьбе из Коми говорили о том, что космополитичные каноны красоты (90–60–90) не для коми девушек – из красота состоит в том, чтобы красиво пройти по сцене с коромыслом!

Известно, что олимпийские игры зародились в Древней Греции и во время проведения этих игр все войны прекращались. Отсюда и родилась идея о том, что спорт сближает народы и способствует укреплению взаимопонимания между ними. Игры не проводились 2000 лет и были возрождены только в конце XIX столетия, а основоположник современного олимпийского движения Пьер де Кубертен возрождал игры под лозунгом «О спорт – ты мир!»

Идея этнизировать спорт и разделять спортсменов по этническому признаку родилась опять же в республиках с финно-угорским населением. Летом 2008 г. власти республики Коми выступили с инициативой проводить у себя в регионе зимние финно-угорские игры, куда бы отбор спортсменов осуществлялся по этническому признаку, а зимой 2009 г. вышло соответствующее

постановление Главы РК (по причине кризиса идею не удалось реализовать). Но самое удивительное, что эту идею поддерживали спортивные чиновники в Москве. Последние должны помнить основной принцип современного олимпизма (*особенно актуализировавшийся сегодня!*), сформулированный еще Пьером де Кубертенем и состоящий в том, что спорт должен объединять народы. *Когда же спортсменов разделяют по принципу крови, это не только противоречит принципам олимпизма, но и близко по смыслу к культурному расизму.* Помимо идеи зимних игр, которая не была реализована, в Карелии проводился финно-угорский турнир по боксу, в Марий Эл финно-угорский турнир по дзюдо, в декабре 2017 г. в Саранске прошел VI Финно-угорский межрегиональный детский (!) шахматный турнир. И хотя на практике на названные турниры отбор спортсменов чаще всего проводился не по этническому признаку, маркирование подобных турниров как этнических мероприятий само по себе противоречило идеалам спорта.

Помимо спорта и конкурсов красоты, в республиках с финно-угорским населением становится популярной этническая мода, хотя она как явление интернациональна (так же, как и спорт) и в ней могут использоваться лишь этнические мотивы, но не более. Не меньшее распространение получили этническое искусство и этническая религия. Этнизируется также журналистика и другие сферы общественной жизни.

Для идеологов этнонациональных организаций *быть просто человеком недостаточно*, ибо в их понимании каждая личность должна принадлежать своему племени/этнической группе. Она должна не просто принадлежать к культурному сообществу и публично подтверждать принадлежность, но и обязательно давать группе «клятву верности», которая заключается в том, что она обязана не просто сохранять идентичность, но также владеть языком, культурными традициями группы и не вправе от них отказываться. Отщепенцы, т. е. те, кто выступает за свободный выбор культурных ценностей, радикалами этнических организаций называются «предателями», и в регионах придумали даже специальные термины для маркирования подобных отщепенцев. Радикальные мечтатели говорят о том, что в паспорта граждан снова надо внести графу «национальность», запретить браки между представителями разных этнических групп, ограничить миграцию за пределы республик лиц, принадлежащих к «коренным народам», и т. д.

А сама практика реализации государственной национальной политики нередко превращается в *демонстрацию культурных*

границ между группами и культурных отличий при акцентировании роли титульных этнических групп. Такой подход часто ведет к абсолютизации культурной значимости традиций титульных этнических групп и к откровенному этноцентризму, способствует укреплению культурных стереотипов, разделяющих людей по этническому признаку.

Контрольные вопросы и задания

1. Принципы и практика этнополитики в национально-государственных образованиях уральцев.
2. Основное содержание идеологии этнонациональных движений.
3. Идея «коренного народа» и ее критика.

Литература

- Абрамов Н.* Карельские девушки в купальниках по сцене не ходят [Электронный ресурс]. URL: http://www.kominarod.ru/gazeta/paper/paper_975html/2006/04/12/ (дата обращения 25.11.2019).
- Богатова О.* «Конструирование этничности» и этническая пресса (на примере Республики Мордовия) // Веб-эксклюзив. «Татарская газета» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatar.yuldash.com/210.html> (дата обращения 25.11.2019).
- Гиртс К.* Интегративная революция: Примордиальные сантименты и гражданская политика в новых государствах. СПб., 1998.
- Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 25.11.2019).
- Декларация о расе и расовых предрассудках. Принята генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на ее двадцатой сессии 27 ноября 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/documents/decl_conv/declarations/racism.shtml (дата обращения 25.11.2019).
- Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия (стенограмма) [Электронный ресурс]. state.kremlin.ru/state_council/10312/11/02/2011/ (дата обращения 25.11.2019).

- Конституция Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/ (дата обращения 25.11.2019).
- Конституция Республики Коми. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014.
- Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2016.
- Конституция Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php (дата обращения 20.11.2019).
- Концепция развития этнокультурного образования в Республике Коми на 2016–2021 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://komishkola.ucoz.ru/news/koncepcija_razvitija_ehtnokulturnogo_obrazovanija_v_respublike_komi_na_2016_2021_gg/ (дата обращения 25.11.2019).
- Концепция развития этнокультурного образования в Республике Карелия на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/6724336/> (дата обращения 25.11.2019).
- Коренное население. Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990.
- Лебедева Н.М., Стефаненко Т.Г., Лунева О.В.* Межкультурный диалог в школе. Книга 1: Межкультурный диалог в школе. Книга 2: Программа тренинга. М., 2004.
- Лянге М.* «Этническая журналистика позитивна» // Финноугория. Этнический комфорт. 2010. № 1 (9).
- Руководство Организации Объединенных Наций для коренных народов. М.: Информационный центр ООН, 2001.
- Соколовский С.* Корни и крона (мистика и метафизика конструирования статуса «коренных малочисленных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3.
- Шабаетов Ю.П.* Государственная национальная политика Российской Федерации: правовой и доктринальный уровни и их согласованность с политическими практиками // Вестник российской нации. 2018. № 3.
- Шабаетов Ю.* Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации // Народы Севера России: обычаи, традиции, культура: справочник. М.: КНОРУС, 2017. С. 381–383.

Глава 5

Формирование культурных пространств и идея культурных миров. Финно-угорский мир

Культурные пространства и культурные миры

В современном мире важной составляющей в отношениях между государствами становится так называемая политика мягкой силы, т. е. политика укрепления позиций государства на международной арене не с помощью военной силы, политического или экономического давления или экспансии, а с помощью инструментов, которые прежде всего связаны со сферой культуры и образования. Указанное понятие ввел в научный оборот и политическую лексику во второй половине 1980-х гг. американский политолог Джозеф Най. «Мягкая сила» (soft power) – способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов»³¹.

Известно, к примеру, что в XIX и первой половине XX в. Великобритания являлась крупнейшей колониальной империей. Под ее властью находились Канада, Австралия и Новая Зеландия, Индия и Пакистан, Сингапур и Гонконг, огромные территории в Африке, Мальта и Кипр. Но после Второй мировой войны колониальная империя стала рушиться и бывшие колонии одна за другой обретали независимость. Однако британцы решили, что их интересы в бывших колониях можно сохранить другим путем. Они создали из бывших колоний Содружество наций, штаб-квартира которого находится в Великобритании. Содружество считается союзом равных государств, и сегодня в его состав входят 53 страны. Британский МИД неслучайно официально называется Министерством иностранных дел и по делам содружества. Объединяет

³¹ Ларионова М.В. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/48665243/> (дата обращения 3.12.2019).

страны-члены английский язык и так называемые «британские ценности». В Британии есть специальные институты и фонды для помощи бывшим колониям, в парламенте создан Комитет по «мягкой силе» и влиянию. Эти организации и фонды выделяют средства для пропаганды британской культуры, создания курсов и школ английского языка в разных странах Содружества, для осуществления культурных обменов, организации трансляций Всемирной службы Би-би-си (BBC World Service), выделяют стипендии для студентов из бывших колоний с тем, чтобы они могли поехать на учебу в британские университеты и т. д.

Примерно такие же цели преследует и Франкофония (La Francophonie) – международная организация сотрудничества франкоязычных стран мира. В ее состав входят в основном те страны, которые некогда были колониями Франции и где поэтому сильны позиции французского языка. В 1968 г. термин «франкофония», который появился еще ранее, вошел в словари, и ныне имеет два основных значения: первое означает людей, которые говорят по-французски и симпатизируют французской культуре, т. е. являются «франкофонами», а второе относится к сообществу, состоящему из народов, говорящих на французском языке. Сегодня термином «Франкофония» чаще обозначают международную межправительственную организацию, у которой есть свой флаг и в состав которой входят 58 стран (и еще 26 стран имеют статус наблюдателей). Первый саммит организации состоялся в 1986 году.

Для пропаганды немецкого языка и культуры создан Институт Гёте (Goethe-Institut), отделения которого работают в разных странах, включая Россию. Институт – это немецкая неправительственная организация, чьей главной целью является содействие распространению немецкого языка и культуры за пределами германоговорящих стран. Он был учрежден в 1951 г. как правопреемник основанной в 1925 г. Германской академии. Финансируется правительством Германии. Отделения Института есть в 98 странах мира.

Самой молодой организаций, формирующей культурное пространство и пропагандирующей культурные ценности, можно назвать Институт Конфуция (Confucius Institute, 孔子学院), который представляет собой сеть международных культурно-образовательных центров, создаваемых Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом совместно с зарубежными синологическими центрами. Первый институт Кон-

фуция был открыт только осенью 2004 г. в столице Республики Корея Сеуле, а сегодня по всему миру действует несколько сотен институтов и классов Конфуция, в том числе и во многих городах России.

Говоря о пропаганде культурных ценностей и формировании широких культурных пространств, нельзя не упомянуть и об идее славянского единства. Эта идея (идея славянской взаимности) была рождена чешскими просветителями в первой половине XIX в., когда началось чешское культурное пробуждение и чешские «будители» обратили свои взоры на восток. Именно они стали организаторами первого Всеславянского съезда, который состоялся в 1848 г. в Праге. Съезд в Праге носил не только культурный характер, но и политический. Впервые идея проведения съезда была высказана не чешскими интеллектуалами, а хорватским историком Иваном Кукулевицем на страницах загребской газеты «Национальные известия». Важно, что съезд был подготовлен самой политической атмосферой эпохи и неслучайно по времени совпал с европейской революцией 1848 г., которую в историографии называют «весной народов». Основной целью съезда было обсуждение и отстаивание прав южных и западных славян и обсуждение возможности преобразования Австро-Венгерской империи в федеративную монархию. Съезд принял Манифест к европейским народам, в котором провозглашался принцип равноправия всех этнических групп, проживавших в империи, осуждалась политика разделения Польши и угнетения славян в Венгрии, содержался призыв к Прусскому правительству прекратить политику ассимиляции лужицких сербов и других групп славянского населения. Все секции высказались за создание в будущем союза славянских народов, хотя пути формирования такого союза виделись делегатам по-разному. Символом единства славян должен был стать предложенный делегатами славянский флаг, который представлял собой триколор из горизонтальных полос: синей, белой и красной. Очевидным ориентиром здесь служил российский государственный штандарт. Сегодня многие флаги стран со славянским населением наследуют идею славянского флага. В том же 1848 г. идеолог словенского возрождения Матия Маяр выдвинул план создания чисто славянской державы (в ее состав должны были войти Словения, Хорватия, Славония, Далмация, Воеводина, Чехия, Галиция, Моравия, Словакия), и она получила поддержку со стороны многих славянских организаций.

На первом съезде было более 340 делегатов, но Россию представлял лишь известный российский анархист М. Бакунин.

В 1858 г. в России был создан первый Славянский (Московский) комитет и инициатива в славянском движении переходит к Москве. В мае-июне 1967 г. по случаю проведения Русской этнографической выставки в Москве был созван второй Славянский Съезд, на котором присутствовал 81 делегат от зарубежных славянских организаций. Идея общеславянского единства стала ключевой на съезде, и более того, известный деятель чешского национального движения П. Шафарик заявил о том, что «славянский язык и славянский народ в самом деле един».

Однако идея широкой культурной и политической интеграции славянских народов на практике ни в какой форме реализована не была, поскольку интересы разных народов, а позднее и созданных ими славянских государств были весьма различны, а их элиты ориентировались уже не на романтические проекты, а на собственные прагматические интересы.

Самый серьезный удар по идее славянского единства нанесли Балканские войны 1912–1913 гг., ибо в ходе этих войн сербы, болгары и черногорцы сначала воевали с Турцией, а затем друг против друга.

Между тем всеславянские конгрессы (съезды) с большими перерывами, но все же продолжали проводиться, и последний X съезд состоялся в декабре 2010 г. в Киеве. Сегодня панславянские идеи прочно ушли в прошлое, как забыты и идеи пангерманизма.

Но не все паннационалистические концепты ушли в прошлое. Сегодня активно развивается идея формирования культурных миров, которая опирается на языковое родство народов.

В числе таких идей особое место занимает пантюркизм. Паннационализм в основе своей исходит из концепта нации-этноса, но в данном случае речь идет о некой «сверхнации» или сверхсообществе. Пантюркизм представляет собой, пожалуй, наиболее чистый вариант светского национализма, основанного на принципе «крови и почвы», и лингвистического, следовательно, культурного единства тюркских народов. Тюркские народы говорят на тюркских языках, которые объединены в отдельную группу и относятся к алтайской языковой семье. Сегодня к тюркским народам относится 23 этнических группы общей численностью около 250 млн человек.

«Идея тюркского мира оформилась в конце XX – начале XXI в., ее основой стал пантюркизм, который сформировался

как культурное и политическое течение еще во второй половине XIX в. Движение началось среди тюрков в Крыму и на Волге, стремившихся объединиться с тюрками Османской империи и сформировать широкое поле культурной солидарности. Идеология пантюркизма тесно связана с понятием “Туран”, которое возникло как антипод “Ирана” – страны, где господствует персидская культура. Огромное пространство “Турана” к северу от Ирана и от Кавказа до Саян рассматривалось идеологами пантюркизма как прародина “туранских” народностей, к которым причислялись все этнические группы, первоначально приписывавшиеся к урало-алтайской языковой семье»³².

Распад СССР в 1991 г. создал условия для восстановления пантюркского движения, и Турция предприняла усилия, чтобы стать лидером этого движения и включить в сферу своего политического влияния новые независимые государства Центральной Азии, где доминировало тюркское население: Узбекистан, Азербайджан, Туркменистан, Кыргызстан и Казахстан, а также российские республики, где ислам имел прочные позиции, а доля тюркского населения была значительной. При поддержке Турции в странах Центральной Азии открывались исламские университеты и школы, проводились различные культурные мероприятия, призванные продемонстрировать тюркское единство. Интерес к укреплению связей с тюркскими народами проявляли и сами названные страны, а также этнические лидеры в российских республиках. Уже в 1991 г. в Казани была учреждена Ассамблея тюркских народов, в рамках которой намечалось укрепление культурного и политического сотрудничества между странами и регионами, населенными тюрками. Теперь Ассамблея ТН регулярно проводит встречи в столицах тюркских государств, и в ее состав входят представители большинства тюркских этнических групп. В настоящее время идеи пантюркизма наиболее влиятельны в Турции и Азербайджане, который считается ближайшим и наиболее последовательным союзником Турецкой Республики. Такая ситуация обусловлена и тем, что эти страны являются соседями, и историческими связями (до 1917 г. азербайджанцев в России называли турками).

Сторонники пантюркизма в странах Центральной Азии ревниво относятся к претензиям Турции на роль лидера тюркского

³² *Габдрафиков И., Шабает Ю.* Тюркский мир // Народы севера России: обычаи, традиции, культура: Справочник. М.: Кнорус, 2019. С. 290.

мира. Амбиции местной элиты существенно возросли в процессе формирования национальных государств и собственных националистических мифов. Теперь в этих странах, особенно в Казахстане и Кыргызстане, полагают, что настоящие/истинные тюрки – это титульные народы названных стран. Этнические лидеры тюркских народов Сибири (якуты и еще около десятка этнических групп, говорящих на тюркских языках) считают, что для них более интересно и полезно расширение сотрудничества в рамках Арктического региона. Политическое руководство российских республик пытается препятствовать тому, чтобы идеи пантюркизма порождали в республиках сепаратистские настроения. Поэтому сегодня активно пропагандируется идея о том, что общей прародиной тюрков является Алтай и именно отсюда надо строить конструкцию тюркского мира.

В странах Центральной Азии в свою очередь пытаются исторически обосновать свое первенство в строительстве тюркского мира, указывая на исторические факты и давая им собственную интерпретацию. Так, авторы пятитомного издания «История Казахской ССР» и авторы книги «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов, согласно тюркской легенде, записанной в VI в. китайскими историками, первое появление слова «тюрк» относят к 551–552 гг. н. э. Они полагают, что основную роль в формировании тюрков как единого культурного пространства, которое сохраняется про сей день, сыграли Великая Степь-Евразия «Туран» и кочевые степные империи. Тем не менее 22 августа 2012 г. четыре крупнейших тюркоязычных государства, объединившиеся в рамках Тюркского совета, приняли единый флаг, взяв символы всех четырех государств: солнце из флага Кыргызстана, звезду – Азербайджана, полумесяц – Турции, цвет – Казахстана. Он является вторым обязательным флагом после национальных. Все эти элементы, как правило, встречаются на флагах других тюркоязычных стран или регионов. С 2007 г. проводятся курултай (съезды) тюркских народов (Большие Курултай тюрков мира или Курултай гунно-тюркских народов). Несмотря на то что созданы некие институты, нацеленные на общетюркское сотрудничество, что площадки для сотрудничества продолжают множиться (с 2010 г. проводятся международные конгрессы тюркских народов, с 2012 г. – международные культурные тюркские конгрессы, а с 2012 г. по инициативе Венгрии – туранские конгрессы (нынешние лидеры Венгрии не поощряют идею финно-угорского родства и принадлежности венгров к финно-угорскому миру)), об-

щетюркское культурное пространство остается достаточно общей и довольно аморфной концепцией.

Примерно то же самое можно сказать и об идее Арабского мира, опирающейся на идеологию панарабизма. Как политически организованная сила это течение возникло только в середине XX в., когда многие арабские страны обрели независимость и его идеологи исходили из необходимости политического объединения арабских стран в единое политическое сообщество (в разных вариациях). Однако сама идея Арабского мира и арабского единства возникли раньше. «Арабский национализм («аль-кауумийя аль-арабийя»») как идейное течение возник в начале XX столетия. Становление и оформление его идеологии происходило под теснейшим воздействием идей арабского Просвещения, восходившего, в свою очередь, в идейных истоках к Просвещению европейскому. Арабское Просвещение, развивавшееся преимущественно в двух ареалах – египетском и великосирийском (понятие Великой Сирии включало в себя территории сегодняшних Сирии, Ливана, Иордании, Израиля и Палестины), которые занимали особое торгово-экономическое, историко-культурное и политическое положение в рамках Османской империи, питалось непосредственными интенсивными культурными контактами с основными европейскими державами. В рамках арабского Просвещения второй половины XIX в. крупнейшими мыслителями Б. Аль-Бустани, Ж. Зейданом и др. разрабатывались такие понятия, как народ («аш-шааб»), родина («аль-ватан») и арабизм («аль-уруба»). Все эти понятия оказались затем принципиально важными для складывания арабской национальной идеи и были восприняты национализмом, обретя в нем заметное место в качестве понятий «арабского народа», «арабской родины» с ее географическими чертами, «арабизма» как объединяющего духовного родства, духовной взаимосвязи всех арабов»³³.

Развитие арабского национализма привело к появлению в 1905 г. понятия «арабской нации» («аль-умма аль-арабийя»), под которой понималось все арабское сообщество Ближнего Востока и Северной Африки целиком, а также местные христиане, поскольку они имели прочные позиции в некоторых странах (например, в Египте христиане-копты вплоть до XVIII в. составляли

³³ *Труевцев К.М.* Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/48665243/> (дата обращения 23.11.2019).

большинство населения). Постепенно родилась и концептуальная схема панарабизма: «единая умма – единая родина – единое государство», ориентируясь на которую после обретения независимости предпринимались попытки объединения арабских государств в единое государственное образование. Так, в 1958 г. Египет, Сирия и Северный Йемен на какое-то время создали Объединенную Арабскую Республику, которая, однако, довольно быстро распалась. Государственные интересы отдельных стран оказались сильнее идеи арабского единства.

Но самым реальным политическим воплощением идеи Арабского мира и арабского единства стало создание Лиги арабских государств (جامعة الدول العربية). Джа: ми'ат ад-Дуваль аль-Арабийя), которая была создана в 1945 г. Сегодня ЛАГ является международной организацией, объединяющей арабские государства, а также ряд дружественных им неарабских, в которых арабский язык является одним из официальных. Состоит из 22 государств-членов. Непосредственно к Арабскому миру обычно относят 19 государств Ближнего Востока и Северной Африки с населением в 300 млн чел., в которых 90% населения являются арабами и такая же доля (90%) исповедует ислам. В культурном плане население этих стран объединяет как арабский язык, так и религия. Но в некоторых из них велика доля христианского населения (например в Ливане), а также неарабского населения (большинство жителей, к примеру Марокко, составляют берберы, хотя правящая династия – арабская).

Панарабизм, как и приведенные выше типы паннационализмов, начал формироваться, прежде всего, как антиимперское движение в основном культурно-просветительского плана, носящее преимущественно антиосманский характер. Но последовавший вслед за этим распад Османской империи и Первая мировая война препятствовали формированию суверенного арабского государства, которое смогло быть взято на себя роль геополитического центра. В результате, когда произошло формирование независимых арабских государств, на роль панарабского центра стали претендовать Ливия, Египет, Сирия. Но каждое из них не было готово жертвовать своими особыми интересами ради блага панарабской идеи.

Несколько неудачных попыток предложить Арабскому миру модели светского панарабизма свидетельствовали о провале панарабской идеи в рамках модернизационной парадигмы, а сегодня комплекс противоречий, возникших между разными

арабскими странами таков, что идея арабского единства, а тем более Арабского мира, воспринимается как несостоявшийся культурно-политический проект.

Весьма драматические отношения складываются между панарабизмом и панисламизмом. Отсутствие геополитического центра панарабизма компенсировалось по меньшей мере двумя центрами панисламизма. Один из них – это довольно рано (1932) возникшее королевство саудитов, на территории которого находились святыни мусульман, Мекка и Медина. Второй – центр шиитского панисламизма, сформировавшийся после создания Исламской Республики Иран (1979). Но ни один из этих центров не стал центром паннационализма. Во-первых, рано сформировавшаяся консервативная Саудовская Аравия дистанцировалась от модернистских атеистических режимов, претендовавших на центры панарабизма. Во-вторых, панисламистская идея шиизма изначально не соответствовала примордиалистскому критерию, так как официальный язык Ирана не относился ни к тюркским языкам, ни к арабскому.

В числе культурных миров в последние четверть века присутствует и так называемый «Финно-угорский мир», идея которого кристаллизировалась только к концу XX в., но ее истоки следует искать в XIX столетии.

От Великой Финляндии до Финно-угорского мира

Особое место в семье уральских народов принадлежит Финляндии, ибо именно ее культурная элита со второй половины XIX в. предпринимала активные усилия для того, чтобы определить место финнов среди других европейских народов, представить специфику финской культурной традиции и создать культурный образ финна как носителя этой традиции. Одновременно усилиями ученых и деятелей искусства культурная идентичность финляндской элиты трансформировалась в политическую идеологию или национальную идею, основанием которой стало течение, которое получило название «карелианизм». У истоков карелианистского движения стоял известный деятель финской культуры А.В. Эрвасти, который после своей поездки по Олонецкой губернии (ныне территория Карелии) написал, что за восточной границей Великого княжества Финляндского лежит не чужая для

финнов земля и именно Карелию следует считать материнской землей (*emämaa*) или метрополией, а собственно Финляндия есть колония. В Карелии, по мнению Эрваста, и нужно было искать духовные истоки финнов. Культурная элита Финляндии была с ним согласна. Поэтому Карелия превратилась в объект пристального внимания ученых, художников, композиторов, архитекторов, поэтов и просто любителей старины. Представление о Карелии как о неотъемлемой части будущего «Идеального Отечества», построить которое мечтали финские романтики, органично вошло в финляндскую националистическую мифологию. «Золотым веком» финляндской истории Карелия была представлена уже в самом названии первоначального варианта эпоса «Калевала» – «Калевала, или Старые Руны Карелии о древних временах Финского народа». Сегодня День Калевалы отмечается в Финляндии как национальный праздник.

Но культурный и научный поиск привел также к пониманию, что помимо Карелии и карел к востоку от Финляндии проживают и другие народы, которые родственны финнам. С середины XIX в. финские ученые самым серьезным образом начинают разрабатывать теорию и практику финно-угроведения как специального научного направления путем сравнительного изучения истории, обычаев и обрядов родственных финнам народов. Становлению школы финно-угорских исследований предшествовало создание финского литературного языка, и публикация уже упомянутого национального эпоса «Калевалы», учреждение кафедры финского языка в Императорском Александровском университете в Гельсингфорсе.

В конце 1870-х гг. Иоганн Рейнгольд Аспелин, финский археолог, много сделавший для выявления происхождения финно-угров, совершил несколько экспедиций по восточной России. Он считается основателем финно-угорской археологии. Аспелин впервые обратил внимание своих коллег в России и Скандинавии на необходимость тщательного изучения вещественных памятников прошлого и предметов материальной культуры финно-угорских народов. Именно по инициативе профессора археологии И.Р. Аспелина в 1870 г. в Финляндии появляется Финская ассоциация древностей, которая должна была «привлечь внимание к собиранию и сохранению от разрушения памятников искусства и древностей родной страны, как-то поэзии, песен, сказаний – и пробуждения в финской нации чувства интереса к проявлениям прошлого». Это было первым шагом к признанию финской научной

общественностью нового научного направления. Завершением процесса стало учреждение в 1883 г. в Гельсингфорсе Финно-угорского общества. Цели и задачи общества были четко сформулированы уже в первом параграфе Устава: «Содействовать получению сведений об финно-угорских народах для изучения их языков, археологии, древней истории и этнологии». Благодаря частным пожертвованиям и регулярным субсидиям со стороны Сената Великого княжества Финляндского у общества появилась возможность проведения систематических экспедиций в районы проживания финно-угорских народов и публикации научных результатов этих разысканий.

Широкий интерес к изучению родственных народов позволил не только активизировать изучение их истории, языков и культур, но и привел к созданию в конце столетия идеи Великой Финляндии.

Дело в том, что попытки финской культурной элиты сформулировать национальную идею касались не только создания основополагающего националистического мифа, но были связаны с тем, чтобы за Финляндией был закреплен статус субъекта истории, т. е. Страна Суоми должна была занять позицию лидера среди родственных народов. Финские интеллектуалы, боровшиеся за формирование финской идентичности (национального самосознания) и искавшие духовные истоки финнов на востоке, одновременно воспринимали себя и Великое княжество Финляндское как оплот западной цивилизации, миссия которых должна состоять в просвещении восточных родственников. Мессианская идея нашла воплощение в концепции Великой Финляндии.

Великая Финляндия как историко-культурное понятие возникло в среде деятелей фенноманского движения еще до обретения Финляндией государственной независимости и была впервые озвучена финским публицистом и общественным деятелем К.-Э. Аспелундом. Сущность концепции состояла в объединении всех финно-угорских народов России под главенством Финляндии, но это объединение тогда мыслилось не как политический союз, а как общее культурное пространство. Первоначально «Великая Финляндия» в представлении различных общественных и политических деятелей имела различные границы: одни ратовали за простое объединение Финляндии и Карелии, а другие понимали Великую Финляндию как пространство, простирающееся до Урала, а сам Аспелунд полагал, что его восточной границей является Америка (Аляска).

После обретения Финляндией независимости, сопровождавшейся двумя советско-финскими войнами (которые в финской историографии носят название «племенные войны»), в ходе которых отряды финских добровольцев пытались отторгнуть от России карельские земли или даже всю Карелию, идея Великой Финляндии претерпела существенные изменения и превратилась в экспансионистскую концепцию, которая должна была оправдать притязания финских политиков на часть территории СССР.

«Финляндское правительство сознательно и последовательно проводило антисоветскую политику и внутри страны, и во внешних контактах, что вызывало соответствующую ответную реакцию со стороны соседнего государства. Достаточно широко были известны высказывания президента Финляндии П.Э. Свинхувуда «Россия – единственный постоянный враг Финляндии, а любой враг России должен быть всегда другом Финляндии» и т. п. При этом Финляндия провозглашалась форпостом против угрозы коммунизма, а ее восточная граница – «восточным пределом Европы». Такая позиция была характерна не только для правительства, но и для определенных кругов общественности. Усиленно пропагандировалось враждебное отношение ко всему, связанному не только с царской, но и с Советской Россией, а иногда и с русским народом. Антирусские настроения, ненависть к русским – *ryssaviha* – приобретала, даже по оценкам некоторых финских исследователей, ярко выраженный шовинистический характер. Именно идеи «Великой Финляндии» были заложены в основу деятельности активистов Академического Карельского общества и Ингерманландского союза, Комитета Карельского национального союза Восточной Карелии и ряда ветеранских организаций (деятельность этих общественных организаций была запрещена после второй мировой войны, но они вновь возродились в конце XX в.). Данные организации культивировали образ «плачущей Ингрии, дочери Финляндии» (имеется в виду южный берег Финского залива), ими велась речь о том, что «еще взойдет солнце над той Ингрией, где не будет русских»³⁴.

Квинтэссенцией этих настроений стала политика финских оккупационных властей, проводившаяся ими на территории Ка-

³⁴ Терюков А. Великая Финляндия // Уральская языковая семья: народы, страны и регионы: Этнополитический справочник. 2-е изд., испр. и доп., ил. / Под ред. Ю.П. Шабаева, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 83–84.

релии в годы Великой Отечественной войны (в Финляндии этот период называется войной-продолжением, а некоторые историки называют его четвертой советско-финской войной). «В основе оккупационной политики лежала идея о том, что коренными жителями Карелии являются только карелы и другие финно-угорские народы. Русские, проживающие на этой территории, по мнению военного и политического руководства Финляндии, были переселены сюда насильно. Вследствие этого присоединенную к Финляндии Восточную Карелию планировалось превратить в территорию, заселенную только финно-угорскими народами, а русских и представителей других этнических групп, считавшихся мигрантами, предполагали выселить из Карелии в захваченные немецкими войсками другие регионы Советского Союза»³⁵.

Помимо финских политиков правого толка, ориентированных на радикальный национализм, общефинской идее были привержены и так называемые «красные финны», которые потерпели поражение в ходе гражданской войны в Финляндии, но смогли возглавить карельскую трудовую коммуну, созданную в 1920 г. Они рассматривали ее и как плацдарм для будущей коммунистической экспансии в Скандинавии, и как некий образец для других национально-государственных образований, созданных большевиками якобы для удовлетворения интересов уральских народов России. Но именно эта общефинская идея стала основанием для обвинений руководителей республик и представителей финно-угорской национальной интеллигенции в организации контрреволюционного заговора и фабрикации Дела СОФИН.

В 1931 г. в журнале «Советская этнография» публикуется статья М.Ю. Пальварде «Буржуазная финская этнография и политика финского фашизма», которая стала началом широкого идеологического наступления на ученых финно-угроведов и многих других деятелей национальных культур, работавших в разных сферах культурного строительства. В 1932 г. ГПУ сфабриковало дело СОФИН («Союз освобождения финских народностей»). Обвиняемым, проходившим по этому делу, вменялось в вину то, что они совместно с агентами из Эстонии и Финляндии и при поддержке работников посольств этих стран, вели работу по соз-

³⁵ *Веригин С.Г.* Этнокультурная политика финской администрации на оккупированных территориях Советской Карелии в 1941–1944 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2011. № 3 (116). С. 25–26.

данию на территории СССР подпольной контрреволюционной сети. Сеть была якобы развернута во всех районах проживания финно-угорских народов и ставила конечной целью организацию вооруженного восстания с целью отторгнуть их от СССР и создать «Единую Финно-Угорскую Федерацию». Многие обвиняемые по этому делу были расстреляны.

Надо сказать, что в период между двумя мировыми войнами пытались политизировать идею формирования широкого культурного пространства угро-финских народов, но и создать некие формы его публичной презентации. Так, в межвоенный период стали проводиться Дни родственных народов. Идея празднования Дней родственных народов принадлежит Матти Песонену, руководившему движением родственных финно-угорских народов в Финляндии, и была высказана им в марте 1929 г. В 1931 г. эта идея была «официально» одобрена 4 конгрессом по финно-угорской культуре (Хельсинки), и с той поры ежегодно в конце третьей недели октября на территории Финляндии, Венгрии и Эстонии эти дни отмечались как важное культурное мероприятие. К данным дням приурочивались выставки, конференции, в школах проводились специальные уроки по культуре и языкам родственных народов. Дни проводились даже в годы второй мировой войны.

После войны проведение Дней прекратилось как в Эстонии, так и в Венгрии и Финляндии. Возобновление традиции произошло в Эстонии в 1988 г., в Венгрии Общество Регули, призванное пропагандировать культурное наследие уральцев, отмечает их с 1990 г. Традиция распространилась в Россию в 1991 г., а в Финляндии она возрождена в 1993 г. по инициативе Общества им. Матиаса Кастрена, главной целью которого также является распространение знаний об уральских народах и поддержка различных инициатив в области финно-угроведения.

Современная концепция Финно-угорского мира

В начале 1990-х гг. в общественно-политической лексике, используемой политиками, деятелями этнонациональных движений и организаций и даже некоторыми учеными появился новый термин «Финно-угорский мир». До этого использовались в основном термины «родственные народы», «угро-финские народы», «финно-угорские народы» и реже — «уральские народы». Одна-

ко в «Советской исторической энциклопедии», издававшейся в 1961–1976 гг., отсутствовали тематические статьи «финно-угры», «финно-угорские народы», «финно-угроведение», при том что статьи «славяноведение», «тюркология», «славяне», «тюрки» там были представлены.

Финно-угроведение как научное направление стало развиваться в России с 20-х гг. XX в., но окончательно оно оформилось только к началу 1960-х годов. Именно научные традиции изучения финно-угорских народов стали основой для развития широких культурных, общественных, политических, информационных и иных связей между финно-угорскими народами, которые стали бурно развиваться на рубеже 80–90-х гг. XX в.

Важнейшую роль в возникновении идеи формирования некоего единого культурного пространства финно-угорских народов сыграли процессы актуализации и политизации этничности, выход на политическую сцену этнонациональных движений финно-угров, создание общероссийских объединений, отстаивающих интересы финно-угорских народов. В феврале 1992 г. в Сыктывкаре состоялась учредительная конференция полномочных представителей финно-угорских народов, которая учредила Ассоциацию финно-угорских народов (АФУН), в мае того же года в Ижевске прошел первый Всероссийский съезд финно-угорских народов, который утвердил устав Ассоциации, ставшей его исполнительным органом. Съезд выступил инициатором проведения Всемирного конгресса финно-угорских народов, и этот конгресс состоялся в декабре 1992 г. в Сыктывкаре. Важнейшим документом, который принял конгресс, была декларация «Об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира», в которой в частности говорилось о необходимости формирования широкого и единого культурного пространства этих народов, а в обращении к Правительствам и парламентам РФ и республик, входящих в ее состав, в частности говорилось: «Содействуя возрождению финно-угорского мира, выживанию ряда наших родственных народов и развитию других... считаем необходимым добиваться создания правовых и организационных условий для всестороннего и равноправного сотрудничества братских народов между собой и со всем мировым сообществом»³⁶. Иными

³⁶ Декларация об основных принципах, целях и задачах объединения финно-угорских народов мира // Штрихи этнополитического развития Коми Республики: Очерки. Документы. Материалы. Т. 1 / Сост. Ю.П. Шабаев. М.: ЦИМО, 1994. С. 231.

словами, в 1992 г. термин «Финно-угорский мир» был внедрен в политическую практику, практику культурных обменов и сотрудничества между финно-угорскими народами. Этот термин мыслился как некая новая широкая культурная идентичность.

Отношение к самой идее мира было неоднозначным. Одни ее сторонники рассматривали идею мира с романтических позиций, полагая, что такое объединение будет способствовать сохранению культурной самобытности уральских народов. Хотя «мир» назвали не уральским, а финно-угорским, ориентируясь на старые паннационалистические концепции. Другие полагали, что тесное взаимодействие в рамках широкой культурной платформы между российскими национальными республиками и округами с одной стороны и Финляндией, Эстонией и Венгрией – с другой будут способствовать экономической и культурной модернизации этих республик и самих уральских народов. Неслучайно, что неформальным «лидером» мира считалась Финляндия и именно в столице этой страны Хельсинки обосновался исполнительный орган конгрессов финно-угорских народов – Консультативный комитет, деятельность которого финансировалась финской стороной.

Формированию единого культурного пространства финно-угорских народов были призваны способствовать регулярные многосторонние контакты в культурной сфере.

Поскольку языковая основа есть базовый принцип, являющийся фундаментом культурных связей между так называемыми финно-угорскими регионами, странами, постольку вполне естественно, что вслед за научным интересом к финно-угорским языкам и литературам проявился и интерес к расширению контактов между самими творцами национальных литератур и профессиональной художественной культуры в целом. «В мае 1989 г. в Йошкар-Оле состоялась встреча финно-угорских писателей, во время которой был образован Международный союз финно-угорских писателей. Председателем союза был избран Председатель марийского союза писателей М. Рыбаков. Через год, в мае 1990 г. в Москве была создана Ассоциация писателей финно-угорских литератур, возглавил которую преподаватель Литературного института им. М. Горького, переводчик карельской литературы Р. Винонен. Устав Ассоциации писателей финно-угорских литератур (АПФУЛ) был принят на Учредительной конференции в июне 1991 г. В этом же году в Финляндии (Эспоо) состоялась вторая встреча финно-угорских писателей на тему «Язык – моя родина», а затем такие встречи стали проходить регулярно.

Другой важной стороной культурного сотрудничества является знакомство общественности с народными традициями финно-угорских народов. При этом очевидно, что язык и народная культура являются неотъемлемыми составляющими культурного облика финно-угорских этнических сообществ, и именно в этих сферах исследователи пытаются обнаружить близость или своеобразие культур. Названные сферы весьма значимы для литературного творчества. Поэтому писательские конференции и фольклорные фестивали стали наиболее заметными событиями в сотрудничестве между финно-угорскими регионами и странами.

Первый финно-угорский международный фольклорный фестиваль состоялся в июне 1990 г. в Йошкар-Оле. В том же году в эстонском городе Нарва прошел фестиваль сказок финно-угорских народов. В 1991 г. в Ижевске был проведен Праздник танца финно-угорских народов, а в Сыктывкаре был организован II Международный фольклорный фестиваль. Затем фольклорные фестивали стали регулярными. На фестивалях, как правило, представляется песенная и танцевальная культура финно-угорских народов и в них принимают участие как профессиональные, так самодеятельные ансамбли»³⁷.

Профессиональное сценическое искусство также вовлечено в сферу культурных обменов между финно-угорскими народами. В 1992 г. финно-угорский театральный фестиваль был проведен в Ижевске, а затем в течение ряда лет он проводился в финском городе Нурмес. В 1997 г. наиболее представительный фестиваль был проведен в Йошкар-Оле, а в июне 2000 г. в Сыктывкаре был организован первый финно-угорский фестиваль для детей и юношества с участием театральных трупп из Венгрии и ряда регионов России. Ныне традиция таких фестивалей продолжается, но имеют место и другие культурные инициативы и мероприятия. Так, в рамках третьего Всемирного конгресса финно-угорских народов в 2000 г. в Эспоо состоялась выставка современного искусства финно-угорских народов «Ugriculture-2000», которая являлась составной частью программы «Уральская культура».

Кроме культурных форумов, фестивалей и выставок, имеющих характер широких культурных обменов, проводятся и много-

³⁷ *Шабает Ю.* Финно-угорский мир // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополитический справочник. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 444.

численные локальные культурные мероприятия в форме двусторонних контактов: это гастрольные поездки артистов, выставки художников, презентации книг и т. д.

Для консолидации финно-угорского движения, для реального конструирования финно-угорского культурного пространства необходимы регулярные и интенсивные информационные связи между финно-угорскими регионами и странами.

Сотрудничество в информационной сфере между финно-угорскими регионами началось в апреле 1991 г., когда в Йошкар-Оле была организована встреча журналистов из финно-угорских регионов России. В октябре того же года здесь же прошел I Международный фестиваль телевизионных фильмов «Финно-угорский мир» и состоялось совещание на тему «Культура, нравственность, духовность и национальное возрождение». В декабре 1992 г. в Сыктывкаре был проведен II фестиваль «Финно-угорский мир», во время которого было принято решение о создании межрегиональной телевизионной программы «Финно-угорский мир», которая с 1993 г. стала выходить достаточно регулярно.

Вместе с тем фестивали и встречи представителей СМИ создавали лишь базовую основу для широкого информационного сотрудничества, а названный тележурнал в основном выполнял просветительскую функцию, но не интегративную. Общего же информационного пространства не сложилось, и поэтому в резолюции международного научного симпозиума «Финно-угорский мир и XXI век», состоявшегося в ноябре 1998 г. в столице Марий Эл Йошкар-Оле, говорилось о необходимости создать такое пространство и сформировать единую компьютерную базу данных в области финно-угроведения и культур финно-угорских народов, которая до сих пор не создана. Одной из попыток создания информационных структур, обеспечивающих формирование общего информационного пространства, стало учреждение в 1993 г. Инфоцентра финно-угорских народов (SURI) при поддержке Открытого фонда Эстонии, но как информационный ресурс он был не очень удачным, и потому оказался невостребованным. Все другие попытки создать единое информационное пространство тоже не увенчались успехом, что вынуждены были констатировать участники состоявшейся в апреле 2001 г. в Сыктывкаре конференции «Финно-угорские СМИ в XXI веке». На этой конференции были выработаны рекомендации по активизации информационного сотрудничества, координатором которого стало информационное агентство «Коминформ», создавшее постоянно обновляемый

финно-угорский информационный сайт www.finugor.ru. Позднее сайт был переподчинен созданному в Сыктывкаре в 2007 г. Финно-угорскому культурному центру Российской Федерации. Сегодня он функционирует плохо и не является площадкой для широкого обмена мнениями и информацией. То же самое можно сказать и о Поволжском центре финно-угорских народов, созданном в Саранске и о других культурных институтах и информационных площадках.

Тем не менее для активизации сотрудничества между финно-угорскими странами и народами и оказания помощи родственным народам в России, в Финляндии, Венгрии и Эстонии приняты специальные государственные программы, за счет которых издаются учебники языка и литературы для национальных школ, студенты из финно-угорских республик и округов России проходят обучение в университетах этих стран. Причем обмены студентами носят регулярный характер. Кроме того, ежегодно проводятся научные студенческие конференции в рамках IFUSCO (International Finno-Ugric Student's Conference), устраиваются летние школы, совместные полевые экспедиции, во время которых обсуждается финно-угорская проблематика.

Многочисленные культурные контакты между регионами проживания финно-угорских народов, позволили многим деятелям этнонациональных движений и некоторым официальным лицам после проведения III Всемирного конгресса финно-угорских народов в 2000 г. в Хельсинки заявить, что «Финно-угорский мир» уже сформировался, что он является реальностью. Тут важно заметить, что само понятие «мир» по своему содержанию во многом синонимично понятиям сообщество, община, т. е. оно предполагает наличие социальной солидарности между членами мира и общей идентичности (а не только культурного маркера).

Но «мир» формируется на зыбкой лингвистической основе и лишь за счет формальных культурных и информационных контактов. Правда, предпринимаются безуспешные попытки создания некоего общего для всех финно-угров языка, некоторые исследователи пытаются даже доказать, что система ценностей у финно-угров едина, и потому можно говорить о «финно-угорском суперэтнотесе», но эти попытки крайне неубедительны, ибо и хозяйственный уклад, и религия, которые оказывали решающее воздействие на формирование мировоззрения народов, у уральцев различны, а территориально эти на-

роды проживают далеко друг от друга, и культурные контакты между ними отсутствовали на протяжении многих столетий. При этом контакты с соседними народами были весьма интенсивны. Нет прочной экономической основы для формирования единого «Финно-угорского мира», нет реального политического единства. Но самое главное, что «Финно-угорский мир» не стал фактом массового сознания финно-угорских народов – он признается и осознается только узким кругом представителей интеллигенции финно-угров (в основном гуманитарной). *Формированию «Финно-угорского мира» как реального сообщества мешает отсутствие внятной идеологии и реальных общих институтов (политических и культурных)*, не говоря уже о том, что не очень понятно, какие территории входят в данный «мир», как формировать общую идентичность членов сообщества, именуемого «Финно-угорский мир», как соотносится «мир» и уральская языковая семья. Как «вписываются» в этот мир народы, которые живут на одной территории с финно-уграми? Если же иметь в виду только идентичность, то для формирования общей финно-угорской идентичности необходимо, чтобы все финно-угорские народы осознавали себя органической частью единого культурного сообщества, но этого нет и быть не может, поскольку различий между ними множество.

Таким образом сегодня «Финно-угорский мир» представляет собой довольно широкую сеть культурных обменов, в рамках которой проводятся как разовые, так и систематические культурные и общественные форумы и мероприятия, ведется обмен информацией о положении различных этнических групп. Оснований утверждать, что «Финно-угорский мир» представляет из себя «единое культурное пространство» или некое единое «сообщество», нет.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем выражается политика мягкой силы в современном мире: культурные институты и культурные пространства?
2. Раскройте логику развития финского национализма: концепция Великой Финляндии.
3. Каково содержание современной концепция Финно-угорского мира и практика ее реализации?

Литература

- Борисевич Л.* Светлана Белоусова: «Нас тянет друг к другу, и этот феномен финно-угорских народов ученым еще предстоит изучить» // Регион. 2009. № 2.
- Глухова Н.Н., Глухов В.А.* Система ценностей финно-угорского суперэтноса. Йошкар-Ола, 2009.
- Калинин И.К.* Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000.
- Страна Финноугория: Путеводитель / Сост. В.А. Пипунырова, М.А. Першина Сыктывкар: Центральная городская библиотека, 2009.
- Уральская языковая семья: народы, страны и регионы: Этнополитический справочник. 2-е изд., испр. и доп., ил. / Под ред. Ю.П. Шабаяева, А.П. Садохина, В.Э. Шарапова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- Учайкина Т.И.* Финно-угорский мир: миф или реальность? // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1996. № 8–9.
- Финно-угорский мир: история и современность: Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. Саранск, 2000.
- Шабаяев Ю.П.* «Финно-угорский мир» и гражданская российская нация // Центр и периферия. 2011. № 3.
- Шабаяев Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В.* «Финно-угорский мир» миф, макроиентичность, политический проект? // Общественные науки и современность. 2010. № 1.
- Шабаяев Ю.П., Садохин А.П.* Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Шабаяев Ю.П., Логинова Н.П.* Уральская языковая семья и ее роль в становлении и развитии российской цивилизации // Финно-угорский мир. № 2. 2016. С. 62–72.
- Шабаяев Ю.П., Логинова Н.Н.* Уральские народы России и зарубежной Европы. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2017.
- Nanovfszky G. (ed.) The Finno-Ugric World. Budapest: Teleki László Foundation, 2004.

Глава 6

Проблемы сохранения языка и культуры в контексте проблем регионального развития

Языковая политика и ее принципы

В практике управления культурным разнообразием существенно важную роль играет языковая политика, особенно ее символическое значение и образовательные практики.

Языковая политика представляет собой систему методов сознательного воздействия со стороны государства на практику официального применения как языков доминантных культурных групп населения, так и языков меньшинств, которые используются на территории данного государства. Языковая политика определяет функциональные взаимоотношения между разными языками в полиэтничном и многоязычном сообществе.

Используемые сегодня практики языковой политики разнообразны и определяются как составом населения, так и принятой в той или иной стране моделью этнополитики, однако существуют и некие общие критерии, которые позволяют свести все это многообразие к нескольким языковым стратегиям.

Наиболее очевидной классификационной моделью может служить модель, построенная на конституционном признании языков в качестве официальных (государственных) или в качестве поддерживаемых. Она включает всего две модели: конституционное моноязычие и конституционное многоязычие.

Но в рамках первой модели, по мнению Э. Володарской, можно выделить семь вариантов языковой политики:

первый — языковая политика конституционного или де-факто моноязычия;

второй — языковая политика государств, в конституции которых указан один язык в качестве официального и предусматривается государственная поддержка других языков страны;

третий — языковая политика, построенная не на конституции, а на законах;

четвертый — языковая политика постколониальных стран, в конституции которых указывается один язык местного населения;

пятый – языковая политика постколониальных стран, в конституции которых сохраняется колониальный язык, политика постколониального билингвизма;

шестой – языковая политика государств, в конституции которых указывается один язык, а языки меньшинств лишены лингвистических прав;

седьмой – языковая политика государств, не закрепивших законодательно государственный или официальный язык.

В большинстве государств мира только один официальный язык, хотя стран с моноэтничным населением только около десятка. *Это весьма показательно, ибо государство в принципе заинтересовано в наличии на его территории одного языка, который должен служить делу интеграции граждан.* В двадцати странах мира конституция признает два официальных языка, а в девяти странах – три и более.

Признание языка официальным (государственным) не всегда означает, что все граждане должны изучать его в обязательном порядке. Как правило, государственным языком объявляется язык большинства или языки наиболее крупных этнических групп. Однако в некоторых случаях признается в качестве государственного и не самый распространенный язык. Так, в Ирландской Республике ирландский (ирландский гэльский) язык был объявлен государственным вопреки тому, что доля носителей этого языка не превышала 3% населения. Предпочтение языку меньшинства было отдано ради того, чтобы он служил делу политического единства страны и являлся государственным символом. Сегодня этот язык учат в школе и считается, что ирландским в той или иной мере владеют многие граждане Ирландии, но этот язык не является средством повседневного общения и практически все и в официальном общении, и в домашней среде пользуются английским (который тоже имеет статус государственного). Примерно такая же языковая ситуация в современной Белоруссии.

В Пакистане урду был также объявлен государственным, хотя родным языком его признавало только 7% населения. Аналогичная ситуация имела место и в Индонезии (официальный язык – бахаса индонеси), но в каждом из названных случаев выбор официального языка не был случаен и диктовался не языковой ситуацией, а политическими интересами.

В Швейцарии целых четыре государственных языка: немецкий (немцы составляют 60% населения), французский, итальянский и ретороманский. Однако официальное многоязычие не

предполагает индивидуального многоязычия. В каждом кантоне власти сами решают, какой язык помимо доминирующего в данном кантоне школьники должны изучать в школе. Попытки достичь соглашения между кантонами по практике изучения языков были не очень успешными. И если в немецкоговорящих кантонах в школах учат французский, то во франкоговорящих (расположенных в основном вокруг Женевского озера) твердо отказываются изучать немецкий.

В Финляндии два государственных языка – финский и шведский. Такая практика сложилась сразу же после обретения страной независимости. В области идеологии политический класс этой страны исходил из идеи, что финляндская нация представляет собой единый народ, который говорит на двух языках – финском и шведском. Шведский язык в 1919 г. получил статус государственного наряду с финским. Шведский и финский – обязательные предметы для изучения в школе. Многие финские интеллектуалы старой школы до сих пор считают, что «культура пришла в Финляндию из Швеции», а потому придают шведскому языку особое символическое значение. Однако в восточных губерниях страны, где шведов мало, качество изучения шведского языка не всегда высокое, и здесь много недовольных необходимостью учить шведский. Более того, в последние годы все чаще и все громче звучат голоса противников обязательного изучения шведского языка. На эти настроения, конечно, оказывают серьезное влияние процессы глобализации и европейской интеграции. В этой связи любопытно заметить, что еще лет 40 назад во время переговоров премьер-министров Швеции и Финляндии они говорили между собой на шведском, а теперь, как правило, общение ведется на английском.

В испанской Каталонии каталанский язык также является обязательным и на нем ведется преподавание как в школах, так и в университетах, но эта практика не вызывает серьезного отторжения, хотя более половины населения провинции не являются этническими каталонцами. Однако каталонский и финляндский опыт скорее исключение, и при осуществлении языковой политики властям приходится учитывать множество факторов, которые не имеют прямого отношения к языку и образованию.

Конечно, в деле выбора официального языка или языков играли и играют важную роль и история развития той или иной страны, и специфика этнического состава ее населения, и характер межгрупповых отношений, и уровень развития экономики.

Современную языковую политику пытаются как-то унифицировать и создать систему международно признанных принципов, которые уже довольно длительное время обсуждаются экспертами. Определенное согласие здесь достигнуто, и общие требования к языковой политике сформулированы в документе, который носит название «Фундаментальные принципы Универсальной Декларации языковых прав», разработанной международной группой экспертов и одобренные ими (1991 г. – Венгрия) и предложены ООН для дальнейшего апробирования и принятия.

Всего таких принципов десять.

1. Каждый человек имеет право изучать любой один или более языков.
2. Каждый человек имеет право отождествлять себя с любым языком и на то, чтобы этот выбор уважался всеми общественными, частными и государственными учреждениями.
3. Каждый человек имеет право слушать, говорить, читать и писать на любом языке.
4. Каждый человек имеет право выражать себя на любом языке.
5. Каждый человек имеет право на обеспечение специальным образованием в случае недостаточного владения языком.
6. Не может быть запрещено преподавание любого языка.
7. Каждый человек имеет право на то, чтобы ей/ему преподавался, где это осуществимо, в рамках государственного образования или же в общине и семье тот язык, с которым она/он и ее/его семья наиболее просто отождествляют себя.
8. Каждый человек имеет право на то, чтобы ей/ему преподавался в рамках государственного образования тот официальный язык или языки того государства, нации или региона, в которых она/он постоянно проживает.
9. Каждый человек имеет право на то, чтобы ей/ему преподавался в рамках государственного образования по меньшей мере еще один язык для того, чтобы расширить свой социальный, культурный, образовательный и умственный горизонт и увеличить международное понимание.
10. Эти права касаются всех лиц. Их обеспечение для тех лиц, которым они до этого не были предоставлены, должно осуществляться через общинное обучение, образование взрослых и высшее образование.

Однако важно заметить, что вышеназванные принципы в систему международного права до сих пор не включены и вряд ли это произойдет в ближайшие годы.

Другим важным документом является Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (*European Charter for Regional or Minority Languages*), принятая в 1992 году. Во втором разделе, где изложены цели и принципы, сказано следующее:

1. «Участники осуществляют свою политику, законодательную и практическую деятельность в отношении региональных языков и языков меньшинств, на территориях, где такие языки используются, и в соответствии с положением каждого языка, основываясь на следующих целях и принципах:

- a) признания региональных языков или языков меньшинств в качестве выразителей культурного богатства;
- b) уважения географического района каждого регионально-го языка или языка меньшинства для обеспечения того, чтобы существующее или новое административное деление не создавало препятствий развитию данного регионального языка или языка меньшинства;
- c) необходимости решительных действий по поддержке региональных языков или языков меньшинств в целях их сохранения;
- d) содействия и/или поощрения использования региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в общественной и личной жизни;
- e) сохранения и развития связей в сферах, охватываемых настоящей Хартией между группами, пользующимися региональным языком или языком меньшинства, и другими группами в государстве, где язык используется в идентичной или схожей форме, а также установление культурных отношений с другими группами в государстве, использующими другие языки;
- f) обеспечения надлежащих форм и средств для преподавания и изучения региональных языков или языков меньшинств на всех соответствующих стадиях;
- g) создания условий, позволяющих лицам, не говорящим на региональном языке или языке меньшинства и живущим в районе, где он используется, изучать его, если они того пожелают;
- h) содействия изучению и исследованию региональных языков и языков меньшинств в университетах или равноценных учебных заведениях;

- i) содействия соответствующим видам межнациональных обменов в охватываемых настоящей Хартией сферах, применительно к региональным языкам или языкам меньшинств, используемым в идентичной или схожей форме в двух или более государствах.

2. Участники обязуются устранить, если они этого еще не сделали, любые *неоправданные различия, исключения, ограничения или преференции* (курсив мой. – Ю. Ш.), относящиеся к использованию регионального языка или языка меньшинства и имеющие целью сдерживать либо поставить под угрозу его сохранение или развитие. Принятие специальных мер в отношении региональных языков или языков меньшинств в целях содействия достижению равноправия между лицами, пользующимися этими языками, и остальным населением, или в которых должным образом учтены их особенности, не рассматривается в качестве деятельности, направленной на дискриминацию в отношении лиц, пользующихся более распространенными языками.

3. Участники обязуются содействовать, посредством принятия надлежащих мер, *взаимопониманию между языковыми группами страны* (курсив мой. – Ю. Ш.), в частности, путем включения уважения, понимания и терпимости в отношении региональных языков или языков меньшинств в число задач образования и обучения в своих странах, и поощрять средства массовой информации к достижению той же цели.

4. При определении своей политики в отношении региональных языков или языков меньшинств Участники принимают во внимание нужды и стремления, выражаемые группами, которые пользуются такими языками. В случае необходимости Участники способствуют учреждению органов для оказания содействия властям по всем вопросам, относящимся к региональным языкам или языкам меньшинств»³⁸.

Показательно, что Хартия не была воспринята однозначно правительствами и политическими элитами многих стран. Франция, к примеру, подписала Хартию, но долгие и напряженные дебаты по поводу ее содержания привели к тому, что она отказалась ее ратифицировать. Словакия внесла свои уточнения в практику применения Хартии на своей территории, а Латвия и Эстония, где

³⁸ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (ETS № 148) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902299> (дата обращения 27.11.2019).

есть серьезные проблемы с этническими меньшинствами, даже не стали подписывать хартию, хотя политики и эксперты из этих стран активно обсуждают положение языков и культур этнических меньшинств в России.

Россия присоединилась к Хартии, хотя здесь самая сложная языковая ситуация в Европе, ибо здесь ведется преподавание на 89 языках или они изучаются как предметы в региональных школьных программах.

В практике языковой политики сталкиваются два подхода. Первый подход опирается на концепцию *лингвистической экологии*. Ее апологеты утверждают, что каждый язык должен сохраняться любыми способами, несмотря на экономические издержки и его востребованность в конкретной культурной среде.

Второй подход опирается только на принципы права и базируется на двух ключевых культурных правах – праве на отличие и праве на культурную свободу. Первое право означает, что культурная отличительность (в том числе и в языковой сфере) есть неотъемлемое право каждого человека, а второй означает, что только сам человек вправе выбирать себе культурные ценности и навязать их ему нельзя, т. е. насильно сохранять язык невозможно, если он перестает быть востребованным.

Среди российских законодательных актов, регулирующих языковую политику, в первую очередь необходимо назвать закон «О языках народов РСФСР», принятый 25 октября 1991 г. В статье 3 данного закона признавались равные права всех языков народов России, а статьи 4 и 5 обеспечивали гарантии защиты языков народов Российской Федерации. Русский язык получил статус государственного как язык, который является «основным средством межнационального общения народов» России. Важное значение имеют изменения и дополнения в этот закон, которые приняты в 1998 г. в виде Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О языках народов РСФСР”». Исходя из положений Конституции Российской Федерации, закон наделил функцией гаранта сохранения родных языков народов России, наряду с республиками, и остальные субъекты Федерации. В законе фокус внимания переносится на проблему равноправия языков России. В закон неоднократно вносились изменения, но наиболее существенные были сделаны в 2018 г. («О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» 3 августа 2018 г.).

Каковы были эти изменения? Статья 11 была дополнена следующим замечанием: «Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного, начального общего и основного общего образования обеспечивают возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, изучения государственных языков республик Российской Федерации, родных языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка».

Статья 14 была уточнена таким дополнением: «Свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования».

Именно эти изменения и дополнения стали предметом острых дискуссий, и прежде всего в национальных республиках, где активисты этнических организаций и многие представители национальной интеллигенции протестовали против указанных изменений, собирали петиции в адрес республиканских и федеральных властей, устраивали пикеты и пр.

Фактически все эти протесты были направлены на то, чтобы достаточно узкие группы лиц выступали не только как агенты влияния, но, скорее, как культуртрегеры и моральные цензоры республиканских сообществ. *И своим «священным правом» они считали право диктовать выбор культурных ценностей и образа жизни для всех представителей тех культурных групп, к которым они сами принадлежали и от имени которых выступали.*

Язык и культура, конечно, тесно связаны, но при этом стоит заметить, что жесткой связи между этнической культурой и языком нет. Широко известно, что подавляющее большинство ирландцев, валлийцев, шотландцев говорят на английском, который считают своим родным языком, но при этом они не перестают быть представителями своих этнических групп и приверженцами своих культурных традиций. Не менее хорошо известно, что у многих этнических групп в Африке не обнаруживается тесной связи между этничностью и языком. И в этой связи известный

специалист в области этнополитики А. Ачкасов, ссылаясь на международные документы, замечает: «Родной язык человек усваивает как некоторую природную данность, без видимых усилий. Язык – явление универсальное, связанное со всеми сторонами человеческой жизни, это не только средство коммуникации, но и система смыслов, хранилище всего разнообразия накопленных знаний... В то же время, по мнению авторов “Доклада о человеческом развитии ООН”, “рождение в конкретной культурной (языковой) среде не является реализацией свободы, скорее наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид сознательно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других альтернатив”. Поэтому худший вид нетерпимости – это прямое или косвенное принуждение индивида жить таким же образом, что и другие члены сообщества, или как велит традиция»³⁹.

Динамика языковых изменений в республиках с финно-угорским населением

С начала 1990-х гг. в нашей стране был предпринят целый комплекс различных мер, направленных по поддержке миноритарных языков: приняты республиканские законы о государственных языках и повышен их статус, разработаны государственные программы развития языков, продолжается работа по нормированию языков, существенно расширено представительство этнических языков в электронных СМИ и т. д. Все эти меры получают официальную поддержку, а литература на этнических языках издается в национальных республиках как социально значимая, т. е. за счет государственных средств. Тем не менее заметных изменений в этноязыковой ситуации, которая имеет место в регионах проживания уральских народов, не происходит. И это объяснимо – финно-угры были и остаются этническими меньшинствами и при этом они воспринимают русских как референтную группу, поскольку, несмотря на стабильное повышение образовательного уровня, финно-угры все еще отстают в образовательном плане от русских, а доминантная культура (или ее элементы), очевидно,

³⁹ Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 125.

воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная.

Изменить культурную ситуацию и культурные ориентации можно только изменив демографические пропорции между этническими группами населения, но подобное развитие событий в обозримой перспективе не представляется возможным. Поэтому культурная интеграция меньшинств в доминантное большинство является устойчивой и долговременной тенденцией. Более того, рассматривать эту тенденцию как имеющую сугубо негативный характер неверно, ибо речь идет о свободном выборе культурных ценностей, который *самостоятельно и осознанно* делают представители меньшинств.

При этом нельзя говорить и о том, что языки российских финно-угров находятся под угрозой исчезновения, хотя подобные утверждения нередко можно слышать из уст языковедов и особенно этнических антропологов.

Коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва остаются преимущественно аграрными этническими сообществами и на селе в своих регионах они обычно численно доминируют, а потому здесь роль финно-угорских языков остается весомой. Иная ситуация в городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, межэтнические контакты очень интенсивны, а русский язык доминирует во всех сферах коммуникации, в том числе и в семейном общении представителей этнических меньшинств. При этом многие из них являются членами семейных коллективов, в составе которых представители разных народов. Полиэтническая городская культурная среда не может функционировать, опираясь на язык меньшинств даже в случае локального доминирования этого меньшинства.

Примером может служить дореволюционный Усть-Сысольск (Сыктывкар), который был единственным городом на европейском севере России, где преобладало нерусское население. Ныне же финно-угры в составе городского населения своих республик и округов составляют не просто меньшинство, но меньшинство, сформировавшееся преимущественно из сельских мигрантов, представители которого стремятся интегрироваться в доминирующую культурную среду. Культурная интеграция, в том числе языковая ассимиляция (и аккультурация), есть важный этап социализации мигрантов и их детей.

Переписи населения 2002 и 2010 гг. подтвердили тот факт, что происходит языковой сдвиг, в результате которого во всех

сферах общения уральцами в качестве средства коммуникации используется русский язык. Так, данные переписи 2002 г. показали, что карельским языком в Карелии владеет 48,4% карел, среди мордвы, проживающей в Мордовии, 15,6% вообще не владеют мордовским языком, в Республике Коми языком коми владеют 78,1% проживающих здесь представителей титульного этнического сообщества, в Марий Эл – 84,2% проживающих здесь марийцев владеют марийским языком. Однако если сопоставить эти данные с долей названных групп в этническом составе населения республик и долей городского населения в них, то считать их катастрофическими никак нельзя. Положение языков финно-угров вполне стабильно, хотя с этим далеко не все согласятся. И более того, нередко раздаются обвинения адрес региональных и федеральных властей, суть которых сводится к тому, что идет процесс насильственной русификации уральских народов, поощряемый властями.

Однако российский этнолог О. Подлесных замечает по этому поводу, «как убедительно продемонстрировали американские демографы Б. Андерсон и Б. Сильвер на основании анализа переписных данных и других статистических материалов, гипотеза о направленной политике русификации или централизации не подтверждается. По мнению этих исследователей, создавших наиболее полную базу данных и проанализировавших все доступные источники для проверки трех гипотез – *русификации, равенства языков и влияния статуса национально-административных образований* – лишь третья из этих гипотез находит фактическое подтверждение... При этом существующие региональные различия лучше всего объясняются числом носителей языка, степенью компактности их расселения и различием в административном статусе территории»⁴⁰.

Возражения по поводу стабильной языковой ситуации в республиках с финно-угорским населением связаны с тем, что данные переписи 2010 г. свидетельствуют об очевидном снижении уровня языковых компетенций у представителей уральских народов. Но главный вопрос, на который ни специалисты, ни активисты этнонациональных организаций не дают вразумительного ответа – это вопрос о том, чем обусловлен устойчивый характер языковых изменений.

⁴⁰ Подлесных О. Вопросы о языках в переписных анкетах и государственная языковая политика // Этнические категории и статистика: Дебаты в России и во Франции. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 41.

Перепись населения 2010 г. показала, что русский язык является не только основным языком общения, но и признается родным значительной долей российских финно-угров: русский язык назвали родным 37,1% коми (без коми-пермяков), проживающих на территории Республики Коми; 72,7% карел в Карелии; 43,9% удмуртов в Удмуртии; 20,2% марийцев в Республике Марий Эл; 18,0% тех, кто называет себя мордвой в Мордовии. При этом многие из тех, кто называет эти языки родными либо вообще ими не владеют, либо уровень владения явно недостаточен. Тем не менее язык они называют родным, поскольку идентифицируют себя как представителей уральских народов и свою этническую идентичность подкрепляют символическим признанием языка предков родным, хотя в функциональном плане он таковым не является. Данный культурный феномен очень показателен и свидетельствует о том, что *между языком и выбором этнической принадлежности (идентичности) нет жесткой связи*, хотя это упорно пытаются доказать этнические антропологи.

Что же касается языковых практик, то они продолжают смещаться в пользу русского языка и постепенную утрату языковых компетенций представителями уральских народов, проживающих в городах и полиэтничных поселениях. Еще в 1990-е гг., согласно данным микропереписи населения 1994 г., в семье общаются на русском языке 987 из каждой 1000 вепсов, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяк, 363 марийца, 350 удмуртов. В последующие годы, несмотря на официальную поддержку миноритарных языков, предпочтения их потенциальных носителей не изменялись, но, как замечено выше, еще более смещались в пользу использования русского языка. Так, например, по данным опроса 2004 г., всего 3% городских коми семей говорит с детьми на коми языке, в Коми-Пермяцком округе, где 705 населения составляют коми-пермяки, лишь в 11,5%. семьях дома говорят на языке предков, а столица округа город Кудымкар практически полностью русскоговорящий. В городах Коми полностью не владеют коми языком уже 42% детей из моноэтнических коми семей. Свободно говорят на нем только четверть детей.

По материалам опроса 2011 г., проведенного в Республике Марий Эл, лишь 1,2% городских жителей здесь тогда разговаривали со своими детьми дошкольного возраста на марийском языке, и такая же доля общается на родном языке с детьми школьного возраста. На русском и марийском языках соответственно говорят дома 1,8% и 2,2%. А по материалам опроса 2015 г. только

0,4% городских жителей общались на марийском языке со своими детьми дошкольного возраста и 1,1% с детьми школьного возраста. На русском и марийском языках – соответственно 3,1% и 3,3%. Сходная ситуация имеет место и в других «финно-угорских регионах».

Уже в 70–80-е гг. XX в. социологи Марий Эл отмечали ослабление позиций марийского языка и связывали это явление в первую очередь с процессами урбанизации в республике, ростом смешанных браков, констатируя потерю родного языка уже у третьего поколения сельских мигрантов. На языковую ситуацию, по мнению специалистов, оказывала влияние и огромная масса заимствований, входящих в марийский через русский язык. Русские заимствования в марийском языке имели объективный характер, по мнению В.С. Соловьева, так как марийский язык не имел своей общественно-политической, научной, технической терминологии. Далее он отмечал: «Большое число заимствований в марийском языке, которые принимают в нем новые окончания и иной порядок слов в предложении, делают его трудным для восприятия. Очевидно, главным образом, поэтому марийцы в разговоре между собой нередко переходят на русский язык. Именно поэтому многие из них предпочитают и читать, и писать по-русски». В.С. Соловьев отмечал, что в первую очередь переход на русский язык характерен для национальной интеллигенции⁴¹. И при этом именно интеллигенция громко заявляла в последние годы о том, что надо всячески поддерживать языки меньшинств и расширять практику их преподавания в школе и при этом многие сторонники расширения сфер функционирования языков меньшинств в повседневной жизни, в семье продолжали использовать исключительно русский язык, как средство общения. *Но именно семья является основным хранителем традиций, включая языковые традиции, а школа может и должна лишь систематизировать знания родного языка.*

Тем не менее, в национальных республиках задачу сохранения языковых традиций этнические активисты возлагают только на школу, а поэтому и они, и многие языковеды на местах постоянно говорят о необходимости увеличить количество часов, отводимых на изучение языков меньшинств.

⁴¹ Соловьев В.С. По пути духовного прогресса: Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма и верований населения Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1987. С. 104–106.

Языковой нигилизм, языковой романтизм и языковой прагматизм

Анализ различных социолингвистических параметров коми-зырянского, марийских, мордовских, удмуртского языков позволил специалистам дать достаточно высокую оценку их жизнеспособности. Однако, было отмечено, что перспективы их дальнейшего функционирования связаны с тем, будут ли экстралингвистические факторы способствовать или препятствовать функциональному развитию этих языков. А таких факторов очень много, и главный из них – это позиция самих потребителей языка. Многочисленные опросы показывают, что большая часть карел, коми, удмуртов, марийцев, мордвы заявляют о том, что знать язык предков желательно. Многие родители заявляют, что они желали бы, чтобы их дети знали язык своего народа. Но идеальные модели культурного поведения и культурного позиционирования совсем не согласуются с жизненными стратегиями и практикой рационального выбора.

Исходя из рациональных соображений и слабой востребованности языков меньшинств, многие родители ни дома не говорят с детьми на знакомом им с детства языке, ни стремятся к тому, чтобы их ребенок в школе его изучал, полагая, что лишние нагрузки их ребенку ни к чему.

В самом начале 1990-х гг. лингвисты и этнические активисты стали маркировать такую позицию как языковой нигилизм. Но сама названная практика родилась тремя десятилетиями ранее.

В 1958 г. был принят новый и достаточно демократичный закон о школе, и родители учеников получили право сами выбирать язык обучения для своих детей. К тому времени уже несколько десятилетий в республиках существовали национальные школы, в которых обучение велось на национальных языках. Но многие родители полагали, что качество обучения в «русских школах», т. е. в тех, где обучение велось на русском языке, выше, чем в национальных. Помимо этого, тогда был очень высок престиж высшего образования, и многие родители стремились к тому, чтобы их дети после окончания школы поступили в институты, где обучение велось уже почти исключительно на русском языке. В результате в автономных республиках РСФСР родители составляли массовые обращения к властям с просьбой перевести обучение в национальных школах на русский язык (союзные республики этот процесс не затронул). Началось стремительное сокращение числа нацио-

нальных школ, и в 1970-е гг. национальная школа существовала уже лишь условно.

С начала 1990-х гг. предпринимались активные меры, направленные на поддержку языков. Эти меры оказались недостаточными, и языковая ситуация в республиках и округах не изменилась. Впрочем, уже в начале 1990-х на волне подъема этнонациональных движений заговорили не только о необходимости бороться с языковым нигилизмом и подвергать публичному осуждению тех, кто не хочет учить родной язык, но и стали требовать от доминантных групп изменить свое языковое поведение.

К примеру, в резолюции съезда мари, прошедшего в 1992 г. (его считают третьим, поскольку первые два состоялись в 1917 и 1918 гг.), «О языке» предлагалось немедленно начать обучение всех руководящих работников марийскому языку независимо от их желания. В резолюции первого съезда коми народа (1991 г.) «О национальной политике в области языка и культуры» заявлялось: «Съезд коми народа считает, что руководящие органы республики должны обеспечить и гарантировать сохранение национальной самобытности коми, его языка как организатора нации и носителя культуры, необходимо национально-языковую политику перевести из ряда деклараций и заверений в конкретные действия. Именно на защиту языка, развитие его функций, на расширение применения должны быть направлена деятельность органов государственной власти. Начать работу по улучшению качества языка, расширить словарный запас»⁴². Помимо того что коми рассматривались как самостоятельная нация, существующая вне республиканского сообщества, обращает на себя внимание то, что с одной стороны коми движение, как и аналогичные организации в других республиках с финно-угорским населением, требовало, чтобы титульные этнические группы были признаны субъектами политики и права («коллективная включенность в политические процессы» и идея групповых прав), но с другой – не хотели рассматривать их субъектами истории и культурного самоопределения. Иными словами, этнические антрепренеры *ратовали за огосударствление этничности*,

⁴² Резолюция съезда коми народа «О национальной политике в области языка и культуры» // Штрихи этнополитического развития Коми Республики: Очерки. Документы. Материалы. Т. 1 / Сост. Ю.П. Шабаев. М.: ЦИМО, 1994. С. 192.

не принимая во внимание роль самого народа и его культурной элиты в деле сохранения и развития языка и культуры, не учитывая мнение самих потребителей языка, полагая, что этнические активисты вправе сами решать, что желают их соплеменники или вправе не принимать во внимание их культурные запросы и ориентации.

Более того, предлагались тезисы программы развития языка, суть которых сводилась к расширению словарного состава и расширению функций. Ни то, ни другое без наличия социального запроса со стороны реальных потребителей языка осуществить было невозможно.

Однако реальные потребности и интересы потребителей языка в дальнейшей языковой политике в расчет не принимались, в чем и состояла принципиальная ошибка как этнических антрепренеров, так и поддержавших их требования властей.

Идея расширения словарного состава финно-угорских языков была трансформирована в безудержный пуризм. Поскольку языковедам в республиках дали карт-бланш на разработку и реализацию стратегии языкового развития финно-угорских языков, постольку они взяли на вооружение опыт Финляндии и Венгрии, где в эпоху национального пробуждения в XIX в. проводилась активная политика вытеснения иностранных заимствований в финском и венгерском языках и замещение их финскими или венгерскими аналогами. Позднее лингвисты признали такую практику ошибочной, ибо ни один из языков не может существовать без заимствований.

Но языковеды в «финно-угорских регионах» РФ, которые, как правило, сами являлись носителями уральских языков, свою главную задачу видели в том, чтобы очистить языки от заимствований, расширить словарный фонд языков за счет активного словотворчества. Вот что по этому поводу заметил коми языковед Е. Цыпанов: «За последние 12–15 лет в коми, удмуртском, марийском, а также в мордовском и карельском литературных языках имеют место схожие процессы активного расширения лексических ресурсов за счет создания и активизации собственно-языковых слов-неологизмов, которые употребляются взамен заимствованных лексем или же чаще всего параллельно им в качестве синонимов. Появились десятки и сотни новых слов, например, коми *оланпас* “закон”, *енби* “талант”, удм. *кункрезь* “гимн”, *лулчеберет* “культура”, марийский *шанче* “наука”, *тоштер* “музей” и т. д. Одним словом, за более чем десятилетний период в родственных

языках возникла новая лингвистическая реальность в виде большого корпуса неологизмов...»⁴³

В финно-угорских языках за короткий промежуток времени появилось по несколько тысяч новых слов, и такое масштабное словотворчество воспринимается неоднозначно специалистами, о чем свидетельствует острая дискуссия коми филологов, имевшая место несколько лет назад, в ходе которой известный коми драматург и исследователь О. Уляшев назвал огромный корпус неологизмов, внедряемых в современный литературный язык коми, «китайской грамотой»⁴⁴. Творцы новой языковой реальности с ним не были согласны, но простые потребители языка давно говорят о том, что язык, на котором говорят дикторы на телевидении, на котором публикуются статьи в комиязычной прессе, «стал непонятен». И подобная ситуация не только в Коми, но и в других республиках. Так, в Республике Марий Эл в социальных сетях нередко упреки в адрес местных языковедов, которые, по мнению их авторов, «убивают марийский язык». Действительно, практика заимствований, которую предлагают финно-угроведы, достаточно странная, ибо она не опирается на исторические и культурные корни. Обычно культурное или политическое явление, институт или продукт, которые никогда прежде не присутствовали в истории и культуре народа и полностью заимствованы, получают то имя, которое они имели в той культурной среде, откуда они заимствованы. Восторг языковеда по поводу того, что коми языковеды смогли придумать собственный аналог термина «закон» или термина «конституция», непонятен, ибо ни собственной системы кодифицированных правовых норм (речь не идет о нормах обычного права), ни собственного парламента в истории коми народа не было. Поэтому изобретенные термины являются совершенно чужеродными и поэтому же никто из коми их не знает и пользуется привычными «русскими заимствованиями». В истории удмуртского народа неизвестна практика исполнения государственного гимна (а потому и само слово «гимн» в словарном составе удмурт-

⁴³ Цытанов Е.А. Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всерос. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005. С. 25.

⁴⁴ Уляшев О.И. Орõм вужъясысь кыён кыввор // Войвыв кодзув. 2005. № 4.

ского языка отсутствовало), а марийская историческая традиция основана не на принципах музеефикации, а на устной памяти поколений, и институт музеев является полностью заимствованной новацией.

Приговор пуризму вынесли сами потребители языка. Так, в Усть-Куломском районе Республики Коми, где 90% населения составляют коми и где совершенно благоприятная среда для функционирования коми языка, недавно произошло показательное событие.

Здесь 13 января 2017 г. в районном доме культуры был проведен «круглый стол». Дискуссия, которая там имела место, «касалась нежелания родителей усть-куломских школьников получать знания по предмету «Коми язык» в рамках программы изучения родного языка».

После проведения «круглого стола» в адрес информационного агентства «Комиинформ» поступило коллективное письмо родителей и представителей администрации района, в котором говорилось, что «круглый стол» оказался неподготовленным, а представители исполкома «Коми войтыр» (главной этнонациональной организации коми), приехавшие для участия в нем, пытались навязать свое мнение его участникам и не слышали оппонентов. А оппоненты этнических активистов справедливо заявили, что «заставить родителей в условиях незаинтересованности с их стороны выбрать в качестве языка обучения коми язык невозможно»⁴⁵. В откликах на эту публикацию многие корреспонденты писали, что детей в школе заставляют изучать какой-то непонятный язык, на котором в обычной жизни не говорят. Это был приговор пуризму, но одновременно ситуация выявила другую проблему. Обычно, дискутируя проблему преподавания языков меньшинств, многие говорят, что ответственность за изучение языков меньшинств лежит на институтах государства. И это верно. Но одновременно надо сказать и о том, что не меньшая доля ответственности за успех языкового образования должен лежать на культурных элитах. Очевидно, что языковеды в регионах этой ответственности не ощущают, ибо их разработки не ориентированы на интересы собственных народов. Таким образом, в процессе построения системы языкового образования очевидно назрели

⁴⁵ Власти и общественность Усть-Кулома возмущены обвинениями со стороны «Коми войтыр» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komiinform.ru/news/143408/> (дата обращения 27.11.2019).

две конфликтные ситуации: одна в среде лингвистов, касающаяся допустимых пределов языковых заимствований и стратегии развития финно-угорских языков, вторая между культурной элитой и этническими сообществами в целом.

Для того чтобы решить очевидные языковые проблемы, было решено ввести практику директивного изучения языков титульных групп в национальных республиках.

Идейным обоснованием подобной политики послужило восприятие республиканских социумов как иерархически организованных территориальных сообществ, в которых на вершине «культурной пирамиды» находится «коренной народ» (титульная этническая группа). Народ, который находится на вершине пирамиды, символически маркируется как «главный», а потому его культурные ценности (включая язык) становятся обязательными для усвоения и всеми другими членами территориального сообщества, независимо от их желания, культурного выбора и их доли в составе населения. Поэтому, ориентируясь на подобные идеи в Коми, Мордовии в 2004, в Коми в 2011, в Марий Эл 2013 г., было введено обязательное изучение языков титульных групп этих республик для всех учащихся средних образовательных заведений. Аналогичные меры были предприняты также в Татарстане, Чувашии, Башкортостане, Якутии. При этом никто не обратил внимание на то, что создание преференций для языков титульных этнических групп противоречит принципам «Европейской хартии региональных языков», а равно и правам человека, а точнее – его культурным правам.

При этом этнические организации многие их активисты, исследователи и политики склонны называть институтами гражданского общества. Однако могут ли институты гражданского общества отрицать права человека, не считаться с интересами гражданских сообществ и последовательно отстаивать узкогрупповые интересы?

Следует также заметить, что для качественного преподавания национальных языков, а особенно для создания полноценных программ обучения на этих языках, необходимо решить целый ряд проблем, а именно: завершить нормирование языков, обогатить их словарный состав научно-технической политической и правовой лексикой (без которой невозможно вести преподавание на этих языках многих школьных предметов), создать комплекс учебников, учебных пособий и методик изучения языков, подготовить качественный корпус преподавателей этих языков, решить

проблему создания сбалансированной системы этнокультурного образования. И это дело не только государства, но и этнической элиты, от которой требуется настоящее подвижничество в названной сфере деятельности.

Безусловно, была и определенная рациональная основа в том, что принимались решения об обязательном изучении языков титульных этнических групп в национальных республиках. Изначально было понятно, что в сложившейся языковой ситуации относительно быстро поднять престиж финно-угорских (и многих других) языков и изменить этнокультурную ситуацию не получится. Поэтому выход виделся в том, чтобы заставить изучать эти языки всех школьников средних школ независимо от их этнической принадлежности. Но подготовку общественного мнения к введению такого рода образовательных практик не осуществили, мнение большинства игнорировали, включая и мнение представителей титульных групп. При этом многочисленные опросы населения показывали, что в большинстве своем люди выступают за добровольное изучение языков, и последний большой опрос, который был организован в 2017 г. Институтом этнологии и антропологии РАН, только подтвердил подобные настроения. Показательно, что 44,7% опрошенных в Коми школьников вообще заявили, что «национальный язык не нужен», в Удмуртии такой же позиции придерживаются 49% школьников, в Марий Эл – 42%, а в Мордовии – 54%! Среди родителей школьников эту позицию поддержали 23,3% респондентов в Коми и соответственно 40,7% – в Удмуртии, 28,7% – в Марий Эл и 33% – в Мордовии. Идею обучения детей в школах на языках титульных этнических групп школьники практически отвергли (только в Удмуртии за это высказалось 1,3% опрошенных школьников, в других регионах менее 1%). Изучение языков как предметов (что тогда имело место в Коми, Марий Эл и Мордовии) поддержала в целом примерно пятая часть школьников и несколько большая доля родителей (от 18,6% в Удмуртии до 36% в Коми, а в среднем – четверть опрошенных). Эти данные напрочь опровергают мнение о том, что надо форсировать обучение языкам титульных групп с одной стороны и заявления, что «язык не уважают». Отношение к языку меньшинств в целом лояльное, но вполне рациональное.

Что касается перевода обучения на языки меньшинств и «возрождения национальной школы», чего требуют радикалы, то оно в принципе невозможно, поскольку потребность в этом отсутствует, а кроме того, для этого не создано реальных условий, ибо

даже в национальных школах Татарстана, где дети обучались на татарском языке химии, физике, математике, учителя вынуждены были преподавать на русском, ибо даже в таком развитом языке, как татарский, не хватало научных терминов.

И неслучайно также и то, что протесты против практики директивного навязывания языков в национальных республиках продолжались несколько лет, но власти на местах их не слышали. Между тем названная практика практически привела к формированию внутренних культурных конфликтов в республиках, что фактически работало на разрушение гражданской солидарности и межнационального согласия. Только когда В. Путин на совещании в Йошкар-Оле летом 2017 г. справедливо указал на недопустимость культурного диктата в языковом образовании, положение дел стало меняться. Хотя власти Коми повели себя довольно непоследовательно, а руководство Татарстана попыталось отстоять идею языкового всеобуча ссылками на особый статус республики и ее этнокультурную специфику.

Пуризм и практика директивно навязанного языкового всеобуча отвечали неким романтическим настроениям этнических элит, которые стремились к мифическому «культурному возрождению» финно-угров, но не считались с интересами и настроениями самих потребителей языков, а тем более с общими интересами местных сообществ, ибо эти интересы никак не учитывались в идеологии этнонациональных движений и их покровителей.

Фактически же романтизм элит вылился в простое культуртрегерство, которое не должны позволять себе ответственные деятели науки и культуры. Языковеды и чиновники на местах не считались с опытом языкознания, который показал, что пуризм как эффективная форма развития языка бесперспективен, а языковое строительство должно находиться в тесной зависимости от того, что может принять потребитель языка. В результате массированного словотворчества был создан новояз, который не принимают многие из тех, для кого обновленная форма литературных языков уральцев, а функционирование языка и тем более языкового образования было серьезно осложнено.

Многие так называемые эксперты, анализируя языковую и этнокультурную ситуацию в регионах проживания уральцев и рассматривая их как специфическую культурную аудиторию, игнорируют мнения и потребности этой самой аудитории. Примером такого рода анализа служат недавно обнародованный доклад «Коренные народы и право на информацию» и аналитический

материал, опубликованный в 2019 г. на сайте MariUver «Общие проблемы изучения национальных языков в школах республик Поволжья и Урала».

Здесь представлены данные о количестве учебных часов, выделяемых на изучение национальных языков в разных классах школы и в разных типах учебных заведений, констатируется, что изучение языков носит формальный характер, но нет аргументированных доказательств в пользу того, какое количество часов требуется выделить для того, чтобы изучение языков перестало носить формальный характер (есть только заявление, что «даже 4–5 часов в неделю мало»), и нет никаких сведений о согласии самих потребителей языковых знаний, т. е. учеников и их родителей, принять существенное увеличение учебной нагрузки, связанной с углубленным изучением национальных языков, т. е. по мнению сторонников расширения языковой программы (и очевидной необходимости сокращения часов на другие предметы). Из рассуждений экспертов прямо или косвенно вытекает, что *право решать*, что нужно потребителям языковых знаний, само собой принадлежит неким культуртрегерам (выступающим как эксперты), но не самим потребителям культурной или иной другой информации. Однако в таком случае право перестает быть ПРАВОМ, *ибо идея прав человека подменяется идеей культурного диктата, и сторонники этнизации культурного пространства, как правило, последовательно отстаивают идею диктата группы над личностью*.

Во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН еще в 1948 г., в 26-й статье говорится, что образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми, религиозными группами, и та же самая мысль изложена в целях и принципах Европейской хартии и языков.

В чем причина того, что в республиках с финно-угорским населением многие представители национальной интеллигенции заявляют о необходимости обязать изучать язык предков тех детей, чьи родители принадлежат к титульным этническим группам населения? Ответ надо искать в стереотипах массового сознания, которые до сих пор не преодолены. Эти стереотипы четко сформулированы известным философом В. Малаховым: «Российское общественное сознание определено националистическими представлениями об этничности. Это представление, во-первых, об этнической принадлежности как естественном свойстве индивида, во-вторых, об этносах как автономных субъектах социального

и политического действия, в-третьих, о том, что определенный народ на «своей» территории должен обладать большими правами, чем остальные»⁴⁶.

Но некоторые западные эксперты в свою очередь рекомендуют пренебречь правами человека, когда оценивают языковую ситуацию в республиках с финно-угорским населением. В частности, в «Пособии по языковой политике», которое было подготовлено эстонским специалистом Мартом Раннудом и активно распространялось среди деятелей этнонациональных движений финно-угров и региональных экспертов, есть положения, которые прямо противоречат логике укрепления гражданского согласия и правам человека. Так, автор заявляет, что Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, нацелена на защиту национального, религиозного или языкового самосознания, что заставляет понимать культурные сообщества как «коллективные тела», у которых есть это самосознание. На самом деле Раннуд искажает содержание документа, ибо в нем «всего лишь» речь идет о создании условий для сохранения культурных традиций. Отталкиваясь от своеобразной трактовки содержания международных документов, автор заявляет, что между языковыми правами человека могут возникнуть некие противоречия. В чем же он их видит? Оказывается, свобода выбора культурных ценностей, включая выбор языка, может быть вредной, ибо это осложняет группе сохранение ее языка.

Вредным он считает и подчеркивание приоритета индивидуальных прав над коллективными правами, т. е. завуалированно он солидаризируется с теми, кто отрицает приоритет прав человека, и фактически призывает все к тому же диктату группы (а точнее, этнических элит) над личностью, в чем с ним, однако, согласны многие этнические антрепренеры, пытающиеся выступить как культурные мессии.

Но дело в том, что простые представители этнических меньшинств давно отказали этническим лидерам в праве решать за них, на какие культурные ценности необходимо ориентироваться, какую форму культурного (в том числе и языкового) поведения выбирать. Поэтому, несмотря на почти 30-летний период этнического ренессанса, постоянную манифестацию этничности и при-

⁴⁶ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 239.

зывы всячески сохранять некую «традиционную культуру», и молодежь, и их родители ориентированы на космополитическую культуру города и русский язык как основное средство общения и культурного потребления. Культурные элиты меньшинств оказались оторванными от своих этнических сообществ, ибо миссию будителей они не смогли выполнить. А когда государство встало не на сторону этнических антрепренеров, а на сторону простых граждан, законодательно закрепив право на культурную свободу, включая свободный выбор языка обучения и свободное изучение родного языка как предмета (включая и самостоятельный выбор этого самого родного языка), тогда этнические антрепренеры и особенно этнические романтики оказались в состоянии фрустрации, чему свидетельством стало самосожжение перед зданием парламента Удмуртии активиста удмуртского движения (и исследователя) Альберта Разина, занимавшегося «реконструкцией языческих верований»⁴⁷ в знак протеста против того, что язык более стало невозможно навязывать людям, что им позволено добровольно выбирать языки обучения.

И названное печальное событие вновь попытались использовать этнические радикалы, которые в соцсетях выражали лицемерное сочувствие не родным, близким, друзьям и коллегам погибшего, а исключительно удмуртскому народу, выступая от имени других этнических меньшинств, которые не давали им полномочий на это. Этническим антрепренерам вторили и некоторые политики на Западе, особенно в Эстонии, что очень напоминало события 2005 г.

Конечно, подобная форма социального протеста не могла не вызвать волну откликов. Очень многие с уважением отнеслись к акту гражданского неповиновения и той ее форме, которую избрал Разин. Но она тут же вызвала и волну политических и культурных спекуляций.

Так, эстонский активист и руководитель маркетингового агентства Consumetrics (занимающегося преимущественно не коммерческим, а этнополитическим маркетингом) Оливер Лооде справедливо заметил, что в послании Разина к удмуртскому парламенту содержаться радикальные требования, которые связаны с предложением ввести обучение удмуртского языка во всех дет-

⁴⁷ Мельников А. Бунт языческого Разина. Ренессанс коренных народов не сводится к пельменным фестивалям и конкурсам рыжеволосых // «Независимая газета». 2019. 18 сент.

ских садах и начальной школе, вряд ли будет поддержано местными законодателями. Это очевидно в той этнокультурной ситуации, которая имеет место в республике.

Но он не удержался от того, чтобы предложить идею культурных провокаций, предложив следующую идею: «Например, представьте, что в Ижевске к кассиру банка или продавцу магазина удмурты начнут обращаться на удмуртском языке по умолчанию и вежливо переходить на русский язык только в том случае, если собеседник не понял сказанного.

Почему бы и нет, если действительно все языки одинаково велики? Удмуртский – это язык коренного народа Удмуртии и государственный язык этой республики. Почему бы не начать с разрушения восприятия удмуртского как второсортного, относясь к нему как к равному, официальному языку, через повседневное использование языка? Как бы тривиально это не звучало»⁴⁸.

Очевидно, что предложенная идея противоречит нормам культуры языкового поведения, о которых во многих республиках не говорят даже лингвисты, а тем более этнические радикалы. Норма эта проста и состоит в элементарном правиле – в коллективе, где есть представители разных этнических групп, надо говорить на том языке, который понимают все его члены. Во-вторых, высказанная Лооде идея объективно будет способствовать возникновению многочисленных конфликтов на межличностной почве и разрушать взаимопонимание между людьми разных национальностей. И есть примеры такого рода из эпохи этнического ренессанса, т. е. из первой половины 1990-х гг., когда этнонациональные движения были на подъеме и пытались навязать и региональным властям, и местным сообществам идею культурных иерархий. Так, в Коми в эти годы на страницах печати активно обсуждался случай в самолете, который летел из Москвы в Сыктывкар. Один из пассажиров, который, видимо, был сторонником идей коми движения и полной этнизации жизни в республике, вызвал стюардессу и стал обращаться к ней по коми. Она справедливо ответила, что не понимает этого языка и попросила высказать свою просьбу по-русски. Но пассажир активно и настойчиво продолжал требовать, чтобы с ним говорили по коми, ибо совсем недавно (1992 г.) в республике был принят закон о государствен-

⁴⁸ Лооде О. «Все языки велики» – послы Разина миру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idelreal.org/a/30209220.html> (дата обращения 27.11.2019).

ных языках и коми язык получил статус государственного. Закончилось все это громким скандалом, ибо стюардесса не выдержала и сорвалась. Описавшая этот случай в республиканской прессе преподаватель коми языка из Коми государственного педагогического института осуждала не провокатора, который намеренно провоцировал конфликт и игнорировал культуру языкового поведения, а стюардессу.

Поступок А. Разина привлек к себе внимание многих этнических активистов, но он не мог остаться незамеченным и учеными. Так, академик В.А. Тишков справедливо заметил в Фейсбуке, что язык не является обязательным условием развития и сохранения этнических культур. Его оппонентами сразу же стали не только этнические антрепренеры, но и ученые из республик. Член Татарской академии наук (а Татарстан создал собственную академию наук) Индус Тагиров заявил: «Человек в душе всегда остается тем, кем родился. Родной язык у него, равно как и многие черты национального характера, в крови. То, что его не выучили этому языку, вовсе не означает, что родным для него является язык чужого народа»⁴⁹. Но приведенные выше факты говорят, что языки способны умирать, возрождаться, интерес к ним может ослабевать и вновь усиливаться, что есть достаточно много случаев, когда народы пользуются языками культурных соседей и при этом сохраняют свою культурную самобытность. И с кровью «перелить» язык больному языковым нигилизмом «пациенту» не получится. Стоит заметить, что даже трагическая гибель удмуртского активиста не побудила начать прагматичное обсуждение проблемы языкового развития в национальных республиках, а лишь спровоцировала новую волну критики в адрес тех изменений, которые были внесены в федеральный закон о языках и очевидно, что пока региональные языковеды и эксперты не будут безусловно уважать культурные права личности, включая право на культурную свободу, общество будет отказывать им в доверии.

А прагматичный подход к языковому развитию состоит не в копировании методик, которые нельзя использовать в поликультурной среде (например, методе языкового гнезда), а в создании условий для изменения культурного поведения потребителей языка.

⁴⁹ «Камо грядеши»: Индус Тагиров о живых и мертвых языках [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/442313> (дата обращения 27.11.2019).

В социологическом плане не вызывает сомнений, что для контактов внутри группы и укрепления ее самости необходимо, чтобы связи внутри группы превалировали над внешними контактами, а значит, в этом контексте важно, чтобы этнические языки строились и пропагандировались как инструмент интеграции. И эта пропаганда ни в коем случае не должна носить формального характера, как это имеет место сегодня. Потребность в культурной интеграции диктует необходимость ориентировать языковое строительство именно, и прежде всего, на *конечного потребителя культурных ценностей*.

Иными словами, схоластические упражнения филологов, связанные с форсированным словотворчеством, и другие эксперименты с языками нельзя признать продуктивным подходом к решению проблем языкового строительства, ибо они не учитывают интересы простых пользователей языка, а только способствует утрате языковых компетенций представителями титульных групп. Их надо как можно скорее прекращать, ибо такие эксперименты противоречат идее сохранения языков и препятствуют развитию языкового образования.

У носителей финно-угорских языков всегда есть под рукой мощный языковой ресурс – русский язык, а потому если «родной язык» становится непонятен, они естественным образом и очень быстро переходят на использование русского языка. И носители языков именно это и продемонстрировали своим местным культутрегерам.

Имевшие место попытки сделать язык титульных этнических групп обязательным предметом для изучения в средних школах национальных республик вряд ли можно считать конструктивными (даже не принимая во внимание правовую сторону вопроса), поскольку они порождают конфликт интересов между разными этническими группами населения и нужна более гибкая языковая стратегия для пропаганды ценности языков меньшинств.

Сегодня ни в одной из республик с финно-угорским населением нет продуманных и целостных программ по формированию имиджа языков титульных этнических групп. Между тем опыт разработки и реализации подобного рода программ есть в мировой практике языковой политики. В таких программах на первом месте стоит задача формирования общественного мнения о престижности языка, но она тесно увязана с задачей так называемого «языкового маркетинга», решение которой призвано изменить

языковое поведение носителей недоминантного языка, а сам язык представляется как своеобразный продукт, и в сфере общественного потребления рекламируются преимущества и достоинства этого продукта.

Язык должен стать привлекательным продуктом в первую очередь в информационных ресурсах. Отдельные энтузиасты пытаются создавать подобные информационные ресурсы, но эта работа не приобрела системного характера. Между тем пример скандинавских саамов показывает, что язык можно сохранять и развивать не только методом языкового гнезда, когда одно маленькое поселение замыкается в себе и ограничивает внешнее информационное воздействие, поскольку в данном населенном пункте полностью преобладают представители лишь одной этнической группы, принадлежащей к этническим меньшинствам. Язык можно успешно сохранять и развивать за счет его визуализации и коммодификации. Коммодификация – это процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке. Наиболее успешный пример использования этого метода для сохранения этнических культур и превращения их в привлекательный рыночный продукт – этнографический туризм. Вовлекаемые в процесс коммодификации саамские языки превращаются в ресурс оригинальности и аутентичности, а не рассматриваются только как инструмент политики идентичности или сфера применения языковых прав. Язык получает дополнительные ресурсы для развития, поскольку выступает в качестве «визитной карточки» региона.

Поэтому сегодня главная задача тех, кто озабочен положением языков уральцев, состоит в поиске новых и нетрадиционных ресурсов, которые помогут их сохранению и развитию.

Контрольные вопросы и задания

1. Сформулируйте принципы языковой политики.
2. Опишите динамику языковых изменений в республиках с финно-угорским населением.
3. Каковы пути совершенствования языкового образования?

Литература

- Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012.
- Володарская Э.Ф.* Модели языковой политики стран мира // Вопросы филологии. 2009. № 1 (31).
- Воронцов В.С.* Поможет ли новый федеральный закон родному языку? // Этнокультурное образование: Методы социальной ориентации российской школы. М., 2010.
- Галдия М.* Языковое законодательство и предупреждение конфликтов // Этнопанорама. 2004. № 1.
- Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М.: ИЭА РАН, 1998.
- Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (ETS N 148) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902299> (дата обращения 27.11.2019).
- Карелы: модели языковой мобилизации: Сборник материалов и документов / Сост. В.Н. Бирин, Е.И. Клементьев, А.А. Кожанов. Петрозаводск, 2005.
- Коренные народы и право на информацию // Коренные народы Карелии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knk.karelia.ru/2018/02/korennie-narodi-i-pravo-na-informaciju.html> (дата обращения 27.11.2019).
- Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 года): Научно-статистический бюллетень. Йошкар-Ола, 2002.
- Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: Науч.-стат. бюллетень / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева; Авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленева, А.В. Гуляев. Йошкар-Ола, 2016.
- Нагапетова Р.Р.* Швейцарская система школьного образования и процессы языковой интеграции // Европейская интеграция и культурное многообразие. Часть 2. Европейский образ жизни. М.: ИЭА РАН, 2008.
- Общие проблемы изучения национальных языков в школах республик Поволжья и Урала [Электронный ресурс]. URL: https://idelile.blogspot.com/p/blog-page_20.html (дата обращения 27.11.2019).
- Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М., 2000.
- Раннунт М.* Пособие по языковой политике. Таллинн, 2004.
- Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы. М., 1994.

- Фарутин А.* Под угрозой исчезновения // Финно-угорский вестник. 2005. № 39.
- Шабает Ю.П., Воронцов В.С., Орлова О.В., Мартыненко А.В., Миронова Н.П.* Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением) // Вопросы филологии. 2018. № 1.
- Шабает Ю., Задорин М.* Права коренных народов // Народы Севера России: обычаи, традиции, культура: справочник. М.: КНОРУС, 2017. С. 201–209.
- Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник М.: Academia, 2002.
- Baker C., Jones S.P.* Language Marketig // Baker C., Jones S.P. Encyclopedia of Billingual and Billingual Education. Clevedon, Avon, UK: Multilingual Matters, 1998
- Fishman J.* The primordialist-constructivist debate today: the language ethnicity link in academic and in everyday life perspective // Ethnonationalism in the Contemporary World. Walker Connor and the Study of nationalism / Ed. by D. Conversi. L.; New York: Routlege, 2004.
- Coulmas F. (ed.).* A Language Policy for the European Community: Protects and Quandaries. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Kress G.R., Hodge R.* Language as Ideology. L.: Routledge, 1979.

Заключение

За последние 100 лет уральские народы России, а равно и многие другие культурные сообщества, прошли несколько этапов модернизации, которые определяют их современный культурный облик и динамику их культурной эволюции.

Первый этап модернизации связан с революционными потрясениями в России, происходившими в 1905 и 1917 годах. Революционные события 1917 г. привели к смене режима и радикальной перестройке устоев российского общества, которая осуществлялась сверху и преимущественно путем государственного насилия. Это касалось всех сторон социальной жизни, включая культурную и религиозную жизнь.

Первоначальный этап советизации уральских народов был связан с институциональной и идеологической модернизацией. В регионах проживания этих народов с 1920 по 1930 г. были созданы территориальные автономии для финно-угорских и самодийских народов, их языки получили статус официальных и стали развиваться как литературные, что привело к формированию национального книгоиздания и национальной литературы и печатных СМИ. Стала складываться профессиональная художественная культура и начали формироваться кадры национальной интеллигенции. В идеологическом плане народы, именем которых были названы национально-государственные образования, были объявлены символическим собственником их территории (коренными народами) и получили серьезные политические и культурные преференции. Важно иметь в виду, что этничность стала формой идеологии и была огосударствлена. Институт церкви и религия потеряли свое прежнее значение.

В 1950-е гг. стали происходить глубокие модернизационные изменения в уральских сообществах. Во-первых, произошел переход от расширенной к нуклеарной семье и от многодетности к малодетности. Во-вторых, из аграрных сообществ уральские народы стали превращаться в урбанизированные, село перестало играть роль демографического генератора, и сельское население стало стремительно стареть. В урбанизирующихся сообществах изменились культурные ориентации людей, ибо сама культурная среда стала принципиально иной. Русский язык стал основным

средством повседневной коммуникации, и все попытки изменить ситуацию не увенчались успехом именно потому, что они не принимали во внимание характер культурного поведения рядовых потребителей культурных ценностей (культурных продуктов).

Эти изменения не приняты частью этнических элит, которые полагают, что этнические культуры всегда стабильны и неизменны, а их носители связаны с этими культурами узами «крови и почвы».

В современных условиях чтобы избежать конфликтов (как это имеет место в вопросе языкового образования) и фрустраций в среде этнически ориентированных представителей элит, необходимо развивать систему этнокультурного просвещения и образования, но строить эту систему следует, ориентируясь на гражданскую сущность региональных сообществ и объективно сформировавшуюся поликультурность.

Это означает следующее:

1) необходимо исключить понимание и презентацию республиканских и окружных сообществ как своеобразных культурных пирамид;

2) следует очистить культурную и политическую лексику региональных элит от политизированных бинарных оппозиций типа «коренной народ – некоренное население», ибо все люди, живущие в республиках и округах, являются их равноправными гражданами и гражданами единой страны – России;

3) систему этнокультурного образования надо строить исходя из необходимости того, что ученики должны иметь адекватное и полное представление о культурном многообразии России и о культурном многообразии регионов, о сложном характере их исторической эволюции, и ни одна культурная группа не должна быть представлена в региональных версиях истории как некое особое сообщество, вычленяемое из региональных социумов;

4) культурная пропаганда должна преследовать цели укрепления гражданской солидарности и ценностей гражданского общества;

5) права на культурные отличия и на культурную свободу должны восприниматься как равнозначные, что означает с одной стороны поддержку устремлений тех групп, которые стремятся сохранить культурную самобытность, а с другой – безусловное уважение к культурному выбору отдельной личности, ибо только сам человек вправе решать, в какого бога верить и на каком языке говорить или обучаться.

Шабаев Ю.П.

Ш12 Управление культурным многообразием России:
опыт национальных республик: Учебное пособие / Отв. ред.
М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2019. 171 с.
ISBN 978-5-7281-2571-6

В учебном пособии изложены теоретические основы и опыт управления культурным многообразием в России и современном мире. Основное внимание уделено доктринальным основам, на которых строятся региональные модели государственной национальной политики и практики их реализации, включая языковую политику и способы презентации этничности в регионах. В качестве примера выбраны национальные республики и автономные округа, где титульным населением являются финно-угры. Показаны этнодемографические и социальные изменения в этих республиках и их влияние на позиции этнонациональных движений, а также региональных властей. Особое место уделено анализу этноязыковых процессов. Рассматривается также роль широких культурных пространств в пропаганде культур и попытках формирования сфер влияния с помощью мягкой силы.

Для бакалавров и магистров, аспирантов, а также для работников органов государственного и муниципального управления, отвечающих за разработку и проведение политики в сферах национально-культурного и этноязыкового развития.

УДК 351.85(075)
ББК 63.3(2)6-7я73

Учебное издание

Шабает Юрий Петрович

Управление
культурным многообразием россии:
опыт национальных республик

Учебное пособие

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 15.12.2019.

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 11,6. Усл. печ. л. 10,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 719

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-42-06